
МАРИ РАЗВИНА
В КАЖДОМ моём ЗАВТРА
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Мари Развина
В каждом моём завтра

https://litres.ru/75055462
SelfPub; 2026

Аннотация

ОЛИВИЯ

Мне двадцать три. У меня двое маленьких детей, старый дом и слишком много причин не доверять мужчинам.

Последнее, что мне нужно, — огромный татуированный механик, который смотрит на меня так, будто я испортила ему жизнь одним своим появлением.

ДИН

Мне тридцать. У меня своя мастерская, отличный дом и прекрасная жизнь, в которой нет места чужим проблемам.

Особенно если эти проблемы разъезжают на чёрном Cadillac, носят длинные рыжие волосы и имеют двух маленьких детей.

Я не собираюсь с ней связываться.

Даже если она охренительно красивая.

Даже если живёт за моим забором.

Даже если однажды я пойму, что больше всего на свете хочу стать частью её грёбаного хаоса.

Она пытается научиться жить без страха. Он — не бояться любить. И ни один из них не готов к тому, что произойдёт между ними.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Я не сбежала	7
Глава 2. Рыжая проблема	30
Глава 3. Соседка за забором	44
Глава 4. Не моё дело	61
Глава 5. Чернила и яблони	74
Глава 6. Тишина мне только снится	98
Глава 7. Маленькими шагами	132
Глава 8. Мне совершенно всё равно	158
Глава 9. Я справлюсь сама	190
Глава 10. Чужие проблемы	214
Глава 11. Сколько я тебе должна?	241
Конец ознакомительного фрагмента.	258

Мари Развина
В каждом моём завтра

Предисловие

У каждой истории есть своя музыка. Эта — о том, как начать всё сначала, научиться доверять и однажды обрести дом не только в знакомых стенах, но и рядом с любимыми людьми. Пусть эти песни станут вашим сопровождением в путешествии по Брайарвуду.

Начать жизнь заново

Taylor Swift — *it's time to go*
Sleeping At Last — *Saturn*
Lord Huron — *The Night We Met*
Billie Eilish — *everything i wanted*
Taylor Swift — *this is me trying*

Невыносимый сосед

Hozier — *Almost (Sweet Music)*
Arctic Monkeys — *Do I Wanna Know?*
Chris Stapleton — *Tennessee Whiskey*
The Neighbourhood — *Sweater Weather*
Taylor Swift — *Gorgeous*

Между нами что-то меняется

Noah Kahan — *Everywhere, Everything*

Hozier — *Like Real People Do*
Taylor Swift — *Delicate*
SYML — *Where's My Love*
James Arthur — *Falling Like The Stars*
The Paper Kites — *Bloom*

Рядом с тобой не страшно

Taylor Swift — *Daylight*
Taylor Swift — *The Archer*
Kodaline — *All I Want*
Coldplay — *Fix You*
Sleeping At Last — *Turning Page*
Ben Platt — *Grow As We Go*

Семья, которую мы выбрали

Luke Combs — *The Kind of Love We Make*
Cody Johnson — *On My Way to You*
Phillip Phillips — *Home*
Edward Sharpe & The Magnetic Zeros — *Home*
Lee Brice — *Boy*
Tim McGraw — *My Little Girl*

В каждом моём завтра

Taylor Swift — *Lover*
Ed Sheeran — *Perfect*
Dan + Shay — *From the Ground Up*
Luke Combs — *Forever After All*
Brett Young — *Lady*
Ben Rector — *Love Like This*

Taylor Swift — *New Year's Day*
Hozier — *Work Song*
Бонус
Taylor Swift — *Paper Rings*

Глава 1. Я не сбежала

ОЛИВИЯ

Я не сбежала.

Я просто переезжала.

Вполне обычное дело. Люди переезжают каждый день. Собирают коробки, забивают багажники, ругаются с навигаторами и начинают новую жизнь. Иногда даже добровольно.

Правда, большинство из них не везёт на заднем сиденье трёхлетнего философа и двухмесячную сирену, которая включается без предупреждения.

— Мамочка, а почему коровы не носят штаны?

Я посмотрела в зеркало заднего вида. Софи сидела в своём кресле с видом человека, обнаружившего серьёзную несправедливость мироздания. За окном проплывали поля и коровы, совершенно не обеспокоенные состоянием собственного гардероба.

— Потому что им удобно без штанов, солнышко.

— А зимой?

— У них шерсть.

— А у меня волосы. Но я ношу штаны.

С этим аргументом было трудно спорить.

— Софи, я обещаю подумать над этим вопросом, когда мы приедем.

— Ты всегда так говоришь.

Господи. Ей три. Откуда у неё уже такой тон?

Тео недовольно заворочался в соседнем автокресле. Я бросила взгляд на часы. До последней остановки прошло достаточно времени, чтобы мой сын решил: человечество снова недостаточно усердно заботится о его желудке.

А мой желудок тем временем не получал ничего, кроме кофе и половины печенья, которое Софи великодушно разрешила мне доесть.

Я чуть изменила положение за рулём. Спина ныла, будто я не несколько часов вела машину, а лично толкала её до Брайарвуда. Длинные волосы, собранные кое-как на затылке, цеплялись за воротник. На пассажирском сиденье лежали салфетки, бутылка воды, детская книжка и список вещей, который я составила, а потом с особым талантом проигнорировала.

— А в новом доме будет моя комната? — спросила Софи.

— Будет. Сначала найдём её под пылью.

— А пыль там живёт?

— Похоже, давно и без арендной платы.

Софи задумалась.

— Надо попросить её съехать.

— Отличная идея. Поручу переговоры тебе.

Она удовлетворённо кивнула. Тео издал звук, напоминающий недовольство старого чайника.

И тут я почувствовала знакомую тяжесть в груди.

— Чёрт, — пробормотала я.

Опустила взгляд и увидела на футболке два расплывающихся влажных пятна. Вкладыши, разумеется, решили, что сегодня у них выходной.

Прекрасно. Я не спала нормально с рождения Тео, а теперь ещё могла подрабатывать передвижным молочным заводом.

На ближайшей безопасной площадке я остановила машину, заглушила двигатель и выдохнула. Софи немедленно потребовала сок. Тео немедленно потребовал всё остальное.

Я перебралась назад, достала сына из автокресла и устроилась кормить его. Он присосался с такой решимостью, будто я лично морила его голодом неделю. Густые медно-рыжие волосы торчали у него на макушке, а маленькая ладонь упёрлась мне в грудь.

— Мам, а Тео опять ест?

— Да.

— Он всё время ест.

— Я заметила.

— А почему ему можно есть в машине?

— Потому что он пока не умеет держать ложку.

— Я умею.

— Ты моя умница.

— Тогда дай мне печенье.

Логика железная.

Когда Тео наконец насытился, выяснилось, что подгузник не выдержал испытания дорогой. Пострадали бодик, плед и

последние остатки моего достоинства.

— Да чтоб тебя… — выдохнула я, расстёгивая крошечные кнопки. — Не тебя, малыш. Тебя я люблю. А вот твою пищеварительную систему сегодня немного меньше.

Софи склонила голову.

— А почему ему можно пачкать одежду?

— Потому что он пока не освоил правила приличного общества.

Чистый бодик обнаружился на самом дне сумки. Разумеется, под всем, что мне сейчас было не нужно. Я переодела Тео, пристегнула обоих детей, проверила ремни и только после этого снова села за руль.

В зеркале отражалась женщина с усталыми зелёными глазами, веснушками и причёской, которую можно было назвать «после урагана». Мне было двадцать три. В моей голове этот возраст когда-то выглядел иначе.

Например, в нём определённо должно было быть больше сна и меньше чужих телесных жидкостей.

Но на заднем сиденье Софи тихо напевала придуманную песню про коров в штанах, а Тео наконец уснул. И этого хватило, чтобы я улыбнулась.

* * *

Табличка «БРАЙАРВУД» возникла за поворотом неожиданно.

Я сбросила скорость.

Деревья по обеим сторонам дороги уже горели жёлтым и

оранжевым. Солнце цеплялось за ветви, на тротуарах лежали листья, а маленькие дома за аккуратными заборами казались знакомыми и чужими одновременно.

Я помнила Брайарвуд немного другим. Или, возможно, это я успела стать человеком, которому всё кажется меньше, чем в детстве.

— Мам, здесь всё оранжевое! — восхитилась Софи.

— Осень старалась.

— А мы можем тут остаться?

Я крепче взялась за руль.

— Мы для этого и приехали.

В центре по-прежнему работала пекарня с большими окнами. Чуть дальше стоял книжный магазин «Чернила и яблони». Только теперь за стеклом было темно, а на двери висела выцветшая табличка о закрытии.

На мгновение я вспомнила бабушкину руку, тёплую и сухую, и запах страниц, которые мне разрешали листать бесконечно долго. Потом светофор сменился на зелёный, и я поехала дальше.

Не сейчас. Воспоминания подождут.

Я распрямила спину, поправила выбившиеся пряди и мельком проверила футболку. Следы после кормления почти высохли. Слово «почти» сегодня вообще преследовало меня.

— Мы уже дома? — спросила Софи.

— Почти.

— Ты так говорила раньше.

— У нас с навигатором разные представления о слове «почти».

Снизу раздался металлический дребезг.

Я замерла.

Потом звук повторился — неприятный, резкий, будто кто-то бросил в машину горсть гаек и велел им устроить вечеринку.

— Нет. Нет-нет-нет.

— Что? — оживилась Софи.

— Ничего, солнышко.

Это была ложь. Ничего — это когда ты находишь лишнюю конфету в кармане. А когда под твоим внедорожником что-то громыхает на незнакомой улице с двумя детьми в салоне, это уже очень даже чего.

Я остановилась там, где можно было безопасно съехать с дороги, проверила приборную панель. Никаких предупреждений. Двигатель работал ровно. Но звук при движении оставался.

Если у вселенной был план убедить меня, что я совершенно не готова к новой жизни, она могла бы хотя бы подождать до завтра.

Навигатор показал автомастерскую в нескольких минутах. Я постаралась не думать о том, что придётся просить незнакомого человека о помощи. И о непредвиденных тратах тоже.

* * *

Ворота мастерской были открыты. Внутри пахло маслом, металлом и нагретой резиной. Я остановила чёрный Cadillac на свободном месте и заглушила двигатель.

Из бокса вышел мужчина.

Ох, твою мать.

Он был сексуален как грёбаный бог.

Высокий, широкоплечий, с тёмными растрёпанными волосами, лёгкой щетиной и татуировками, исчезающими под рукавами чёрной футболки. Та совершенно неприличным образом обтягивала его грудь и плечи.

Из тех мужчин, при виде которых мозг на пару секунд забывает, зачем вообще существует.

Мой, например, только что отключился.

Потом включился обратно и настойчиво посоветовал держаться от этого ходячего воплощения тестостерона как можно дальше.

Мужчина подошёл, не улыбаясь. Судя по выражению его лица, терпение у него закончилось ещё до моего рождения.

Я невольно крепче сжала ключи.

— Добрый день, — произнёс мужчина низким, слегка хрипловатым голосом. — Чем могу помочь?

Ого. Он ещё и разговаривать умеет.

— Здравствуйте. У меня с машиной что-то не так.

Его взгляд скользнул к внедорожнику.

— Что именно?

— Снизу что-то дребезжит.

— Когда?

— Во время движения. Минут двадцать назад началось.

Он коротко кивнул.

— Сейчас посмотрю.

— Хорошо. Спасибо.

— Дин Морган, — представился он, прежде чем направиться к машине. — Мастерская моя.

Я растерянно моргнула.

Вообще-то в таких ситуациях принято называть своё имя в ответ. Нормальные люди именно так и делают. Знакомятся. Обмениваются любезностями. Возможно, даже обсуждают погоду.

Но мой мозг, очевидно, решил, что сегодня он уже достаточно поработал.

— Очень приятно, — выдавила я.

И всё.

Ни имени, ни фамилии.

Просто «очень приятно».

Господи, Оливия. Великолепные социальные навыки.

Дин на мгновение задержал на мне взгляд, словно ожидал продолжения, но ничего не сказал.

— Джек! — позвал он через плечо. — Подойди на минуту.

Из открытых ворот мастерской показался ещё один мужчина. Чуть ниже Дина, с похожими тёмными волосами, но совершенно другим выражением лица. Если первый выгля-

дел так, будто с утра уже успел возненавидеть человечество, второй, кажется, находил его существование весьма забавным.

— Если опять скажешь, что я неправильно убрал инструменты, клянусь, я…

Он осёкся, заметив меня.

А затем улыбнулся.

Широко. Обаятельно. И с таким видом, будто только что обнаружил самое интересное событие за весь рабочий день.

— О, привет.

— Здравствуйте, — ответила я.

— Джек Морган, — представился он, вытирая руки тряпкой. — Младший, красивый и гораздо более дружелюбный брат этого засранца.

— Джек, — предупреждающе произнёс Дин.

— Что? Я же правду говорю.

Я невольно улыбнулась.

— Очень приятно.

— Взаимно. А тебя как зовут?

Чёрт.

Прямой вопрос. Никаких шансов сделать вид, что я его не услышала.

Но прежде чем я успела ответить, с заднего сиденья донёсся возмущённый голос Софи:

— Мамочка! Тео проснулся!

Я тут же обернулась к машине.

— Сейчас, солнышко!

— У вас дети? — спросил Джек, заглядывая в сторону внедорожника.

— Да. Простите, мне нужно…

— Идите к детям, — перебил Дин. Не грубо, скорее по-деловому. — Мы пока посмотрим машину.

— Спасибо большое.

Я поспешила к задней двери, чувствуя спиной взгляды обоих братьев.

Прекрасно.

Один представился. Второй представился. А я умудрилась остаться загадочной незнакомкой, которая умеет только извиняться, благодарить и производить на свет маленьких людей.

По крайней мере, последнее у меня получалось значительно лучше, чем светская беседа.

Тео заёрзал в переноске, недовольно засопел и сморщил маленькое личико.

Ну конечно. Стоило мне оказаться в обществе двух незнакомых мужчин, как мой сын решил, что настало идеальное время напомнить всем о своём существовании.

— Сейчас, мой хороший, — пробормотала я, открывая заднюю дверь.

— Мамочка, он опять хочет кушать? — поинтересовалась Софи.

— Надеюсь, что нет. Иначе мне придётся объяснять ему,

что молочный бар временно закрыт на техническое обслуживание.

— Какой бар?

— Никакой, солнышко.

Я достала переноску с Тео, затем помогла дочери выбраться из машины. Дин уже присел возле переднего колеса внедорожника, а Джек остался неподалёку, прислонившись к рабочему столу.

И, судя по всему, совершенно не собирался скрывать, что разглядывает меня.

Его взгляд скользнул по моим волосам, задержался на лице, опустился ниже и снова вернулся к глазам. Джек улыбался вполне дружелюбно, но я всё равно машинально поправила кардиган.

Прекрасно. После нескольких часов дороги, двух детских истерик и одной подозрительно липкой салфетки, обнаруженной у меня в волосах, я наверняка выглядела женщиной, которую стоит пригласить на свидание. Желательно сразу в душ. Одну.

— Долго ехали? — спросил Джек.

— Достаточно.

— По вам не скажешь.

Я вскинула брови.

— Это комплимент?

— Попытка. Как успехи?

— Пока не определилась.

Он рассмеялся.

— Уже лучше, чем обычно.

— Джек, — донеслось от машины, — если закончил развлекаться, подай фонарь.

— Я вообще-то общаюсь с клиенткой.

— Она приехала машину чинить, а не слушать тебя.

— Видишь? — Джек заговорщически посмотрел на меня. — Я предупреждал, что он не самый дружелюбный из нас.

— Фонарь, Джек.

— Всё, всё. Работа прежде удовольствия.

Я почувствовала, как щёки предательски потеплели. Джек, похоже, остался чрезвычайно доволен произведённым эффектом. Дин же выглядел так, будто всерьёз размышлял, можно ли уволить собственного брата за чрезмерную разговорчивость.

Мы отошли в безопасное место, откуда я могла видеть машину, но не мешать работе. Дин занялся осмотром днища, а Джек помог ему с инструментами, после чего снова подошёл к нам.

— Ну что, маленькая леди, — обратился он к Софи, присев на корточки, — как тебе наша мастерская?

Софи немедленно спряталась за мою ногу.

— Софи у нас сначала присматривается, — объяснила я.

— Разумный подход. Я бы тоже не доверял незнакомому мужчине с таким красивым лицом.

Я не удержалась от смешка.

— Сам себя не похвалишь?

— Приходится. Брат отказывается.

— Потому что занят работой, — отозвался Дин.

Софи осторожно выглянула из-за моего бедра. Её внимание, впрочем, привлёк вовсе не болтливый Джек. Она смотрела на татуировки, покрывавшие предплечья Дина.

— Мама, — прошептала она слишком громко для шёпота, — а почему у дяди руки разрисованы?

— Софи, солнышко, не нужно задавать незнакомым людям такие вопросы.

— Татуировки, — произнёс Дин, не отрываясь от работы.

— Они не смываются?

— Нет.

— Даже с мылом?

— Даже с мылом.

— А если очень-очень сильно тереть?

Джек фыркнул.

— Поверь, малышка, я бы давно попробовал.

— Джек, — устало произнёс Дин.

— Что? Я забочусь о твоей гигиене.

Я прикусила губу, пряча улыбку.

— А больно было? — не унималась Софи.

Дин на секунду остановился.

— Немного.

— А зачем тогда?

— Захотелось, — сказал он после короткой паузы.

Софи обдумала услышанное с той серьёзностью, с какой трёхлетние дети обычно решают вопросы государственной важности.

— Странно.

— Согласен, — немедленно вставил Джек.

— Тебя никто не спрашивал, — бросил Дин.

Джек расплылся в улыбке.

— А мне нравится твоя дочь, — сообщил он мне. — Умная девочка.

— Спасибо, — ответила я, поглаживая Софи по волосам.

Дочка, однако, уже перестала улыбаться. Она придвинулась ближе и крепко ухватилась за край моей кофты.

— Мамочка, а дядя сердится? — спросила она тише.

Я присела рядом с ней.

— Нет, милая. Он просто занят.

— Точно?

— Конечно, солнышко.

Дин продолжал работать, сосредоточенно нахмурившись. Он ни разу не повысил голос на нас, не сказал ничего грубого и вообще вёл себя вполне прилично. Просто выражение его лица совершенно не располагало к разговорам о радуге и единорогах.

Я уже приготовилась извиниться за вопросы дочери, за её настороженность, за машину и, возможно, за само наше существование.

К счастью, вовремя прикусила язык.

— Не переживайте, — произнёс Джек, заметив, как я поглаживаю Софи по спине. — У него лицо всегда такое. Даже когда он счастлив.

— Джек.

— Особенно когда счастлив.

На этот раз я всё-таки улыбнулась и поймала на себе короткий взгляд Дина. Он тут же вернулся к работе.

Тео тем временем окончательно проснулся и возмущённо заплакал.

— Ну вот, — пробормотала я. — А я так надеялась, что ты ещё немного поспишь.

Я покачала переноску, но сын не оценил моих стараний. Пришлось взять его на руки, прижать к груди и осторожно похлопать по спинке.

Грудь неприятно налилась. Только не сейчас. Я незаметно запахнула кардиган плотнее, надеясь, что вкладыши для груди ещё справляются со своей единственной жизненной задачей.

— Сколько ему? — спросил Джек.

— Два месяца.

— Серьёзно? Совсем маленький.

— Он с вами не согласится. Аппетит у него как у взрослого мужчины после разгрузки грузовика.

Джек рассмеялся.

— Знакомая история. Дин примерно так же ест.

— Я тебя сейчас этим фонарём накормлю, — невозмути-

мо отозвался его брат.

— Видите? А мама учила нас делиться.

Я снова улыбнулась. Джек был из тех людей, которым, кажется, удавалось разговорить даже парковочный автомат. И всё же я замечала, как он время от времени задерживал на мне взгляд чуть дольше необходимого.

Не то чтобы я забыла, как выглядит мужской интерес. Просто за последние месяцы у меня совершенно не было желания выяснять, что с ним делать.

— Вы здесь впервые? — спросил он.

— В мастерской — да.

— А в городе?

Я на мгновение замялась.

— Давно не была.

Достаточно честный ответ, чтобы не чувствовать себя лгуньей, и достаточно расплывчатый, чтобы не объяснять ничего лишнего.

— Тогда добро пожаловать обратно, — сказал Джек.

— Спасибо.

— Джек, ключ на тринадцать, — позвал Дин.

— Иду, ваше ворчливое величество.

Он подмигнул мне и направился к брату. Я выдохнула.

Пожалуйста, пусть с машиной будет что-нибудь несложное.

Дин ещё несколько минут возился возле днища. Джек подавал инструменты и периодически отпускал замечания, на

которые брат отвечал либо односложно, либо выразительным молчанием.

Наконец Дин выпрямился и вытер руки тряпкой.

— Готово. Крепление защиты подтянул. Если снова застучит — возвращайтесь.

Я моргнула.

— И всё?

— И всё.

— То есть ничего серьёзного?

— Нет. Крепёж ослаб. Сейчас держится нормально.

— Слава богу, — выдохнула я.

Дин слегка приподнял бровь.

— Вы ожидали чего-то хуже?

— После сегодняшнего дня я уже ничему не удивлюсь.

— Тогда могу предложить кофе, — немедленно вмешался Джек. — У нас, правда, отвратительный, но я умею красиво его подавать.

— Спасибо, но нам пора, — ответила я.

— Джек, хватит трепаться, — проворчал Дин. — У нас работа стоит.

— Я проявляю гостеприимство.

— Прояви его к коробке с запчастями. Она третий час ждёт.

Джек тяжело вздохнул.

— Вот так и умирает романтика.

Я опустила глаза, скрывая улыбку, и поправила Тео на ру-

ках.

— Сколько я вам должна? — спросила Дина.

Он назвал стоимость. Я расплатилась, стараясь удержать сына так, чтобы тот не попытался схватить терминал. Дин терпеливо подождал, пока я справлюсь с одной рукой, сумкой и маленьким человеком, решившим именно сейчас проверить прочность моего кардигана.

— Спасибо вам большое, — сказала я, когда оплата прошла.

— Не за что. Счастливого пути.

Вежливо. Коротко. Без малейшего намёка на улыбку.

— И хорошего дня, — добавил Джек. — Всем троим.

— Спасибо, — ответила я.

— Особенно вам, загадочная незнакомка.

Я замерла на полсекунды. Чёрт. Имя. Я ведь так и не представилась.

Можно было исправить это прямо сейчас. Просто сказать: «Оливия». Одно слово. Даже мой измученный материнством мозг должен был справиться.

Но Тео снова заплакал, Софи потянула меня за руку, а Джек уже улыбался так довольно, словно прекрасно понимал, что поставил меня в неловкое положение.

— До свидания, — выдала я вместо имени.

Гениально.

— До встречи, — отозвался Джек.

— Всего доброго, — сказал Дин и отступил, освобождая

проход.

Я усадила детей, пристегнула Софи, проверила ремни переноски Тео и наконец забралась за руль.

Никаких вопросов о том, откуда мы приехали. Никаких комментариев о том, почему я одна с двумя детьми. Никаких попыток выяснить то, о чём я не собиралась рассказывать.

И всё же, когда ворота мастерской остались позади, я почувствовала облегчение.

— Мамочка, а дядя на тебя сердился? — спросила Софи с заднего сиденья.

— Нет, солнышко. С чего ты взяла?

— Он так разговаривал.

— У него просто такой голос.

Она помолчала.

— А ты ничего плохого не сделала?

Я крепче сжала руль.

— Нет, маленькая. Конечно, нет.

— Тогда хорошо.

В зеркале я поймала её задумчивый взгляд. Мне не нравилось, когда она так смотрела. Слишком внимательно для трёхлетнего ребёнка.

Я включила тихую музыку и поехала к дому, который теперь должен был стать нашим.

* * *

Дом бабушки стоял почти в самом конце тихой улицы, по соседству с ухоженным двухэтажным домом, отделённым от

нашего старым деревянным забором.

Когда-то белые стены бабушкиного дома казались мне ослепительными. Теперь краска облупилась, сад зарос, а веранда заметно покосилась. Одна ступень выглядела так, будто держалась исключительно на упрямстве.

На фоне соседнего дома, с аккуратно подстриженным газоном, чистыми окнами и широкой подъездной дорожкой, наше новое жилище выглядело особенно печально.

Я вздохнула.

Ну что ж, бабуль. Похоже, нам с тобой предстоит очень много работы.

— Это наш дом? — спросила Софи.

— Наш.

— Совсем-совсем?

Я посмотрела на старую дверь, на знакомую крышу и деревья, которые за годы успели стать выше.

— Совсем-совсем.

Ключ был холодным и совершенно обычным. Удивительно, как много надежды может поместиться в маленьком кусочке металла.

Замок не поддавался. Я повернула ключ раз, второй, слегка потянула дверь на себя. За спиной Софи переступала с ноги на ногу, а Тео недовольно сопел у меня на руках.

— Мам, возьми меня на ручки.

— Солнышко, у мамы пока только две руки.

— А почему?

Отличный вопрос. Я бы тоже предпочла четыре.

— Сейчас мы войдём, и я тебя обниму. Только держись подальше от этой ступеньки, хорошо?

Наконец замок щёлкнул.

Внутри пахло закрытым домом, старым деревом и пылью. Я поставила сумку на пол, открыла окна на проветривание и огляделась. На дверном косяке всё ещё виднелись отметки моего роста. На кухонной полке стояли чашки, из которых бабушка наливала мне какао.

На мгновение стало так тесно в груди, что я не смогла вдохнуть.

— Мамочка?

Я обернулась. Софи стояла посреди комнаты, прижимая к груди плюшевого зайца.

— Тут будет красиво? — спросила она.

Я посмотрела на пыль, коробки, старые обои и потолок, который отчаянно нуждался в краске.

— Будет, — ответила я. — Мы постараемся.

Сначала я проверила воду и электричество, затем устроила детям безопасные места, подальше от ненадёжной веранды и коробок. Остальной багаж пришлось таскать частями. Софи пыталась помогать, что выражалось главным образом в переноске одной мягкой игрушки с важным видом.

Тео не считал переезд уважительной причиной для изменения его расписания.

К вечеру я знала о старом доме три вещи: половицы скри-

пят, кран на кухне капает, а найти нужную вещь можно только после того, как она перестанет быть нужной.

Чистая пижама Софи исчезла. Ужин для меня тоже. Зато нашёлся пакет с подгузниками, который я попыталась поставить на стул.

Пакет лопнул.

Подгузники разлетелись по полу белыми птицами.

— Блядь, — выдохнула я.

— Блядь! — радостно повторила Софи.

Я медленно закрыла глаза.

— Нет, солнышко. Это слово мы не повторяем.

— А ты повторяешь.

— Мама совершила ошибку.

— Большую?

— Судя по всему, катастрофическую.

Софи захихикала. И я тоже — сначала тихо, потом так, что пришлось сесть на пол рядом с подгузниками.

Я была уставшей, голодной, измятой и ужасно далёкой от той взрослой женщины, которой когда-то мечтала стать.

Но Софи смеялась. Тео наконец успокоился у меня на руках. И никто не торопил нас, не требовал объяснений и не решал за нас, каким должен быть этот вечер.

Позже я нашла пижаму в коробке с полотенцами, уложила Софи в приготовленную постель и устроила Тео в его отдельной безопасной кроватке. Сын, разумеется, проснулся через несколько минут и потребовал ещё одно кормление.

Когда оба наконец уснули, я съела холодный бутерброд, сидя на кухонном полу среди неразобранных вещей.

Дом тихо скрипнул.

— Завтра, — сказала я ему. — Все претензии завтра.

Завтра придётся решать, что делать с верандой, где купить продукты и как заставить старый дом перестать скрипеть так, будто он собирается высказать мне своё мнение.

Но сегодня нам хватало того, что дверь закрывалась изнутри.

Я поднялась, проверила замок, заглянула к детям и на мгновение прислонилась лбом к прохладной стене.

Я не сбежала.

Я вернулась.

Глава 2. Рыжая проблема

ДИН

Рыжая была охренительно сексуальной.

И это раздражало меня сильнее, чем сорванная резьба на болте, который я пытался выкрутить последние десять минут.

— Да чтоб тебя, — процедил я, меняя хват ключа.

Ключ сорвался. Я ударился костяшками о металл и окончательно убедился, что день следует признать неудачным.

Не из-за болта.

Из-за чёртовой рыжей.

Длинные волосы, зелёные глазищи, россыпь веснушек и задница, на которую я совершенно точно посмотрел дольше, чем следовало. А ещё дорогущий чёрный Cadillac Escalade ESV, двое детей и выражение лица, будто я лично оскорбил всю её родословную, попросив заглушить двигатель. Даже имени своего не назвала. Мы с Джеком представились, а её величество ограничилось вежливой улыбкой и парой благодарностей. Зато когда младенец завопил, она сорвалась к машине так быстро, будто мы оба перестали существовать.

Ну и прекрасно. Мне её имя нахрен не сдалось.

Я видел таких клиенток. Они появлялись на машинах дороже чужих домов, говорили «пожалуйста» так, будто оказывали тебе услугу, и с трудом верили, что масло в двигателе

действительно нужно менять.

Хотя эта, надо признать, ничего подобного не сказала.

Просто стояла напряжённая, отвечала коротко и держалась так, словно между нами следовало натянуть колючую проволоку.

Наверняка очередная избалованная принцесса. Нагуляла себе двоих, а теперь какой-нибудь богатенький папочка или очередной мужик оплачивает её красивые игрушки.

Я сам понимал, что ничего о ней не знаю.

Но незнание никогда не мешало мне составить мнение. Особенно если человек мне не нравился.

А она не нравилась.

Совершенно.

Если не считать того, что я бы с удовольствием узнал, как она выглядит без этой чёртовой футболки с пятнами на пышной груди.

— Ты сейчас ключ сломаешь, — раздалось за спиной.

Я обернулся. Джек прислонился к стойке, вертя в пальцах ветошь. На лице у него было то самое выражение, за которое в детстве ему регулярно доставалось.

— Тогда дай мне другой и займись своей машиной.

— Слушай, а рыжая сегодня была ничего.

Я медленно выпрямился.

— Работай.

— Да я работаю. Просто интересуюсь. Ты номер взял?

— Нахрена?

— Ну, не знаю. Может, позвать на свидание. Или предложить ей посмотреть твою коллекцию гаечных ключей.

— Джек.

— Что? Я бы посмотрел на её коллекцию чего-нибудь.

— Ещё слово — и будешь собирать коробку передач зубами.

Он довольно ухмыльнулся.

— Значит, понравилась.

— Значит, ты заебал.

— Одно другому не мешает.

У Джека был редкий талант — открывать рот именно тогда, когда мне больше всего хотелось кому-нибудь его закрыть. К сожалению, этот талант развивался у него с самого рождения.

— Кстати, — продолжил он, — ты видел, как она на тебя смотрела?

— Как на человека, который чинит её машину?

— Нет. Как на здоровенного мудака.

— Наконец-то ты сказал что-то разумное.

Джек рассмеялся и исчез за соседним подъёмником. Я вернулся к работе, но теперь думал ещё и о том, что он наверняка будет вспоминать эту клиентку до конца недели.

К закрытию мастерской я успел закончить ремонт, проверить заказанные детали, ответить на три звонка и выгнать Джека домой. Последнее далось труднее всего.

На улице пахло осенней сыростью. Я запер ворота, сел в

пикап и завёл двигатель.

Мне тридцать. Я давно перерос возраст, когда из-за красивой мордашки можно потерять голову.

По крайней мере, мне хотелось в это верить.

Рыжая была ходячим предупреждением держаться подальше. Двое детей. Дорогая тачка. Привычка смотреть на людей свысока. И губы, которые, блядь, совершенно не давали мне покоя. Нет уж. Спасибо. Я как-нибудь переживу без этого геморроя.

Я свернул на свою улицу и почти сразу нажал на тормоз.

Нет. Только, блядь, не это. У дома старухи Хейс стоял чёрный Escalade. Тот самый. Я лично сегодня лазил под его днищем и слишком хорошо помнил машину, чтобы перепутать.

Рядом с открытым багажником стояла рыжая. На одной руке у неё был младенец, возле ног крутилась маленькая девочка. На земле лежали сумки и несколько коробок.

Я сбросил скорость ещё сильнее.

Именно этот чёртов дом.

Участок старухи Хейс я присматривал несколько лет. Он примыкал к моей земле и был идеальным местом, чтобы поставить дополнительный бокс, расширить площадку и наконец перестать играть в тетрис с машинами клиентов. Я уже прикидывал, сколько понадобится денег на снос старой веранды, как организовать подъезд и где провести коммуникации.

Разумеется, участок мне не принадлежал. И никто нико-

гда не обещал его продать. Но пустые окна позволяли надеяться, что однажды появится возможность договориться с владельцами.

Теперь вместо пустых окон — коробки, дети и женщина, о которой я весь день пытался не думать.

Я повернул на свою подъездную дорожку, заглушил двигатель и несколько секунд сидел, глядя прямо перед собой.

Рыжая принцесса с двумя детьми. Прямо за моим забором. И прямо посреди моих планов.

Телефон завибрировал от сообщения с напоминанием о завтрашнем семейном завтраке. Я открыл переписку с Джеком.

Дин: Помнишь рыжую из мастерской?

Ответ прилетел почти мгновенно.

Джек: Которую я хотел объездить?

Дин: Она переехала в дом по соседству.

Джек: АХАХАХАХА

Дин: Пошёл нахуй.

Джек: Брат, это судьба…

Джек: Моя)))

Я стиснул челюсть.

Джек: Скинь фотку соседки.

Дин: Иди работай.

Джек: Мы закрылись, придурок.

Я убрал телефон. Сфотографировать женщину возле её дома, чтобы отправить брату, — это уже было бы совсем иди-

отизмом. Даже по меркам Джека.

Снаружи хлопнула дверца багажника. Я не стал смотреть.

В конце концов, соседка ничего мне не должна. Не обязана знать, что я собирался когда-нибудь купить её участок. И уж точно не обязана исчезнуть только потому, что мне не понравилась наша первая встреча.

Разумная мысль.

Жаль, что легче от неё не стало.

— Блядь, — пробормотал я и вышел из машины.

* * *

У меня были простые требования к вечеру: горячая вода, мясо, тишина и чтобы никто не трогал мои вещи.

Первые три пункта обычно удавались. Четвёртый — если Джек не являлся без предупреждения.

Мой дом был небольшим, но вполне устраивал меня. Никаких дизайнерских подушек, которые нельзя использовать по назначению. Никаких ваз, за которые нужно извиняться, если случайно задел локтем. Нормальная кухня, удобный диван, инструменты на своих местах и холодильник, в котором еда не появлялась сама собой, зато всегда была.

Я скинул ботинки у двери, отправил рабочую футболку в корзину и встал под горячий душ. Вода смыла пыль, запах мастерской и почти всё раздражение.

Почти.

На кухне я достал из холодильника мясо, овощи и вчерашний соус. Поставил сковороду, нарезал лук и включил

музыку негромко, чтобы не слушать собственные мысли.

За окном соседнего дома горел свет. Я заметил его случайно, когда потянулся за солью.

Вчера там было темно. И позавчера. И почти каждый вечер последние годы.

Теперь свет горел в двух комнатах. Значит, рыжая действительно решила остаться.

Я отвернулся к плите.

Мясо зашипело. Хороший звук. Понятный. Никаких сюрпризов: следишь за температурой — получаешь ужин. С людьми всё было гораздо сложнее.

Я поел за кухонным столом, вымыл посуду и проверил, заперта ли задняя дверь. Потом полчаса возился с полкой в кладовой: один крепёж разболтался ещё неделю назад, и смотреть на это дальше было выше моих сил.

К одиннадцати я добрался до кровати. На улице стояла неожиданно тёплая для осени ночь, поэтому окно в спальне я оставил приоткрытым.

Суббота обещала начаться поздно. Я собирался выспаться.

Ха.

* * *

В час ночи кто-то заорал так, будто его пытались разобрать на запчасти без инструкции.

Я сел на кровати, не сразу сообразив, где нахожусь.

Крик повторился — тонкий, отчаянный, с короткой пау-

зой на вдох.

Младенец. Ну конечно.

У рыжей в комплекте с Cadillac шли ещё и ночные сирены.

Я посмотрел на часы. 01:07.

— Серьёзно? В час ночи?

За окном раздался новый вопль.

— Ладно. Убедил.

Я перевернул подушку, прижал к уху, подождал. Не помогло. Встал, подошёл к окну и увидел, что у соседей приоткрыта створка. Звук свободно летел через узкий промежуток между домами.

Я закрыл своё окно.

Плач всё ещё был слышен, но тише. Через несколько минут он начал стихать — сначала до сердитого хныканья, потом до редких всхлипов.

Я вернулся в постель и уставился в потолок.

Отлично, Морган. Участок ты не купишь, зато будешь в курсе чужого режима кормления.

Я злился не на ребёнка. Двухмесячные младенцы, насколько мне известно, не подписывают соглашений о соблюдении тишины. Просто моя спальня раньше была тихим местом, и я рассчитывал, что так будет ещё хотя бы лет двадцать.

За стеной дома тикали часы. В холодильнике на кухне что-то негромко щёлкнуло.

Я снова закрыл глаза.

И, разумеется, вспомнил зелёные глаза рыжей.

— Да иди ты, — сказал я собственному мозгу.

Уснул я далеко не сразу.

* * *

Утром меня разбудил телефон.

«Ты едешь?» — написала мать.

Я посмотрел на время и выругался.

По субботам наша семья завтракала у родителей. Это была традиция, которую нельзя отменить ни дождём, ни простудой, ни моим искренним желанием поспать ещё три часа.

Можно было пережить грипп, конец света и бессонную ночь, но попробуй не явиться к матери на оладьи — она лично приедет проверить, не умер ли ты. И, если не умер, добьёт за неблагодарность.

Я умылся, надел чистую футболку и джинсы, сварил кофе. Взгляд сам собой скользнул к окну.

Соседний двор был пуст. Чёрный Escalade стоял на месте. Никакой рыжей, никаких детей.

Прекрасно. Пусть так и остаётся.

Я допил кофе и поехал к родителям.

Дом Морганов находился на тихой улице недалеко от центра. Когда я подъехал, пикап Джека уже стоял у бордюра. Значит, у меня оставалось примерно три секунды покоя.

Я вошёл без стука.

Из кухни пахло кофе, свежей выпечкой и чем-то сладким. Мать, Мэри Морган, могла накормить половину Брайарву-

да и при этом искренне переживать, что кому-то не хватило добавки. Она работала в пекарне и, кажется, воспринимала собственную семью как группу особо трудных постоянных клиентов.

— Дин! — крикнула она. — Мой руки и садись.

— И тебе доброе утро.

Она обернулась и окинула меня взглядом.

— Ты выглядишь ужасно, дорогой.

— Вот теперь узнаю семейное гостеприимство.

Отец сидел за столом с чашкой кофе и газетой. Рик Морган был шерифом и умел одним взглядом заставить человека вспомнить все свои проступки с пяти лет. Со мной это давно не работало.

— Опять допоздна в мастерской? — спросил он.

— Соседский младенец решил, что сон переоценён.

Джек поднял голову так быстро, будто услышал сигнал тревоги.

— Погоди. Это младенец той самой рыжей?

— Заткнись.

Финн, младший из нас, сидел с кружкой и телефоном. Он обычно говорил меньше, чем Джек за одну минуту, зато выбирал самые неприятно точные моменты.

— Значит, той самой, — заметил он, не поднимая глаз.

— Какой рыжей? — спросила мать.

— Никакой.

— Очень красивой никакой, — сообщил Джек.

Отец отложил газету.

— Джек, дай брату поесть.

— Я ему и даю. Пищу для размышлений.

— Ещё немного, и будешь питаться через трубочку, — пообещал я.

— Мальчики, — сказала мать тем голосом, которым когда-то останавливала драки у нас в детской. — За столом не угрожаем друг другу до второй чашки кофе.

Финн фыркнул в кружку.

Я сел и потянулся к тарелке с оладьями. Мать тут же положила мне ещё две.

— У тебя новая соседка? — спросила она между делом.

— Похоже на то.

— В доме Хейс?

— Да.

— Хорошо, что дом снова жилой, — сказала она. — Жалко было смотреть, как он пустует.

Я отрезал кусок оладьи.

Для матери это было хорошо. Для меня — прощай, дополнительный бокс и удобный подъезд.

— Ты ведь хотел тот участок, — вспомнил отец.

— Хотел. Но он не мой.

— Разумно, — сказал он и вернулся к кофе.

В этом был весь отец. Никаких длинных лекций. Если я сам уже понимал очевидное, повторять его не требовалось.

Джек, конечно, не мог оставить тему.

— Зато теперь у тебя есть повод ходить за сахаром к соседке.

— У меня дома три килограмма сахара.

— Тогда за солью.

— И соль есть.

— Ты вообще умеешь ухаживать за женщинами?

— Я умею работать с людьми, которые вовремя закрывают рот. Тебе не понять.

Мать поставила перед Финном тарелку.

— А у тебя как дела с проектом? — спросила она его.

Финн отложил телефон и оживился. Он начал объяснять что-то про программу, которую собирал для учёбы. Я понял примерно половину, но услышал знакомое слово «датчик» и спросил, можно ли приспособить его штуку для контроля температуры в мастерской.

— Теоретически да, — сказал Финн. — Только сначала нужно решить, куда выводить данные.

— Вот и подумай. Если получится, заплачу.

— Родному брату?

— Особенно родному брату. Чтобы потом не ныл, что я тебя эксплуатирую.

Джек поднял руку.

— Я тоже хочу денег.

— Ты уже получаешь зарплату.

— Мало.

— Работай лучше.

Отец негромко рассмеялся. Мать сделала вид, что не слышит.

Разговор переключился на дела в городе, заказ для пекарни и сломанную петлю на задней калитке родителей. Я пообещал заехать на неделе и посмотреть. Ничего героического: просто петля, которую давно пора заменить.

Я любил эти завтраки, хотя ни за что не признался бы в этом вслух. Здесь никто не требовал от меня быть приятным собеседником. Можно было ворчать, молчать, спорить с Джеком и всё равно получить добавку.

Когда я собрался уходить, мать вручила мне бумажный пакет.

— Булочки. Свежие.

— Мам, у меня есть еда.

— Я знаю.

— И я умею готовить.

— Я тоже знаю. Возьми пакет.

Я взял.

Джек, проходя мимо, заглянул внутрь.

— Соседке отнесёшь?

— Ещё слово, и я отнесу тебя в мусорный бак.

— Как романтично, — вздохнул он.

Мать хлопнула его полотенцем по плечу.

— Оставь брата в покое.

На крыльце отец догнал меня и протянул маленькую коробку с крепежом для калитки.

— Если будет время.

— Будет, — ответил я.

Он кивнул. Этого было достаточно.

* * *

Суббота только началась, а я уже не выспался, получил от матери пакет булочек, выслушал Джека и окончательно попрощался с планами на соседний участок.

Я ехал по знакомой улице и думал о том, что дома меня ждёт несколько обычных дел. Надо проверить водосток, разобраться с полкой в гараже и, возможно, заглянуть в мастерскую, если поставщик наконец привезёт детали.

Никаких женщин. Никаких чужих семейных проблем. Никаких приключений.

Мне требовался кофе. Очень много кофе.

И желательно без рыжих сюрпризов.

Глава 3. Соседка за забором

ОЛИВИЯ

Я проснулась оттого, что кто-то настойчиво тыкал мне пальцем в щёку.

— Мамочка, а когда у нас будет ванна?

Я открыла один глаз. Софи стояла у матраса в пижаме с утками и прижимала к груди Зайца. За её спиной серел незнакомый утренний свет. Тео в своей кроватке издал короткое недовольное кряхтение.

— Доброе утро и тебе, солнышко.

— Доброе. А ванна?

Я потянулась за телефоном. Воскресенье. Семь двенадцать. За ночь я кормила Тео трижды, один раз меняла простыню и дважды убеждала Софи, что старый дом не разговаривает с нами через скрип половиц.

— Ванна появится, когда мы разберёмся с водой.

— А куда вода делась?

— Её пока не пускают в трубы.

— Она наказана?

— Судя по всему, наказаны мы.

Софи задумалась над этой несправедливостью, а я села, придерживая рукой затёкшую поясницу. Дом пах пылью, старым деревом и вчерашними коробками. За окном ветер шевелил ветви яблони. Я помнила её маленькой. Теперь она

заглядывала в окно так уверенно, будто за тринадцать лет без хозяев успела стать главной здесь.

Электричество мы проверили и подключили заранее. На этом список благ цивилизации заканчивался. Воду перекрыли до осмотра труб, газ и отопление ждали отдельных специалистов. С холодильником, который я заказала, тоже возникла проблема: доставку перенесли. Впрочем, даже привези его вчера, класть туда было бы нечего.

Я достала из дорожной сумки крекеры, бананы, детское пюре и бутылку воды. Завтрак чемпионов по принятию сомнительных жизненных решений.

— А Зая будет завтракать? — спросила Софи.

— У Заи сегодня диета.

— Почему?

— Он вчера съел слишком много воображаемой морковки.

Пока Софи кормила игрушку невидимой кашей, я покормила Тео, сменила ему подгузник и открыла заметки с телефонными номерами. Вчера я искренне думала, что самое сложное — доехать до Брайарвуда. Сегодня вселенная решила расширить моё образование.

Первый сантехник не отвечал. Второй сообщил, что по воскресеньям не работает. Третий мог приехать в понедельник, если я соглашусь на утреннее окно с восьми до двенадцати.

— Соглашусь, — сказала я так быстро, словно он предло-

жил мне бесплатную виллу у океана.

Следующий разговор касался отопления. Потом водоснабжения. Потом специалиста, который должен был проверить старое газовое оборудование. Каждый новый номер отправлял меня к следующему.

У взрослой жизни оказался отвратительный интерфейс. Никакой кнопки «решить всё», зато бесконечная музыка ожидания.

— Мам, ты с кем разговариваешь?

— С людьми, которые умеют разговаривать с трубами.

— А ты не умеешь?

— Пока у нас с трубами сложные отношения.

Я забронировала небольшой отель в центре на несколько ночей. С младенцем нельзя было устраивать героическое выживание в холодном доме только потому, что мне очень хотелось назвать его нашим.

К полудню я уже собрала сумки обратно. Но до заселения оставалось время, и Софи потребовала показать ей двор.

***

Осеннее солнце было обманчиво тёплым. Я вывезла коляску с Тео по безопасной боковой дорожке, подальше от покосившейся веранды. Софи носилась по траве, собирала листья и объясняла Зайцу, что они переехали в лес.

— Это не лес, — сказала я.

— Тогда почему здесь столько деревьев?

Логичный вопрос. Я посмотрела на заросший сад, облу-

пившуюся краску и крышу, которая определённо нуждалась в осмотре.

— Потому что бабушкин сад давно не стригли.

— А деревьям больно стричься?

Я уже собиралась ответить, когда на соседнем участке открылась дверь гаража.

Из неё вышел мужчина в тёмной футболке.

Ох, твою мать.

Я узнала широкие плечи, татуированные предплечья и выражение лица, которое можно было использовать вместо таблички «Не беспокоить».

Дин Морган. Механик. Тот самый, при виде которого вчера мой мозг временно прекратил выполнять основные функции.

И, разумеется, он жил за моим забором.

Из всех домов Брайарвуда мне достался именно этот. Великолепно. Может, ещё выяснится, что Джек — местный мэр, а их дедушка владеет супермаркетом.

Дин заметил нас, коротко кивнул.

— Доброе утро.

— Здравствуйте.

Он взглянул на коляску, затем на меня.

— Машина нормально?

— Да. Спасибо. Никаких звуков.

— Хорошо.

На этом беседа закончилась. Дин взял из гаража какой-то

ящик и вернулся к своим делам. Я проводила его взглядом ровно на секунду дольше необходимого и разозлилась на себя.

Никаких соседских приключений, Оливия. У тебя уже есть двое детей и дом, который держится на честном слове.

— Мамочка! — позвала Софи.

Я обернулась. Дочь стояла у забора, протянув обе руки между досками.

— Зая ушёл!

— Куда?

— К дяде!

За забором, посреди идеально подстриженного соседского газона, лежал плюшевый заяц. Одинокий, серый и совершенно довольный своим новым местом жительства.

— Как он туда попал?

— Я ему показывала сад. А он упал.

— Он плюшевый. Думаю, продержится.

Губы Софи дрогнули.

— Ему страшно одному.

Конечно. В доме не было воды, зато у зайца уже случился международный кризис с пересечением границы.

Я посмотрела на высокий забор. Потом на соседский дом. Потом снова на зайца.

Проклятье.

***

Я могла бы составить официальное письмо. «Уважаемый

мистер Морган, прошу содействия в экстрадиции гражданина Заи». Но Софи уже почти плакала, а Тео начал ворочаться в коляске.

Мы обошли забор и остановились у соседской двери. Я поправила кардиган, хотя совершенно не понимала, зачем. Дин открыл почти сразу.

На нём были серые спортивные штаны и простая футболка. В руке — кухонное полотенце. Он выглядел так, будто я выдернула его из нормального воскресенья, которое теперь следовало официально считать испорченным.

— Да?

— Здравствуйте. Простите, что беспокою. У нас небольшая проблема с зайцем.

Он посмотрел на меня. Потом на Софи.

— С кем?

— С плюшевым зайцем. Он оказался у вас во дворе.

— Сам пришёл?

Я прищурилась.

— Полагаю, ему помогли.

— Он упал! — вмешалась Софи. — И теперь ему страшно.

Дин несколько секунд молчал, затем отступил.

— Подождите здесь.

Он обошёл дом и вернулся с Зайцем, держа его за ухо. Софи рванулась вперёд, но в последний момент остановилась у моей ноги.

— Ваш беглец, — сказал Дин и протянул игрушку мне.

— Спасибо огромное.

Я передала зайца дочери. Она прижала его к себе и внимательно посмотрела на соседа.

— Ты его не ругал?

— Нет.

— А ты всегда такой сердитый?

Я закрыла глаза.

— Софи, солнышко...

— Почти всегда, — спокойно ответил Дин.

Дочь подумала.

— Мама тоже сердится. Когда Тео какает на одежду.

— Полезная информация.

В уголке его рта что-то дрогнуло. Не улыбка, конечно. Скорее слабый намёк на существование у этого человека лицевых мышц.

— Она преувеличивает, — сказала я.

— Нет, — возразила Софи. — Ты сказала «да чтоб тебя».

— Софи.

— А потом сказала, что не его.

Дин кашлянул в кулак. Я подозревала, что он пытался скрыть смешок.

Я собиралась попрощаться, когда он спросил:

— Вы надолго здесь?

Вопрос был совершенно обычным. Моё тело, однако, отреагировало так, словно меня внезапно попросили предъ-

явить документы.

— Это мой дом, — ответила я после паузы. — Раньше принадлежал бабушке.

Дин взглянул в сторону нашего участка.

— Значит, вы Хейс.

Я всё ещё не до конца привыкла к тому, как звучит моё имя с этой фамилией.

Хейс.

Бабушкина фамилия. Теперь моя. И моих детей.

Пожалуй, это было одним из немногих решений за последние месяцы, о которых я ни разу не пожалела.

— Оливия.

— Дин.

— Я помню.

Он слегка поднял бровь. Я мысленно поздравила себя с очередным блестящим выступлением в жанре «разговор с красивым мужчиной».

— Простите, если дети будут шуметь, — добавила я. — Мы постараемся не мешать.

— Это ваш дом. Живите.

Прозвучало сухо. Возможно, он вообще не вкладывал в эти слова ничего особенного. Но я всё равно почувствовала, как внутри натягивается невидимая струна.

Спасибо за официальное разрешение, мистер Морган. Осталось получить письменное согласие на дыхание.

— Тогда хорошего дня.

— И вам.

Мы ушли. Софи на ходу шептала Зайцу, что он больше никогда не должен перелезать через забор без мамы.

Я была с ней совершенно согласна.

***

Сборы в город заняли сорок минут. За это время Тео проголодался, Софи потеряла один ботинок, а я обнаружила, что положила запасные салфетки в коробку с кухонными полотенцами.

Когда оба ребёнка наконец оказались пристёгнуты, я почувствовала себя генералом, успешно завершившим эвакуацию небольшого государства.

Мы поехали в центр. В пекарне пахло корицей, кофе и свежим хлебом. Так пахло моё детство: бабушка покупала булочки, а потом мы шли в книжный, где я могла часами выбирать одну-единственную книгу.

— Добро пожаловать, — сказала женщина за прилавком. У неё были добрые глаза и тот уверенный голос, которым, наверное, можно остановить драку в детском саду. — Что вам предложить?

Софи немедленно указала на половину витрины.

— Вот эту. И ту. И ещё вот эту.

— Мы не покупаем всю пекарню, — предупредила я.

Женщина рассмеялась.

— Хороший вкус у вашей помощницы.

Я заказала кофе, сэндвич и булочку для Софи. Мы разго-

ворились. Женщину звали Мэри. Когда она услышала фамилию Хейс, на лице у неё появилось узнавание.

— Вы внучка Эвелин?

Я кивнула.

— Она всегда брала булочки с яблоком, — сказала Мэри. — И одну с корицей для маленькой рыжей девочки.

У меня защипало глаза. Совершенно некстати.

— Да, — выдохнула я. — Это была я.

Мэри не стала расспрашивать, где я пропадала и почему вернулась. Просто положила в пакет ещё одну маленькую булочку.

— За счёт заведения. В память о вашей бабушке.

Я не знала, что сказать.

— Спасибо.

Когда я обмолвилась, что в доме нужно проверить коммуникации и деревянные конструкции, Мэри записала номер местной бригады на салфетке.

— Они хорошо знают старые дома.

— Я обязательно позвоню.

Никакого «а где ваш муж», никакого «почему одна», никакого счёта за доброту. Я взяла салфетку так осторожно, словно она была чем-то хрупким.

В этот момент дверь распахнулась.

— Мам, мне кофе и что-нибудь, от чего Дин перестанет быть мудаком до обеда!

Я обернулась.

Джек Морган застыл на пороге, увидел меня и расплылся в улыбке.

— О! Наша загадочная незнакомка.

— Джек, не кричи на всю пекарню, — сказала Мэри.

— Мам, это соседка Дина.

Я медленно перевела взгляд с него на женщину за прилавком.

— Вы его мама?

— К сожалению, обоих, — ответила Мэри с невозмутимым видом.

Ну конечно. В Брайарвуде, похоже, всё принадлежало Морганам. Если бы сейчас из кофемашины вылез их младший брат, я бы даже не удивилась.

Джек помог мне донести пакеты до машины и всю дорогу рассказывал, как Дин в детстве однажды пытался починить тостер.

— И что с ним случилось? — спросила я.

— С тостером? Умер. С Дином? Стал ещё более занудным.

— Ты очень любишь своего брата.

— До безумия. Так как тебя зовут, загадочная незнакомка?

Я остановилась возле автомобиля.

— Оливия.

— Оливия, — повторил он с довольной улыбкой. — Передам Дину привет.

— Не надо.

— Даже маленький?

— Особенно маленький.

Джек рассмеялся, а я наконец усадила детей и уехала, чувствуя странное тепло после разговора с Мэри.

Перед тем как ехать дальше, я задержалась на парковке пекарни. Тео уснул, Софи пыталась развернуть бумажный пакет так, чтобы ни одна крошка не досталась автомобильному креслу. Судя по хрусту, план уже провалился.

— Мам, а тётя Мэри добрая?

— Очень.

— Она дала мне печенье.

— Я заметила. Ты держишь половину на коленях.

Софи посмотрела вниз и осторожно смахнула крошки ладонью. Прямо между сиденьем и дверцей.

— Теперь чисто.

— Безупречно.

Я потянулась за салфеткой и вдруг обнаружила, что улыбаюсь. Не той вежливой улыбкой, которую надеваешь, когда надо что-то объяснять чужим людям. Обычной. Настоящей. Мне даже стало немного не по себе.

На салфетке с номером мастера Мэри нарисовала маленькую звёздочку рядом с именем. Я провела по ней пальцем. Так просто: вот тебе телефон человека, который может помочь. Никакого договора, никакой просьбы взамен, никакого вопроса, почему молодая женщина приехала с двумя

детьми и без мужчины.

— Мамочка, — позвала Софи, — а у бабушки тоже была такая пекарня?

— Не у бабушки. Но она часто приводила меня сюда.

— И тебе давали печенье?

— Иногда.

— А два?

— Софи.

— Просто спрашиваю.

Я посмотрела на дочь в зеркало. На её серьёзные глаза, на маленькую ладонь, обнимающую бумажный пакет, на Зайца, пристёгнутого ремнём вместе с ней. Ей было достаточно печенья, новой знакомой и обещания, что мы скоро поедем купаться. Она не знала, сколько стоит заменить трубу под кухней. Не знала, почему я проверяю зеркала заднего вида даже на пустой улице. И не должна была знать.

Я включила двигатель, но прежде чем выехать, открыла заметки и дописала к списку дел: «Купить Софи нормальные карандаши. Найти детскую библиотеку. Проверить отопление до следующей ночи».

Последняя строка выглядела особенно убедительно рядом с первой. Воспитание, развитие и возможность не замёрзнуть. Весь спектр материнских обязанностей в трёх пунктах.

По дороге мы остановились в магазине. Я катала тележку одной рукой, другой придерживала переноску, а Софи вела с

собой долгие переговоры о покупке хлопьев с нарисованным динозавром. Динозавр победил. Я оправдала капитуляцию тем, что сегодня нам всем требовалась маленькая победа.

У полки с полотенцами я поймала своё отражение в узком зеркале: растрёпанная рыжая женщина, под глазами тени, на плече пятно неизвестного происхождения. И всё же она стояла прямо. Выбирала полотенца. Планировала завтрашний день. Иногда героизм выглядел до смешного скучно.

— Мам, — сообщила Софи, когда мы вышли, — Зая хочет домой.

— Я тоже, солнышко.

И впервые слово «домой» не показалось мне чем-то недостижимым.

***

Я увидела вывеску «Чернила и яблони», когда уже собиралась свернуть к супермаркету.

Остановилась.

Софи сразу спросила, зачем мы приехали.

— Хочу кое-что посмотреть.

Мы подошли к витрине. За стеклом стояли пустые полки, на прилавке лежала пыль. Название сохранилось — выцветшее, но всё ещё красивое. Когда-то бабушка держала меня за руку и говорила, что здесь пахнет самыми интересными историями на свете.

Я закрыла глаза на секунду. Вспомнила яблочный пирог, шуршание страниц, деревянный пол и бабушкин голос: «Вы-

бирай не торопясь, Лив».

— Мам, почему там темно? — спросила Софи.

— Магазин давно закрыт.

— Книжки спят?

— Может быть.

— Надо их разбудить.

— Хорошая мысль.

— Вы помните этот магазин? — раздалось сбоку.

Я обернулась. Рядом стояла женщина с короткими светлыми волосами и сумкой через плечо. Она улыбалась, рассматривая вывеску.

— Очень хорошо, — ответила я. — Бабушка водила меня сюда.

— Хейс? — вдруг спросила она. — Вы внучка миссис Хейс?

Я моргнула.

— Да.

— Я Нора. Работала здесь раньше. Кажется, помню вас маленькой. Вы всё время выбирали книги с картинками лошадей.

Я рассмеялась от неожиданности.

— И драконов. Не забывайте драконов.

— Точно. Драконы тоже были.

Нора рассказала, что магазин закрылся несколько лет назад. Помещение до сих пор пустовало, хотя владельцы иногда обсуждали продажу. Я спросила, не знает ли она, кому

оно принадлежит теперь. Нора посоветовала обратиться к местному агенту по недвижимости.

Когда она ушла, я ещё долго стояла перед стеклом.

В голове вдруг возникли полки с новыми книгами. Мягкий свет. Небольшой уголок для детей с подушками и низкими стеллажами. Отдельное место у окна, где можно читать, не торопясь.

Нет, Оливия. У тебя дом без воды, два ребёнка и список расходов, который способен убить любую романтику. Тебе совершенно не нужен ещё один пустующий дом.

— Мамочка, мы сюда ещё придём?

Я посмотрела на старую вывеску.

— Может быть, солнышко.

— С Зайцем?

— Особенно с ним. Он у нас опытный путешественник.

***

К вечеру мы добрались до отеля. Я внесла вещи, искупала Софи, подмыла и переодела Тео, покормила его и наконец уложила обоих. Софи объявила, что здесь лучше, чем в бабушкином доме, потому что вода живёт прямо в ванной.

— Но мы вернёмся домой? — спросила она уже из-под одеяла.

— Конечно.

— Когда дом научится купаться?

— Как только мастера ему помогут.

— Хорошо. Я скажу Зае.

Когда дети уснули, я села за маленький столик и открыла список расходов. Сантехник. Отопление. Электрика. Веранда. Холодильник. Детская мебель. Я подсчитывала цифры, пока глаза не начали слезиться.

Потом открыла фотографии книжного магазина.

Я приехала сюда, чтобы у нас появился дом. Пока у меня были номер в отеле, два спящих ребёнка и список проблем. Но где-то между трубами, пылью и беглым плюшевым зайцем обнаружилось ещё кое-что.

Желание. Моё собственное.

Я создала новую заметку: «Чернила и яблони — узнать, кому принадлежит помещение».

И не удалила её.

Глава 4. Не моё дело

ДИН

Понедельник начался с кофе, который на вкус напоминал отработанное моторное масло, и Джека, который выглядел слишком довольным жизнью.

По отдельности оба обстоятельства уже были проблемой. Вместе — откровенным издевательством.

— Доброе утро, старший брат, — сообщил он, вваливаясь в кабинет с двумя стаканчиками.

— Если ты принёс мне тот же кофе, что и себе, можешь сразу вылить.

— Тронут твоей благодарностью.

Я проверял список заказов. У нас висели два срочных ремонта, поставщик задерживал детали, а один клиент звонил каждые два часа, будто частота его звонков могла ускорить доставку из другого штата.

Джек сел напротив, хотя никто его не приглашал.

— Я вчера видел нашу рыжую.

— Поздравляю.

— В маминой пекарне.

— Прекрасно.

— И зовут её Оливия.

Я не поднял головы. Оливия. Я знал это со вчерашнего дня, когда она стояла у моего порога с коляской, ребёнком

и историей о зайце-нелегале. Имя почему-то слишком хорошо сочеталось с её волосами и зелёными глазами. Меня это раздражало.

— Рад, что ты научился знакомиться, — сказал я.

— Она, кстати, просила не передавать тебе привет.

Я посмотрел на него.

— С чего бы?

Улыбка Джека стала шире.

— О-о. А вот это уже интересный вопрос.

— Иди работать.

— Ты не хочешь узнать, что ещё она сказала?

— Нет.

— Значит, хочешь.

Я открыл график заказов и ткнул пальцем в экран.

— Видишь эту машину? Она сама себя не починит.

— Как скажешь, Ромео.

Он ушёл, насвистывая. Я ещё минуту смотрел на дверь.

Ромео, блядь. В моём возрасте, с моим графиком и моим опытом это слово должно было считаться оскорблением.

***

Через полчаса выяснилось, что задерживается не одна деталь, а вся партия. Я позвонил поставщику, выслушал три версии происходящего и ни одной убедительной.

— Мне нужен точный срок, — сказал я. — Не «постараемся», не «вероятно». Срок.

Джек стоял рядом с планшетом, уже проверяя других про-

давцов.

Когда разговор закончился, он без шуток протянул мне список вариантов. В работе мы понимали друг друга почти без слов. Жаль, что в остальное время этот талант у него отключался.

— Вот этот может привезти завтра, — сказал он. — Но дороже.

— Позвони. Уточни совместимость. Клиенту сам перезвоню.

Клиент оказался недоволен. Я его понимал. Машина была нужна ему к определённому дню, и обещать чудо я не собирался.

— До обеда дам окончательный ответ, — сказал я. — Если подходящая деталь будет у второго поставщика, успеем. Если нет, назову реальную дату.

После звонка я вышел в бокс. У нас было тесно. Один автомобиль ждал подъёмника, другой занимал место у ворот, коробки с запчастями приходилось переставлять дважды в день.

Ещё один рабочий бокс решил бы половину проблем.

Я подумал об участке Хейс. И о рыжей, которая теперь была его хозяйкой.

Тринадцать лет дом пустовал. Я прикидывал, сколько будет стоить выкупить землю, снести старую веранду, сделать удобный подъезд. Ни разу не договорился о продаже. Ни одного обещания не получил.

И всё равно успел мысленно распорядиться чужой собственностью.

Хреновая привычка, Морган.

— О чём думаешь? — спросил Джек.

— О том, где взять место под третий подъёмник.

— Можешь спросить у соседки, не хочет ли продать участок.

— Она только переехала.

— О, так ты уже в курсе её планов?

— Джек.

— Всё, молчу.

Он помолчал целых четыре секунды.

— Мама сказала, она очень милая. И дом у неё в ужасном состоянии.

— Мама говорит «милая» обо всех, кто не плюёт на пол.

— Спорим, ты полезешь ей помогать?

— Спорим, ты сейчас займёшься коробкой передач?

Джек поднял руки. Спор был закрыт.

По крайней мере, до следующей его попытки испортить мне день.

***

Мама позвонила ближе к обеду.

— Дорогой, у меня разболталась дверца холодильной витрины.

— Мам, я на работе.

— Я знаю. Поэтому и спрашиваю, сможешь ли заехать ве-

чером.

— Заеду.

— И ещё. Ты знаком с Оливией Хейс?

Я посмотрел в потолок.

— Знаком.

— Очень приятная девушка. У неё двое чудесных детей. Представляешь, решила привести в порядок дом Эвелин.

— Представляю.

— Там столько всего придётся сделать.

— Это её дом, мам.

— Я знаю. Просто переживаю.

Я уже слышал про Оливию от Джека, видел её дважды, а теперь обсуждал с матерью. При таких темпах к пятнице отец выпустит официальный бюллетень о возвращении внучки Хейс в город.

— Что там с витриной? — спросил я.

Мама вздохнула тем самым вздохом, которым женщины в нашей семье обозначали, что мужчинам до них никогда не дорасти.

— До вечера, дорогой.

В мастерской после маминого звонка наступил тот редкий час, когда все машины стояли на своих местах, а Джек молчал. Разумеется, ненадолго.

Я проверял накладные, когда он положил на стол две распечатки.

— Нашёл другого поставщика для пикапа. Дороже, зато

деталь будет к четвергу.

Я посмотрел на номера, сверил характеристики и кивнул.

— Подходит. Позвони клиенту, объясни разницу. Если согласится — заказываем.

— А ты не хочешь сам?

— Ты совладелец, Джек, а не декоративная фигурка у подъёмника.

— Жестоко. Я надеялся дожить до пенсии красивым.

Он взял телефон, но не ушёл. Смотрел на меня с тем самым выражением, которое в детстве предшествовало сломанному окну или исчезновению последнего куска пирога.

— Что?

— Ничего.

— Тогда работай.

— Просто интересно, каково это — проснуться и обнаружить, что на соседнем участке живут люди.

Я отложил ручку.

— Ты хочешь, чтобы я выставил тебе счёт за разговоры не по делу?

— Хочу, чтобы ты перестал вести себя так, будто у тебя отняли наследство. Участок никогда не был твоим.

Я посмотрел на него. Джек не улыбался. В такие моменты особенно раздражало, что под привычной клоунадой у него находился вполне работающий мозг.

— Я знаю.

— Знаешь, — согласился он. — Но всё равно бесишься.

Я хотел возразить. В голове нашлось сразу несколько аргументов: расширение боксов, склад для запчастей, парковка для клиентов. Ни один не объяснял, почему меня так задела сама мысль, что дом Хейс теперь принадлежит кому-то другому.

— Нам нужен новый план расширения, — сказал я наконец.

— Вот это уже разговор.

Мы разложили на столе схему мастерской. Джек предлагал перестроить заднюю часть участка, я указывал на подъезд для эвакуатора и требования к проезду. Мы спорили о метрах, воротах и стоимости работ, пока я не почувствовал знакомое облегчение: вот проблема, которую можно измерить. Начертить. Посчитать. Решить.

— А если арендовать соседний склад? — спросил Джек.

— На полгода? Не окупится.

— На год.

— Сначала узнай цену.

Он записал и вдруг усмехнулся.

— Слушай, а рыжая, наверное, тоже сейчас составляет планы.

— Джек.

— Что? Она дом ремонтирует. Ты мастерскую расширяешь. У вас много общего.

— У нас ничего общего.

— Ну да. Только любовь к разваливающейся недвижимо-

сти.

Я швырнул в него смятую бумажку. Он поймал её, поклонился и наконец отправился звонить клиенту.

Через десять минут из бокса донёсся его спокойный голос. Без шуток, без позёрства. Он объяснял человеку, почему мы не будем ставить неподходящую деталь ради красивой даты в заказ-наряде. Я слушал вполуха и чувствовал привычную гордость, которую никогда не собирался озвучивать. Младший брат вырос хорошим механиком. Даже если по-прежнему вёл себя как засранец.

Я вернулся к накладным. На столе лежал старый план расширения с аккуратно обведённой границей соседнего участка. Я сложил лист пополам и убрал в нижний ящик.

Не потому, что передумал развивать бизнес.

Просто пора было перестать рассчитывать на чужой дом.

***

В пекарне пахло тёплым тестом и корицей. Мама уже закрывала витрину, когда я пришёл. Я проверил петли, подтянул крепёж, убедился, что дверца прилегает плотно.

— Готово.

— Ты поел?

— Мам.

— Это не ответ.

Через три минуты передо мной стояла тарелка с горячим сэндвичем. Сопротивляться было бесполезно. Я проверял это тридцать лет.

Мама рассказывала, что Финн опять собирается не спать до утра из-за проекта, отец обещал наконец разобрать кладовку, а Джек накануне утащил последние пирожки, оставленные для персонала.

— Он сказал, что спас их от одиночества, — сообщила она.

— У него всегда находилось оправдание.

— У вас обоих.

Я допил кофе и уже собирался уходить, когда мама протянула мне бумажку.

— Если увидишь Оливию, передай ей этот номер. Человек обследует старые деревянные конструкции. Не тот мастер, которого я ей уже советовала.

— У неё есть телефон.

— А ты живёшь за забором.

— Я ничего не обещаю.

— Конечно, дорогой.

Она улыбнулась с таким видом, будто спор был выигран ещё до моего рождения.

***

Когда я подъехал к дому, у соседнего участка стоял рабочий фургон. Оливия разговаривала с мужчиной в куртке с логотипом строительной фирмы. Он показывал на крышу, потом на веранду. Она записывала что-то в телефон, время от времени наклоняясь к коляске. Девочка стояла рядом, обнимая зайца.

Я проехал мимо.

Принцесса, значит, всё-таки вызывала специалистов, а не собиралась чинить дом силой характера. Возможно, я зря решил, что она ничего не понимает в реальной жизни.

А возможно, мне стоило перестать думать о чужой жизни вообще.

Я загнал пикап в гараж, переоделся, разобрал почту и вышел проверить водосток. Дождь обещали к концу недели, и я не собирался потом лазить по крыше в грязи.

У соседей фургон уже исчез. Оливия стояла возле веранды и фотографировала нижнюю ступень. С того места, где я был, хорошо просматривалась тёмная рыхлая древесина под краской.

Она чуть приблизила носок ботинка к краю доски.

— Я бы туда не наступал, — сказал я.

Она вздрогнула и резко обернулась.

— Прошу прощения?

— Доска прогнила.

— Я вижу.

— Тогда зачем проверяете ногой?

Её зелёные глаза сузились.

— Вы всегда такой дружелюбный?

— Только когда кто-то собирается провалиться сквозь крыльцо.

— Я не собиралась никуда проваливаться. Я делаю фотографии для мастера.

— Хорошо. Потому что опоры там тоже стоит проверить.

Она выпрямилась.

— Их уже смотрели. Я не собираюсь просто закрасить всё и надеяться на чудо.

Вот тут я впервые подумал, что, возможно, рыжая не так уж похожа на придуманную мной избалованную девицу.

Она стояла в старых джинсах, с растрёпанными волосами, уставшая, но с телефоном, набитым фотографиями проблем. Не очень-то похоже на человека, который ждёт, пока кто-то решит всё за него.

— Хорошо, — повторил я.

— Это ваше любимое слово?

— Одно из немногих, которые пока уместно произносить вслух.

Она фыркнула. Чёрт, это было почти смешно.

Я вспомнил бумажку в кармане.

— Мама просила передать.

Я протянул номер.

Оливия посмотрела на него, затем на меня.

— Мэри — ваша мать?

— Насколько мне известно.

— Конечно, — пробормотала она. — Здесь все Морганам родственники?

— Не все. Но мы работаем над этим.

Она неожиданно улыбнулась. Совсем ненадолго, но мне хватило, чтобы заметить, как у неё появились ямочки на ще-

ках.

Вот же дерьмо.

— Это специалист по старым деревянным домам, — пояснил я. — Другой, не тот, которого она вам давала.

— Спасибо. Передайте ей, пожалуйста, что я очень благодарна.

— Можете сказать сами. Она будет рада.

Оливия сложила бумажку и убрала в карман.

— И спасибо за предупреждение о ступени.

— Не за что.

Она уже повернулась к детям, когда девочка громко спросила:

— Мам, это тот дядя, который спас Заю?

Оливия закрыла глаза.

— Да, солнышко.

— А он сегодня сердится?

Я посмотрел на маленькую серьёзную мордашку.

— Сегодня по расписанию только до шести.

Девочка неуверенно улыбнулась, а Оливия издала звук, подозрительно похожий на смешок.

Я вернулся к себе, пока не успел сказать ещё какую-нибудь глупость.

***

Вечером Джек позвонил уточнить, удалось ли договориться о поставке.

— Удалось. Завтра утром привезут.

— Отлично. Как там твоя соседка?

— Какая связь?

— Никакой. Просто интересуюсь.

— Иди нахуй.

— О-о, — довольно протянул он. — Значит, виделись.

Я отключился.

Через секунду пришло сообщение: «Ты влюбился».

Я написал: «Иди нахуй».

Он ответил: «Значит, точно».

Я бросил телефон на диван, приготовил ужин и включил телевизор. Через десять минут понял, что не знаю, о чём шла передача.

За окном у Хейс было темно. Cadillac у дома не стоял. Наверное, она остановилась где-то на время ремонта. Разумно. В доме без воды и отопления с младенцем делать было нечего.

Я не собирался чинить её дом, воспитывать её детей или выяснять, почему она решила начать жизнь именно здесь.

У меня хватало собственных проблем.

И всё же, прежде чем лечь спать, я зачем-то посмотрел на соседний участок ещё раз.

Там было темно.

Отлично. Может, хоть сегодня высплюсь.

Я ошибался только в одном: дело было уже не в шуме.

Глава 5. Чернила и яблони

ОЛИВИЯ

Я плакала на полу ванной комнаты мотеля в два часа ночи.

Не красиво. Не так, как плачут героини фильмов, когда одна слеза медленно скользит по щеке, а камера ловит идеальный профиль. Я сидела на холодном кафеле, обхватив колени, и старалась не всхлипывать слишком громко.

За тонкой дверью спали мои дети.

Софи свернулась под одеялом, прижимая Зайца к подбородку. Тео лежал на спине в своей маленькой дорожной кроватке. Я только что покормила его, дождалась, пока он успокоится, и осторожно уложила. Потом посмотрела на неоплаченный счёт за замену водонагревателя, на три сообщения от подрядчиков и на список дел, который рос быстрее, чем я успевала его сокращать.

И почему-то именно это меня добило.

Не самый дорогой счёт. Не самый неприятный звонок. Просто очередная строчка: «Уточнить доставку холодильника».

Я справлялась. Днём прекрасно справлялась. Улыбалась Софи, пела Тео дурацкие песенки, спорила о сроках, оплачивала работы и говорила всем, что всё под контролем.

А ночью сидела на холодном полу и плакала так тихо, словно за слёзы тоже могли выставить счёт.

Я не знала, сколько ещё смогу жить в режиме, где каждое решение принадлежит мне одной. Если мастер не приедет — искать другого. Если ребёнок заболеет — везти к врачу. Если деньги закончатся — придумать, где взять новые. Даже когда мне хотелось спрятаться под одеяло, оставалась одна маленькая проблема: кто-то должен был быть взрослым.

— Мамочка? — сонно донеслось из комнаты.

Я мгновенно вытерла лицо рукавом.

— Я здесь, солнышко.

— Зая не спит.

— Скажи ему, что завтра у него важные дела.

— Какие?

— Следить, чтобы мы все выспались.

— Он постарается.

Я открыла дверь и увидела, как Софи сонно поглаживает зайца по уху. Села на край её кровати, поправила одеяло, поцеловала в лоб.

— Ты грустная? — прошептала она.

У меня сжалось горло.

— Просто устала, маленькая.

— Тогда ложись.

Три года. И уже умеет давать советы лучше половины взрослых.

— Сейчас лягу.

Я подождала, пока её дыхание станет ровным, проверила Тео и только потом вернулась в свою постель.

Утром снова предстояло быть человеком, который знает, что делает.

***

На десятый день после переезда мне позвонили с хорошими новостями.

Я даже переспросила, потому что уже отвыкла от такого жанра телефонных разговоров.

Сантехники заменили повреждённые участки труб и проверили соединения. Канализация работала. Электрик завершил обследование жилой части, заменил несколько опасных элементов и разрешил пользоваться основными линиями. Новый водонагреватель был установлен. Газовое оборудование проверили специалисты, отопление запустили после необходимых работ.

Это не означало, что дом стал новым. Крыша по-прежнему нуждалась в ремонте, часть окон — в замене, а веранда выглядела как приглашение в травмпункт. Но жилая часть была пригодна для нас.

— То есть сегодня можно ночевать дома? — уточнила я.

— Да, — ответил мастер. — Только пользуйтесь боковым входом. Опасную веранду мы оградили. И не откладывайте остальные работы.

— Не отложу.

Я посмотрела на Софи, которая сидела на ковре мотеля и объясняла Зайцу, почему он не может пользоваться моей зубной щёткой.

— Мы едем домой, — сказала я.

— Совсем домой?

— Совсем.

— И ванна там есть?

— Есть.

— И вода?

— Горячая.

Софи замерла, словно я только что сообщила о личном визите принцессы.

— Дом научился купаться!

— Наконец-то.

Сборы заняли целую вечность. Тео проголодался ровно тогда, когда я застегнула последнюю сумку. Софи захотела попрощаться с женщиной на стойке регистрации, а потом выяснилось, что Зая забыли под подушкой.

Когда я наконец припарковалась у бабушкиного дома, мне хотелось торжественно поцеловать входную дверь. Вместо этого я достала коляску, сумки и детей, прошла по безопасной боковой дорожке и открыла замок.

В доме пахло свежей древесиной, строительной пылью и едва заметно — новой краской на отремонтированном участке стены.

Я повернула кран на кухне.

Потекла вода.

Горячая. Настоящая. Совершенно великолепная.

Я смотрела на неё так долго, что Софи потянула меня за

рукав.

— Мам, она убежит.

— Пусть. Я так рада её видеть.

У нас уже были доставленные кровати, холодильник и минимум посуды. Коробки стояли повсюду. Полы в нескольких комнатах ещё предстояло привести в порядок. Но дети могли спать в тепле, а я — мыть руки, не открывая бутылку питьевой воды.

Невероятная роскошь.

***

К вечеру я совершила ошибку, которую совершают все уставшие люди с чрезмерной верой в собственные силы: открыла коробку с мебелью.

На ней было написано: «Простая сборка. Двадцать минут».

Ложь. Наглая, бесстыдная ложь.

Я собирала небольшой комод для детских вещей. Тео лежал рядом на безопасном коврике, Софи под моим присмотром подавала детали, которые я просила, и с огромным удовольствием называла все винты «маленькими гвоздиками».

— Мам, а это куда?

— Если бы я знала, дорогая, мы бы уже праздновали победу.

— Мы проиграли шкафу?

— Пока ничья.

Через час я обнаружила, что прикрутила направляющую

не той стороной. Ещё через двадцать минут Тео потребовал кормления, а Софи решила, что одна из полок идеально подходит для строительства гаража для Заи.

— Не наступай на неё, солнышко. И пожалуйста, отойди от деталей.

— Почему?

— Потому что я хочу, чтобы этот комод дожил до завтра.

Я разобрала крепление и начала заново.

После ужина, купания и обязательной сказки про зайца, который научился летать, я уложила Софи. Тео поел, уснул и отправился в кроватку. Я вернулась к комоду, проверила инструкцию, затянула последние крепления и испытала конструкцию на устойчивость. Для высокой мебели требовалось крепление к стене, поэтому такую я пока даже не собиралась ставить.

Готовый комод стоял передо мной немного криво — исключительно из-за неровного пола, решила я. Но ящик открывался, ножки не шатались, а я не убила ни одного шестигранника.

Я села рядом и рассмеялась.

Не от счастья. От усталости, облегчения и абсурдности того, что обычный комод казался сегодня личной победой.

Потом пошла проверять детей.

И только после этого позволила себе открыть ноутбук.

***

Я снова и снова возвращалась к фотографии старой вы-

вески «Чернила и яблони».

Нора сказала, что помещение пустует. Я нашла агентство, занимавшееся продажей, запросила описание, фотографии и условия. Несколько дней переписывалась с риелтором, пока дом постепенно переставал быть аварийной загадкой.

Когда пришёл ответ с предложением просмотра, я почувствовала радость. А сразу за ней — знакомый холод под рёбрами.

Для оформления понадобятся полное имя, адрес, удостоверение личности, банковские документы. Всё обычное. Всё законное. Всё то, чего нормальный покупатель даже не заметил бы.

Я перечитала письмо трижды.

Полное имя.

Адрес.

Документы.

У меня возникло нелепое желание закрыть ноутбук и больше никогда к этому не возвращаться.

Я не собиралась делать ничего незаконного. И всё же необходимость оставлять о себе следы в чужих системах казалась почти физически неприятной.

— Мисс Хейс, вы ещё на связи? — спросила риелтор, когда я позвонила уточнить детали.

— Да. Простите. Пришлите, пожалуйста, список документов заранее.

— Конечно. Мы всё объясним на встрече.

— Спасибо.

Я завершила разговор и долго смотрела на экран.

Потом записала дату просмотра.

Утро следующего дня началось ещё до будильника. Тео решил, что половина пятого — отличное время для разговора о смысле жизни. Я покормила его в полумраке, дождалась, пока он снова уснёт, и осталась сидеть у кроватки. В доме было тихо, только отопление негромко щёлкало в стене.

Это был хороший звук. Очень дорогой хороший звук.

На кухне меня ждали коробки с посудой, которую я обещала разобрать вчера. Я поставила чайник, достала две чашки и обнаружила третью, с отбитой ручкой. Она принадлежала бабушке. Я помнила, как та наливала в неё чай, хотя все давно предлагали купить новую.

— Вещи не обязаны быть идеальными, чтобы оставаться любимыми, — говорила бабушка.

Я повернула чашку в руках и осторожно поставила на верхнюю полку. Из неё больше нельзя было пить. Но выбросить я её пока не могла.

Софи появилась в дверях в пижаме, с волосами, торчащими в разные стороны.

— Почему ты без меня завтракаешь?

— Я пока только смотрю на чайник.

— А он на тебя?

— Очень осуждающе.

Она забралась на стул и потребовала тост. Я приготовила

завтрак, держа Тео в переноске рядом с собой, и выслушала подробный рассказ о сне, в котором Зая управлял автобусом. В этом сне, по словам дочери, автобус ехал исключительно к мороженому. Пожалуй, у зайца были здоровые жизненные приоритеты.

Пока Софи рисовала, я разложила на столе бумаги. Список расходов на дом уже не помещался на одной странице. Отдельно — средства, оставшиеся после продажи вещей. Отдельно — деньги, которые я не имела права трогать: запас на детей, медицину, непредвиденные расходы.

Я вычеркнула из плана новые кухонные фасады. Старые были некрасивыми, но работали. Вычеркнула замену полов в гостиной. Доски скрипели, однако проверка показала, что пока они безопасны. Оставила ремонт крыши и веранды, проверку окон, необходимые работы по отоплению. Нельзя было строить мечту о магазине на деньгах, которые завтра понадобятся на безопасность детей.

Затем открыла фотографии «Чернил и яблонь». Старое стекло, выцветшая вывеска, деревянные полки. Я мысленно расставила столики и поймала себя на том, что уже представляю, как Софи сидит в детском уголке с книжкой про зайцев.

— Мам, что это? — она подошла и ткнула пальцем в экран.

— Старый магазин.

— Там будут игрушки?

— Может быть. Немного.

— И книжки?

— Обязательно.

— Тогда ему нужен ковёр. Зая не любит холодный пол.

— Учту мнение главного эксперта.

Она кивнула и вернулась к рисунку. А я впервые набрала в таблице отдельную строку: «Магазин — возможная покупка». Не «мечта». Не «когда-нибудь». Возможная покупка.

Слово выглядело пугающе конкретным.

Я закрыла ноутбук, одела детей и только потом принялась собирать сумку для поездки. Подгузники, запасная одежда, салфетки, вода, перекус, Зая. И ещё одна вещь, которую я старалась не забыть: способность задавать вопросы и не соглашаться на первое предложение только потому, что мне неудобно спорить.

***

На следующий день мы приехали в центр раньше назначенного времени. Я припарковала Cadillac, закрепила Тео в коляске и взяла Софи за руку. Возле магазина риелтора ещё не было.

— Мам, а книжки вернулись? — спросила Софи.

— Пока нет.

— Они очень долго спят.

В этот момент рядом кто-то выронил книгу. Твёрдая обложка шлёпнулась на тротуар.

— Дядя, книжка упала! — немедленно сообщила Софи.

Мужчина обернулся. Он был примерно моего возраста

или чуть старше, в тёмно-синем свитере, с открытой улыбкой и стопкой учебников в руках.

— Спасибо, что спасла, — сказал он, поднимая книгу. — Я учитель, а с тремя книгами всё равно не справился.

— А зайцев учишь? — спросила Софи.

— Пока не доводилось. Но я открыт новым предметам.

Я улыбнулась.

— Простите. Она у меня очень любопытная.

— И правильно делает. Мир скучнее, когда перестаёшь задавать вопросы.

Он представился Итаном. Преподавал в местной школе и, как выяснилось, помнил книжный магазин ещё открытым.

— Часто покупал здесь книги для занятий, — сказал он, посмотрев на вывеску. — Жаль, что закрылся.

— Я ходила сюда с бабушкой.

— Тогда вы понимаете, почему мне его не хватает.

Я кивнула. Софи принялась рассказывать ему, как Зая однажды перелетел через забор к сердитому дяде. Итан слушал с такой серьёзностью, будто это была важнейшая местная новость.

— А вы смотрите на витрину так, словно уже знаете, где поставите полки, — заметил он.

— Это настолько очевидно?

— Немного.

Я рассмеялась. Разговаривать с ним было неожиданно легко. Он не задавал вопросов, от которых хотелось сжать-

ся, и не смотрел на меня так, будто я лично испортила ему выходные.

— Если захотите узнать город получше, — сказал он, — могу как-нибудь угостить вас кофе.

Я почувствовала лёгкую неловкость.

— Спасибо. Но сейчас у меня двое детей, ремонт и... слишком много дел.

— Понимаю, — просто ответил Итан. — Предложение без срока годности.

Он улыбнулся Софи, попрощался и пошёл дальше.

Я проводила его взглядом.

В Брайарвуде, оказывается, водились мужчины, которые умели улыбаться. Интересно, мистеру Моргану кто-нибудь сообщил?

***

Риелтор приехала через несколько минут. Мы вошли внутрь.

Пахло пылью, закрытыми окнами и старым деревом. Свет падал на пустые полки, на прилавок с потёртым краем, на место у окна, где я когда-то сидела на полу с книжкой.

— Мам, а где книжки?

— Пока нет, солнышко.

— Тогда принесём. И про зайцев тоже.

— Обязательно.

Риелтор рассказывала о площади, коммунальных расходах и состоянии помещений. Я задавала вопросы про инже-

нерные системы, крышу, документы, возможные ограничения и стоимость обслуживания. На этот раз я не позволяла воспоминаниям заглушить здравый смысл.

У окна я остановилась. Здесь можно было поставить кресла и небольшой столик для чтения. У дальней стены — низкие детские полки, мягкий ковёр и место для сказок. Основной зал — книги, свет, спокойные цвета, несколько удобных уголков.

Название я бы оставила прежнее. Бабушка любила его. И я тоже.

— Конечно, потребуется вложиться, — сказала риелтор. — Косметика, оборудование, ассортимент. Но собственник готов обсуждать цену.

Я кивнула.

Место пахло не волшебством. Пылью. Старым деревом. Закрытыми окнами.

И всё-таки я увидела здесь не прошлое, а будущее.

***

Вечером, после того как дети поужинали, искупались и уснули, я села за ноутбук и открыла таблицу.

Вещи, которые я продала до переезда, когда-то стоили чудовищных денег. Украшения. Часы. Несколько дорогих аксессуаров, которыми я почти не пользовалась. Я старалась не думать о том, сколько за них когда-то заплатили. Важнее было, сколько осталось у меня сейчас.

Триста девяносто тысяч долларов.

Сумма выглядела огромной, пока я не начала её делить.

Тридцать восемь тысяч — срочные работы и базовое обустройство дома. Сто шестьдесят три — покупка помещения с расходами на сделку, если удастся договориться о цене. Сорок две — косметический ремонт, освещение, мебель и оборудование магазина. Двадцать пять — стартовый ассортимент. Сорок пять — отдельный резерв на первые месяцы работы, аренду оборудования, налоги, страховку, коммунальные расходы и непредвиденные затраты.

Оставалось семьдесят семь тысяч. На жизнь с детьми, следующие этапы ремонта дома и ошибки, которые я неизбежно совершу.

Я пересчитала всё ещё раз.

И ещё.

Книжный магазин не начинал приносить деньги в тот момент, когда ты вешаешь красивую вывеску. Ему нужны покупатели, поставщики, реклама, часы работы, люди, которые будут помогать, пока я кормлю Тео или отвожу Софи к врачу. Нужен план. И терпение. Очень много терпения.

Но я могла попробовать.

Я могла купить не просто стены, а возможность однажды зарабатывать своим трудом.

Банк, к сожалению, принимал доллары, а не красивые метафоры.

Я отправила риелтору предложение ниже первоначальной цены, указала условие независимой технической проверки и

проверки документов юристом.

Через несколько минут пришёл ответ с перечнем сведений о покупателе.

Я долго смотрела на поля с именем и адресом.

Оливия Хейс.

Я всё ещё не до конца привыкла видеть эту фамилию в своих документах. Иногда рука по старой привычке собиралась вывести совсем другие буквы, и мне приходилось одёргивать себя.

Хейс была фамилией моей бабушки. Теперь она принадлежала мне, Софи и Тео.

Смена фамилии, переоформление документов, бесконечные заявления и ожидание заняли куда больше времени, чем мне хотелось бы. Но, пожалуй, это было одним из немногих решений за последние месяцы, о которых я ни разу не пожалела.

Я хотела, чтобы у моих детей была именно эта фамилия. Чтобы она ассоциировалась у них с домом, яблонями в саду и чем-то хорошим.

А не с тем, с чем у меня ассоциировалась прежняя.

Телефон завибрировал на столе.

— Мисс Хейс, получили форму? — поинтересовалась риелтор.

— Да. Хотела уточнить один момент. Если я недавно сменила фамилию, понадобятся дополнительные документы?

— Возможно, на этапе юридической проверки. Лучше

уточнить это у юриста, который будет сопровождать сделку.

— Понятно. Спасибо.

— Не переживайте, это вполне обычная ситуация.

— Конечно.

Я завершила разговор и медленно выдохнула.

Все мои документы были в порядке. Я ничего не подделывала, не нарушала закон и не пыталась обмануть кого-либо.

И всё же мне до безумия не хотелось, чтобы моя прежняя фамилия снова появилась хоть на одном листе бумаги.

Я слишком многое сделала для того, чтобы оставить её в прошлом.

Собственный адрес в безобидной форме почему-то пугал меня сильнее сметы на сорок тысяч.

Я проверила получателя письма. Потом ещё раз. Убедилась, что документы передаются через согласованный защищённый канал, а не случайному человеку. И всё равно руки были холодными.

Я заполнила форму.

Не потому, что перестала бояться.

Потому что больше не хотела, чтобы страх решал за меня всё.

В тот вечер я не сразу вернулась к расчётам. Сначала мы с детьми устроились на полу гостиной, потому что диван ещё не приехал. Я расстелила чистый плед, положила рядом Тео на безопасный коврик и выдала Софи коробку цветных карандашей. Она объявила, что мы открываем магазин прямо

сейчас.

— Ты будешь покупателем, — распорядилась дочь.

— А ты?

— Я директор.

— Как неожиданно.

Она разложила на пледе три книжки, Зайца и одну резиновую уточку. Уточка, по всей видимости, относилась к редким коллекционным изданиям.

— Сколько стоит эта? — спросила я, подняв книгу с картинками.

— Десять печенек.

— Дороговато.

— Тогда девять.

— Серьёзная скидка.

— Только сегодня.

Я рассмеялась и вдруг подумала, что именно этого мне не хватало в последние недели: возможности играть, не прислушиваясь каждую секунду к собственным мыслям. Софи передала мне книгу, получила воображаемые печенья и важно сложила их в пустую коробку.

Тео захныкал. Я взяла его на руки, устроилась поудобнее и покормила, пока Софи рассказывала Зайцу, что посетителям запрещено грызть страницы. Потом сын уснул, а дочь потребовала настоящую сказку.

Я читала ей про медведя, который искал дорогу домой. На середине она перебила:

— А если он заблудится, его мама найдёт?

— Постарается.

— А ты меня найдёшь?

Я посмотрела на неё поверх книги.

— Всегда буду стараться, солнышко.

Она прижалась ко мне, и я обняла её свободной рукой. Мне хотелось пообещать ей всё на свете: что никто не обидит, что больше не придётся уезжать, что мы никогда не испугаемся. Но я уже знала цену обещаниям, которые человек не может выполнить.

— Мы будем держаться вместе, — сказала я вместо этого.

— И Зая.

— И Зая, конечно.

Позже, когда оба ребёнка уснули, я снова открыла таблицу. На экране цифры выглядели ровными и спокойными. В жизни за каждой стояло что-то другое: новая крыша над детскими кроватями, работающий холодильник, запас на случай болезни, возможность не просить разрешения тратить собственные деньги.

Покупка магазина не была безумным жестом. Я проверяла условия, считала расходы, закладывала резерв. И всё же разумные расчёты не отменяли страха.

Я вспомнила, как сегодня вводила полное имя в форму. Как перечитывала адрес, прежде чем нажать кнопку. Как почти закрыла страницу, когда система попросила удостоверение личности. Никто не угрожал мне. Никто не задавал

лишних вопросов. Обычные документы для обычной сделки. Моё тело, однако, не интересовалось логикой.

Я закрыла глаза, сосчитала до пяти и вернулась к цифрам.

Завтра нужно было позвонить юристу и уточнить, какие проверки можно провести до подписания договора. Послезавтра — узнать стоимость страховки. Ещё через день — встретиться с человеком, который оценит состояние помещения. Я не могла позволить себе ошибиться, но могла позволить себе двигаться медленно.

За стеной тихо щёлкнуло отопление. Сверху донёсся сонный голос Софи, зовущий Зайца. Я поднялась проверить её, поправила одеяло и нашла игрушку под подушкой.

— Вот ты где, беглец, — прошептала я.

Вернувшись на кухню, я не закрыла таблицу. Только поставила рядом чашку чая и дописала: «Проверить возможность детских чтений. Спросить у Норы, какие книги раньше покупали чаще».

Мечта постепенно обрастала списками, счетами и неприятными вопросами. Странным образом от этого она становилась не менее прекрасной, а более настоящей.

***

На следующее утро Софи рисовала будущий магазин. На рисунке он был розовым, с огромным зайцем на крыше и чем-то, подозрительно напоминавшим бассейн.

— Это что? — спросила я.

— Ванна для книжек.

— Книги не купаются, солнышко.

— А если испачкались?

— Тогда мы очень аккуратно их чистим.

Она задумалась.

— А Зая будет там работать?

— Если пройдёт собеседование.

— Он хороший.

— Я знаю. Но у него проблемы с соблюдением границ чужой территории.

Софи серьёзно кивнула.

В этот момент позвонила риелтор.

— Мисс Хейс, владелец согласен с вашей ценой. При стандартных проверках и сроках можем двигаться дальше.

Я закрыла глаза.

Я хотела услышать «да». Когда услышала, первым желанием было попросить ещё неделю подумать.

— Да, — сказала я. — Но сначала независимая инспекция и договор у юриста.

— Разумеется.

Мы обсудили порядок следующих шагов. После звонка я долго сидела неподвижно.

Предложение приняли.

Это ещё не означало, что магазин мой. Впереди были проверки, бумаги, подписи, возможные неприятные сюрпризы. Но решение я уже приняла.

Я собиралась купить «Чернила и яблони».

— Мам, ты купишь книжки? — спросила Софи.

— Сначала магазин.

— А потом про зайцев?

— Это отдельная статья бюджета.

***

Днём мы снова приехали к витрине. Я хотела сфотографировать фасад при хорошем свете и ещё раз измерить глазами место под будущую вывеску. Тео спал в коляске, Софи шла рядом и рассказывала Зайцу, что скоро у него появится работа.

— Оливия? — окликнули меня.

Нора остановилась у входа в соседний магазин. Увидев нас, она подошла ближе.

— Снова любуетесь?

— Похоже, да.

Я помедлила. Говорить о своих планах вслух было страшнее, чем думать о них.

— Моё предложение о покупке приняли, — сказала я. — Впереди проверки. Но я хочу снова открыть магазин.

Нора посмотрела на старую вывеску. На её лице появилось выражение, которого я не ожидала: не просто радость, а облегчение.

— Правда?

— Если документы не преподнесут сюрпризов.

— Здесь раньше проводили встречи с авторами, — тихо сказала она. — А по субботам приходили дети. Иногда их

было так много, что мы не успевали расставлять стулья.

Я представила Софи среди этих детей. Представила Нору за прилавком, знакомый запах бумаги и бабушкино имя, которое больше не будет связано только с прошлым.

— Я хочу сделать детский уголок, — сказала я. — И отдельное место, где можно просто посидеть с книгой.

— Это было бы прекрасно.

Мы не говорили о работе. Ещё слишком рано. Но я заметила, как долго Нора смотрела на пустые окна, прежде чем попрощаться.

***

Домой мы вернулись все вместе. Я занесла пакеты, помогла Софи снять куртку, переодела Тео и поставила разогреваться ужин. Пока сын лежал рядом в шезлонге под моим присмотром, мы с дочерью обсуждали, можно ли разрешать Зайцу читать после отбоя.

Потом была ванна. Софи вылила половину воды на пол и объявила, что это море. Я вытерла море, надела ей пижаму и поймала Тео в тот самый момент, когда он решил испачкать свежий бодик.

— Ты издеваешься надо мной, маленький мужчина?

Он довольно засопел.

— Вот именно. Ни капли раскаяния.

Я покормила его, подержала вертикально, пока он не успокоился, и уложила на спину в кроватку. Потом вернулась к Софи. Она уже лежала с Зайцем под одеялом.

— Сказку, — потребовала она.

— Какую?

— Про зайца, который купил магазин.

— У него были деньги?

— Он продал морковку.

— Предприимчивый парень.

Я придумала историю о зайце, который открыл книжный магазин, но не мог выбрать, какие книги продавать, потому что любил все. Софи смеялась, потом зевнула и наконец закрыла глаза.

Я посидела рядом ещё немного. Только убедившись, что оба ребёнка спят, спустилась на кухню.

Там было тепло. Из крана текла вода. На столе лежали счета, а на экране ноутбука светились слова «Чернила и яблони».

Я подошла к окну за стаканом воды и заметила свет в соседском гараже. Дин стоял у открытой двери, держа что-то в руках. На мгновение он поднял голову, и наши взгляды встретились.

Я тут же отвернулась.

Ну конечно. Даже мой новый жизненный план не мог обойтись без угрюмого механика по соседству.

Я вернулась к столу и открыла письмо риелтора.

Впереди были юрист, инспекция, оформление сделки, закупки, ремонт, бессонные ночи и ещё столько неизвестного, что от одного перечисления хотелось залезть под одеяло.

Я всё ещё боялась будущего.

Но впервые за долгое время мне хотелось, чтобы оно наступило.

Глава 6. Тишина мне только снится

ДИН

Некоторые люди начинали утро с йоги, медитации и чашечки зелёного чая. Я начинал с Джека, который орал в телефон, и поставщика, которому, судя по всему, доставляло удовольствие портить мне жизнь.

У каждого свои способы поддерживать душевное равновесие.

— Нет, приятель, в следующий четверг и в этот четверг — две совершенно разные даты. Ты же понимаешь разницу? Или мне прислать тебе календарь с картинками?

Я поставил кофе на стол и снял куртку.

— Что случилось?

Джек прикрыл микрофон ладонью.

— Они опять перенесли доставку.

— На пикап?

— Ага. И этот гений утверждает, что уведомил нас.

Из динамика донёсся возмущённый мужской голос. Джек убрал ладонь.

— Нет, я не называл тебя гением в хорошем смысле.

— Дай номер заказа. И перестань угрожать человеку через громкую связь.

— Я вежливо объясняю последствия.

— Тогда не называй его идиотом.

Джек опёрся обеими руками о стол.

— Я оставил им номер твоего мобильного, — сообщил он.

— Зачем?

— Потому что у меня с ними больше нет здоровых отношений.

Я открыл переписку с поставщиком. В письме, отправленном в пятницу, действительно стояла первоначальная дата. Никакого уведомления о переносе не было. Я попросил соединить меня с менеджером, который принимал заказ, и пока слушал музыку в трубке, успел допить половину кофе.

Менеджер предложил вернуть деньги.

— Деньги мне и так принадлежат, — объяснил я. — Мне нужна деталь. Вы можете проверить остатки на других складах?

— Это займёт время.

— Хорошо. До одиннадцати жду ответа.

Джек показал мне большой палец и получил в ответ средний.

Я открыл ворота второго бокса. Утро было холодным, на бетоне возле въезда лежали мокрые листья. В глубине мастерской под чехлом стоял старый голубой пикап. Мы уже привели в порядок двигатель, но оставалась тормозная система. Без неё я бы не выпустил машину даже на соседнюю улицу.

— Знаешь, что самое хреновое? — Джек снял чехол с капота. — Он вчера прислал мне фотографию отца. Старик в

гараже полирует старые колпаки. Думает, что это всё, что у него от машины останется.

Я посмотрел на выцветшую эмблему на капоте. На кузове ещё оставались царапины, которые Гарольд специально просил не трогать. Его отец не хотел бы получить автомобиль, похожий на чужой.

— Поэтому и не будем ставить первое попавшееся дерьмо.

Я видел и жену Гарольда, и фотографии пикапа, которые он принёс нам месяц назад. На одной из них его родители стояли возле этой самой машины в день свадьбы. Отец Гарольда когда-то возил на ней инструменты, потом учил сына водить, а последние годы пикап простоял в сарае. К годовщине свадьбы родителей Гарольд хотел вернуть машину на дорогу.

Именно на дорогу, а не просто выкрасить её в красивый цвет и поставить возле ресторана.

— Значит, будем искать, — ответил я.

Джек направился к пикапу, а я сел за компьютер. До обеда мы приняли две машины и освободили подъёмник.

Первой приехала миссис Уилсон. Она жаловалась, что машина издаёт подозрительный звук при повороте, и принесла нам пакет яблок со своего участка.

— Это не вместо оплаты, мальчики. Просто у меня их слишком много.

— Вы спасаете меня от голодной смерти, — заверил её Джек.

— Твоя мать знает, что ты голодаешь?

— Только не говорите ей. Она заставит меня съесть целую курицу.

Я записал жалобу, уточнил, когда появился звук, и попросил оставить ключи. Миссис Уилсон уже собралась уходить, но остановилась у двери.

— Дин, а ты помнишь, как твой отец привозил сюда вас обоих на старом универсале?

— Помню.

— Ты тогда всё время просил дать тебе что-нибудь разобрать.

— А я? — заинтересовался Джек.

— А ты просил мороженое.

— Ничего не изменилось, — сказал я.

Когда она ушла, брат сунул мне яблоко. Я поймал его одной рукой и положил возле компьютера. В этом городе тебя могли знать с того возраста, когда ты ещё не умел завязывать шнурки. Иногда это бесило. Иногда, когда очередной клиент оставлял ключи и говорил, что доверяет тебе, я понимал, почему так и не захотел отсюда уехать.

К одиннадцати поставщик не перезвонил. Зато Джек обнаружил повреждённую магистраль на пикапе и подозвал меня.

— Смотри. Если уж лезть сюда, я бы заменил её целиком. Не хочу через месяц снова видеть Гарольда с этой проблемой.

Я наклонился, посветил фонарём и кивнул.

— Согласен. Добавь в смету. Сначала согласуем с ним.

Джек мог довести меня до желания пересмотреть своё отношение к семейным ценностям. Но в работе я доверял ему. Если он говорил, что что-то нужно проверить, я проверял. Если я просил его закончить ремонт, мог спокойно заниматься другим заказом, не заглядывая через плечо каждые пять минут.

Мы слишком долго работали вместе, чтобы мериться членами над каждым болтом.

***

Обедали мы в тесной комнатке за приёмной. Джек развернул сэндвич, оглядел заставленные коробками полки и пнул носком ботинка пустую упаковку.

— Нам нужно больше места.

Я откусил сэндвич. В этом он был прав. Мы могли перераспределить часть хранения, но это не решало проблему с количеством машин. Расширение давно напрашивалось, а свободная земля в подходящем месте стоила денег.

— Я вчера видел объявление о складе за старой заправкой, — сказал Джек. — Там можно держать хотя бы сезонную резину.

— Сколько хотят?

Он назвал сумму.

— За эти деньги они должны ещё каждое утро приносить мне завтрак и делать массаж спины.

— Могу делать я.

— Тогда они должны доплачивать.

Он засмеялся и открыл на телефоне фотографии помещения. Я увеличил одну из них. Ворота узкие, подъезд разбит, крыша подозрительная. Но если собственник согласится на нормальную цену, можно посмотреть.

— Позвони, узнай условия. Только не соглашайся ни на что до осмотра.

— Есть, капитан.

Мы начинали с гораздо меньшего помещения. В первые месяцы я сам отвечал на звонки, принимал машины, заказывал детали и по вечерам сидел над бухгалтерией. Джек тогда ещё работал на другой сервис и приходил помогать после смены. Сейчас у нас были постоянные клиенты, оборудование и достаточно заказов, чтобы иногда мечтать о третьей паре рук. Не самый плохой результат для двух парней, которых отец когда-то выгнал из гаража за разобранную газонокосилку.

Но брать кредит только потому, что мне не достался удобный участок, я не собирался.

— А участок рядом с твоим домом окончательно вычёркиваем?

— Джек, там люди живут.

— Я в курсе. Очень симпатичные люди, между прочим.

— Участок никогда не был нашим. Хватит о нём.

Он поднял руки, сдаваясь, и прожевал кусок хлеба.

— Кстати, угадай, кто собирается купить книжный.

— Нет.

— Да.

— Ты даже не сказал имя.

— А ты уже догадался.

Я отложил сэндвич.

— Откуда знаешь?

— Утром заезжал к маме. Там обсуждали, что у старого книжного появилась покупательница. Рыжая интересовалась помещением, помнишь?

— И это уже повод объявлять её владелицей?

— Я сказал «собирается», зануда.

Ну охренеть. Одного разваливающегося здания ей оказалось мало.

— У неё дом до сих пор не доделан.

— Может, она знает, что делает.

— Может.

Джек внимательно посмотрел на меня.

— А может, тебе просто не нравится, что она распоряжается своими деньгами без твоего письменного разрешения?

— Мне вообще похрен, чем она распоряжается.

— Заметно. Особенно по тому, как ты сейчас чуть не подавился.

Я закрыл за собой дверь.

Пусть покупает хоть весь чёртов Брайарвуд. Если у неё есть на это деньги, меня это не касается. И соседний участок,

каким бы удобным он ни казался для моих планов, тоже не моя собственность.

Я прекрасно это понимал.

Но почему-то мне было интересно, что она собирается делать с пустыми полками и старой вывеской. Я проезжал мимо этого магазина почти каждый день и уже давно перестал обращать на него внимание. Она же приехала в город меньше месяца назад и каким-то образом увидела в нём то, чего не замечали остальные.

Чёрт с ней.

— Она тебе вообще что-нибудь рассказывала о себе? — спросил Джек, появившись в дверях.

— Нет.

— Даже почему приехала?

— Она моя соседка, а не подозреваемая на допросе.

— Я просто спросил.

— А я просто ответил.

Он помолчал, покрутил в руках ключи от машины клиента.

— Слушай, я бы тоже не хотел, чтобы весь город обсуждал, на что я трачу деньги.

— Ты тратишь их на всякую херню. Тут обсуждать нечего.

— Вот именно. Представь, если бы я купил книжный магазин.

— Я бы вызвал врача.

Джек ухмыльнулся и ушёл. Я остался перед экраном с от-

крытым каталогом запчастей. Самое неприятное в его замечании было то, что оно имело смысл. Я понятия не имел, зачем Оливии магазин. Возможно, она любила книги. Возможно, у неё был опыт в торговле. Возможно, ей просто хотелось чем-то заняться. Ни один из вариантов не требовал моего одобрения.

Я ввёл номер детали. Через минуту обнаружил, что набрал его неправильно.

Охренительно. Теперь даже чужая недвижимость мешала мне работать.

***

После обеда ответил один из поставщиков. У них нашлась деталь подходящей серии, но прежде чем заказывать, требовалось сверить размеры и каталожные номера. Джек принёс старый цилиндр, мы проверили параметры и отправили фотографии. К четырём часам получили подтверждение совместимости и срок доставки.

Я набрал Гарольда.

— Есть вариант получить деталь раньше. Стоимость немного выше, зато поставщик подтвердил наличие. По магистрали тоже есть замечание, я пришлю фотографии и обновлённую смету.

— К пятнице успеете?

Я посмотрел на календарь. Если доставка пройдёт нормально, шанс был. Если нет — обещание превратится в очередную проблему.

— Не стану обещать, пока деталь не приедет. После установки нам ещё нужно проверить систему. Сегодня отправлю вам всё на согласование и буду держать в курсе.

На другом конце провода вздохнули.

— Отец даже не знает, что я привёз машину к вам. Думает, я собираюсь продать её на запчасти.

— Тогда лучше пусть сюрприз будет чуть позже, чем машина окажется небезопасной.

— Да. Ты прав.

Он попросил прислать смету и поблагодарил за звонок.

Джек, сидевший напротив, откинулся на спинку стула.

— Видишь? Я почти всё решил.

— Слово «почти» здесь ключевое.

Гарольд прислал согласие на смету ближе к закрытию. Я оформил заказ, сохранил подтверждение и прикрепил его к карточке машины. Джек тем временем закончил с автомобилем миссис Уилсон и принёс мне результаты проверки.

— Слушай, завтра я могу приехать пораньше и заняться пикапом, пока ты принимаешь клиентов.

— Деталь завтра ещё не будет здесь.

— Знаю. Подготовлю всё остальное. Чтобы потом не метаться.

— Хорошо.

Он задержался у стола.

— А спасибо?

— Спасибо, что выполняешь свою работу, совладелец.

— Вот за это я тебя и люблю. Такая нежность.

Я бросил ему яблоко. Он поймал его, откусил и ушёл выключать компрессор.

Когда последний клиент забрал машину, я прошёл по боксам, проверил, что оборудование отключено, а ключи убраны. Джек ждал возле ворот, натягивая куртку.

— Завтра к родителям не забудь.

— Не забуду.

— Мама сказала, если опоздаешь, я могу съесть твою порцию.

— Мама такого не говорила.

— Ты не можешь доказать обратное.

Я запер ворота. Мы разошлись к машинам, и только когда я выехал на главную улицу, понял, насколько устал. Плечи ныли, пальцы пахли мылом и металлом, а в голове всё ещё вертелись сроки доставки. Хотелось нормального ужина, горячего душа и хотя бы одного вечера, в котором никто ничего от меня не требовал.

В железе мне нравилось одно: оно не обижалось на прямые вопросы. Либо деталь подходила, либо нет. Можно было измерить, проверить, разобрать и понять, в чём проблема.

Люди почему-то устроены сложнее.

***

Дома я успел переодеться, поставить картофель в духовку и достать из холодильника стейк, когда снаружи что-то грохнуло.

Я замер с перечницей в руке.

— Да чтоб тебя!

Голос был женский. И очень знакомый.

— Мамочка, шкаф опять плохой?

— Нет, солнышко. Просто у него сложный характер.

Знакомая проблема.

Я вернулся к мясу. Чужая мебель меня не интересовала. Особенно мебель женщины, которая в прошлый раз разговаривала со мной так, словно я собирался лично запретить ей пользоваться собственным домом.

Через минуту раздался ещё один стук. Потом шорох картона.

Господи. Она что, решила собрать мебель при помощи взрывчатки?

Я убавил температуру духовки и посмотрел на часы. До готовности картофеля оставалось достаточно времени. Из-за забора донеслось какое-то торопливое шуршание, затем голос девочки:

— Мам, я могу подержать!

— Лучше подержи Заю, пожалуйста.

— Он тоже хочет помочь.

— Передай ему, что я очень ценю его энтузиазм.

Я невольно представил, как плюшевый заяц вносит вклад в ремонт дома. По моему опыту общения с этим семейством, он был самым мобильным его представителем.

За последние дни возле дома Хейс несколько раз появля-

лись рабочие. У старых окон исчезли обрывки плёнки, на боковой дорожке лежал свежий гравий. Я замечал изменения, когда парковался или выносил мусор. Дом всё ещё выглядел паршиво, но уже не так, будто его оставили доживать последние годы.

Я открыл шкафчик в поисках масла и обнаружил, что бутылка почти пустая. Записал в телефон купить новую. Потом снова услышал грохот.

Да что ж там за мебель такая?

Я вымыл руки, вышел через боковую дверь и направился к своему гаражу. Мне действительно нужно было забрать оттуда зарядное устройство. По крайней мере, это была вполне приличная причина оказаться во дворе.

У соседнего дома стоял Cadillac с открытым багажником. Возле бокового входа лежала распакованная коробка, из которой торчали белые панели. Оливия же пыталась вытащить из машины вторую, длинную и явно тяжёлую.

На ней были джинсы, свободный свитер и кроссовки. Рыжие волосы она собрала в небрежный пучок, из которого уже выбилось несколько прядей. Софи стояла возле коляски, прижимая к груди своего потрёпанного зайца. Младенец тихо сопел под одеялом.

Оливия потянула коробку на себя. Та сдвинулась на несколько сантиметров и застряла.

— Да ты издеваешься, — пробормотала она.

Я остановился возле забора.

— Вы уверены, что собираете шкаф, а не строите катапульту?

Она резко обернулась.

— Катапульта была бы полезнее. Я бы могла запустить ею вашего внутреннего критика куда-нибудь подальше.

Я прикусил щёку изнутри.

— Далеко? — спросил я.

— Что далеко?

— Куда собираетесь запускать моего внутреннего критика?

Она оглядела улицу, будто всерьёз оценивала траекторию.

— Желательно за пределы штата.

— Тогда коробка маловата.

— Куплю вторую.

Я опустил голову, чтобы она не заметила моей усмешки. Вот ведь зараза. В прошлый раз мы умудрились поругаться из-за одной гнилой доски, а теперь она стояла передо мной в свитере с закатанными рукавами и совершенно серьёзно обсуждала мою депортацию.

Софи переводила взгляд с меня на мать.

— Мам, а что такое катапульта?

— Большая штука, которая бросает предметы далеко.

— Как Зая через забор?

— Примерно.

Девочка крепче прижала игрушку к груди.

— Не надо Заю.

— Никто не тронет твоего зайца, — сказала Оливия и снова повернулась к машине.

Я заметил, что она подложила под край упаковки сложенный картон, чтобы не поцарапать бампер. Действовала не наугад, просто коробка оказалась слишком неудобной для одного человека. У меня самого дома стоял шкаф, который мы с Джеком заносили вдвоём и при этом умудрились ободрать дверной косяк.

— Вы её до утра так будете вытаскивать, — заметил я.

— У вас удивительная вера в мои способности.

— У меня есть глаза.

Она снова взялась за коробку. Один край уже опасно свисал из багажника, и удерживать его одной рукой было неудобно.

— Давайте донесу до двери.

— Спасибо, я справлюсь.

— Вижу.

Зелёные глаза сузились.

Она посмотрела на коробку, потом на коляску. Софи тем временем сообщила зайцу, что маме мешает большой дядя.

— Ладно, — наконец сказала Оливия. — Только коробку. Не мои жизненные решения.

— Договорились.

Я обошёл забор через улицу и подошёл к машине. Она отступила, освобождая место. Я подхватил коробку снизу, вытянул её из багажника и перехватил поудобнее.

— К боковой двери?

— Да. Вдоль дорожки, пожалуйста.

Веранда была огорожена. По крайней мере, мой совет не ходить по гнилым ступеням не пропал даром. Я прошёл по дорожке и поставил коробку у стены там, куда она указала.

— Так нормально?

— Да. Спасибо большое.

Она присела возле коробки и проверила, не смялся ли угол. Я отступил, чтобы не нависать над ней. На дорожке стояли ещё два небольших пакета, у стены — сложенный картон и рулон защитной плёнки. Всё было рассортировано. Даже отвёртки лежали в открытом пластиковом ящике, а не валялись под ногами.

— Это для магазина? — едва не спросил я.

Вовремя вспомнил, что о магазине знаю исключительно благодаря городскому радио в лице младшего брата. Не хватало ещё объяснять, почему обсуждаю её покупки за обедом.

— Здесь не намокнет? — спросил вместо этого.

— Нет, я занесу панели по одной. Просто целиком коробка не проходила в дверь.

Она поднялась, отряхнула колени. Я хотел предложить перенести и панели, но передумал. Мы договорились об одной коробке. На этом моя общественно полезная деятельность заканчивалась.

— Если вдруг будете собирать высокий стеллаж, закрепите его к стене, — сказал я.

— Я знаю. Крепления уже купила.

— Хорошо.

— Вы сейчас разочарованы?

— Чем?

— Тем, что не удалось прочитать мне ещё одну лекцию.

— Переживу.

Она фыркнула. Софи внимательно посмотрела на меня, потом на коробку.

Она произнесла это без прежней колкости, и я неожиданно не нашёлся с ответом. Вблизи веснушки на её носу были заметнее. А выбившаяся рыжая прядь прилипла к щеке, и мне на секунду захотелось убрать её.

Какого хрена?

Я выпрямился и сунул руки в карманы.

— Не за что.

— Мама сама сделала комод! — вдруг сообщила Софи.

Я посмотрел вниз. Девочка всё ещё держалась возле матери, но уже не пряталась за её ногой.

Оливия улыбнулась дочери.

— Софи, давай не будем утомлять мистера Моргана подробностями.

— А ещё мама сказала, что тот, кто придумал этот шкаф, — мудак.

Тишина.

Оливия медленно закрыла глаза.

— Софи!

— Но ты сказала!

Я собирался сохранить серьёзное лицо. Честно. Но ребёнок произнёс это с таким достоинством, словно цитировал президента страны, и я проиграл.

Я рассмеялся. Не хмыкнул, не усмехнулся, а действительно заржал, прикрыв рот ладонью.

— Технически она права.

— Не помогайте, — прошипела Оливия.

Её щёки стали почти одного цвета с волосами.

— Солнышко, мы уже обсуждали слова, которые нельзя повторять.

— А почему дяде смешно?

— Потому что дядя не очень хороший пример для подражания, — ответила Оливия.

— Справедливо, — признал я.

— А ты знаешь плохие слова? — спросила девочка уже у меня.

— Знаю.

— Много?

— Софи, — предупредила мать.

Я кашлянул, пытаясь снова придать лицу приличное выражение.

— Достаточно.

Девочка задумалась. Потом посмотрела на своего зайца и шепнула ему что-то на ухо. Я решил, что лучше не уточнять. У Оливии и без меня хватало проблем с расширением дет-

ского словарного запаса.

— Господи, — пробормотала она. — Надеюсь, вы забудете этот разговор.

— Вряд ли.

— Прекрасно. Просто прекрасно.

Я ещё никогда не видел, чтобы она так смешно злилась. Не той злостью, с которой отвечала мне возле веранды, а совершенно обычным раздражением человека, которого собственный ребёнок только что выставил идиотом. Она не стала оправдываться и объяснять, какая на самом деле хорошая мать. Просто поправила дочери шапку и попросила больше не повторять услышанное.

Я отвернулся к улице. Смешок всё равно вырвался наружу.

Оливия прикрыла лицо ладонью, но я заметил, как у неё дрогнули уголки губ.

Она убрала ладонь.

Я снова усмехнулся. Чёрт. А ведь разговаривать с ней, когда она не смотрела на меня как на налоговую инспекцию, было довольно забавно.

***

— Вода теперь работает? — спросил я, кивнув на дом.

— Да. И отопление. Даже холодильник есть. Цивилизация добралась до нашего участка.

Она поправила одеяло в коляске. Малыш заворочался, издал короткий недовольный звук и снова затих.

— Надеюсь, свет в окнах не нарушает ваш покой, — добавила она.

— Пока нет.

— Какое облегчение.

— Не расслабляйтесь.

— А веранда? — спросил я.

— Ждём смету. Там работы больше, чем я рассчитывала.

— Неудивительно.

— Да, я уже поняла, что у этого дома весьма богатый внутренний мир. Особенно у труб.

— Старые дома такие.

— Вы говорите так, будто ваш никогда не ломается.

— Ломается. Просто я чиню раньше, чем он успевает развалиться.

— Удобно, когда есть тринадцать лет форы.

Я посмотрел на неё. Она произнесла это спокойно, без обиды. И, чёрт возьми, была права. Я купил свой дом в нормальном состоянии и постепенно доводил его до ума. Ей досталось здание, в котором годами никто не жил. Сравнивать наши участки было примерно так же разумно, как сравнивать отреставрированный автомобиль с тем, который только вытащили из сарая.

— Справедливое замечание, — сказал я.

Она на секунду замерла.

— Вы только что со мной согласились?

— Не привыкайте.

— Постараюсь пережить потрясение.

В коляске завозился младенец. Оливия наклонилась к нему, тихо произнесла его имя. Тео. Я вспомнил, что слышал его ещё в мастерской. Малыш сморщил нос и затих, а она выпрямилась, придерживая ручку коляски.

Мне вдруг стало любопытно, когда она вообще успевает заниматься домом. Но спрашивать я не стал.

На этот раз она улыбнулась открыто. Всего на секунду, прежде чем Софи потянула её за рукав и попросила открыть коробку. Но я успел заметить, насколько сильно менялось её лицо, когда она переставала хмуриться.

И это было совершенно лишней информацией.

— Хорошего вечера, мистер Морган.

— И вам.

Рыжая всё ещё была занозой в заднице. Но, похоже, занозой с чувством юмора.

Хуже всего, что я сам только что над этим смеялся.

Я вернулся к себе с зарядным устройством, которое всё-таки забрал из гаража. Картофель успел подрумяниться. Я поставил сковороду на плиту и занялся мясом.

В какой-то момент поймал себя на том, что улыбаюсь, переворачивая стейк.

— Да что за херня, — сказал я пустой кухне.

Никакого великого события не произошло. Я перенёс коробку. Ребёнок выругался. Женщина покраснела. На этом всё.

Телефон завибрировал. Джек прислал фотографию объявления о складе и вопрос, когда удобно посмотреть. Я ответил, что в субботу после завтрака, если собственник сможет. Потом открыл холодильник, достал соус и обнаружил, что мысленно снова слышу её голос: «Только коробку. Не мои жизненные решения».

Хорошая фраза. Даже слишком хорошая.

Я привык, что люди либо принимают помощь, либо отказываются от неё. Оливия умудрилась сделать и то и другое, причём так, что мне не захотелось спорить. Она обозначила границу, я её не переступил. Всё оказалось до смешного просто.

Я поужинал, вымыл посуду и включил телевизор. Через двадцать минут понял, что понятия не имею, о чём фильм. Выключил его и пошёл спать.

***

На следующий вечер я приехал к родителям на семь минут раньше назначенного времени. Джек уже сидел на кухне и воровал кусочки сыра с разделочной доски.

Мама открыла дверь раньше, чем я успел нажать на звонок.

— Ты без куртки замёрзнешь.

— Мам, я прошёл от машины десять метров.

— И что?

Я поцеловал её в щёку и протянул пакет с кофе, который она просила купить. Из гостиной донёсся голос Финна. Он

сидел на полу возле дивана, окружённый проводами и маленькими пластиковыми деталями.

— Только не наступи, — предупредил он.

— Это что за минное поле?

— Проект.

— Выглядит опасно.

— Спасибо за поддержку.

Отец искал пульт, Джек уже успел открыть холодильник, а мама пыталась выяснить, кто переставил её любимую форму для выпечки. Я снял ботинки и почувствовал знакомое облегчение. Здесь от меня не требовалось быть владельцем мастерской, принимать решения за других или держать лицо перед недовольным клиентом. Здесь я был просто старшим сыном, которому при необходимости могли вручить миску с салатом и отправить накрывать стол.

— Дин, тарелки, — позвала мама.

Вот и пожалуйста.

В семье Морганов тихий ужин считался чем-то вроде снежного человека. Все о нём слышали, но никто не видел.

Отец вернулся с пультом и сел во главе стола.

Мама поставила на стол запечённое мясо, картофель и салат. Я потянулся за тарелкой, но она успела положить мне порцию раньше.

— Мам, я уже ем.

— Это никогда её не останавливало, — заметил Финн.

— И правильно, — сказал отец. — С вами иначе нельзя.

Джек принялся рассказывать, как миссис Уилсон разоблачила его многолетнюю зависимость от мороженого. Мама вспомнила, что в детстве он однажды спрятал в кармане штанов шоколадный батончик и забыл о нём до стирки.

— Мне было семь!

— Девять, — поправил я.

— Ты зачем вообще всё помнишь?

— Чтобы однажды написать книгу.

— Назови её «Как я завидовал младшему брату».

Финн едва не подавился водой.

Потом разговор перешёл на его учёбу. Он объяснял, что датчик в проекте выдаёт неправильные показания, хотя программа, по его словам, написана верно. Отец спросил, нельзя ли просто заменить датчик.

— Пап, я уже заменил два.

— Значит, дело не в датчике, — сказал я.

— Спасибо, Шерлок.

— Проверь питание. И контакты. У нас половина загадочных неисправностей в машинах заканчивается тем, что кто-то плохо затянул соединение.

Финн задумался, отложил вилку и полез за телефоном.

— Нет, — сказала мама. — Сначала ужин.

Он послушно убрал телефон. Я усмехнулся. В этом доме даже технический прогресс должен был ждать, пока все доедят.

Финн засмеялся, а отец покачал головой.

— Тридцать и двадцать пять. А такое ощущение, что я снова должен выяснять, кто засунул лягушку в почтовый ящик миссис Уилсон.

— Это был Джек, — сказал я.

— Предатель! Ты обещал унести эту тайну в могилу.

— Прошло двадцать лет. Срок хранения истёк.

— А я думал, это был ты, — признался отец.

— Пап!

— У тебя тогда было очень подозрительное лицо.

— У него и сейчас такое, — заметил Финн.

Мама смеялась так, что ей пришлось поставить соусник на стол. Я тоже улыбнулся. Джек принялся доказывать, что лягушка сама запрыгнула в ящик, а я всего лишь оказался свидетелем величайшей несправедливости в истории нашей семьи.

***

Разговор о соседке начался, когда мама принесла чай.

— Представляете, говорят, «Чернила и яблони» могут снова открыться.

— Рыжая, — немедленно отозвался Джек.

Мама села напротив меня.

— Её бабушка очень любила тот магазин. Я была бы рада, если бы у Оливии получилось. В центре столько пустых витрин в последнее время.

— У неё ещё дом недоделан, — заметил я.

— Может быть, для неё это важно.

Я пожал плечами.

— Просто два ремонта одновременно — не самое дешёвое удовольствие.

— О, — протянул Джек. — А ты откуда знаешь, как у неё ремонт продвигается?

— Разговаривали вчера.

Он отложил вилку.

— Подожди. Ты разговаривал с ней добровольно?

— Я донёс коробку.

— Какую коробку?

— С мебелью, Джек. Не с ядерным оружием.

— Охренеть. Уже обсуждаете совместное хозяйство.

Я скомкал салфетку и бросил в него. Он поймал её и довольно оскалился.

— Она хотя бы поблагодарила? — спросил Джек.

— Да.

— А ты улыбнулся?

— Джек, — сказала мама.

— Что? Мне интересно, сохранил ли брат способность двигать лицевыми мышцами.

Я потянулся за второй салфеткой. Он предусмотрительно отодвинулся.

— Оливия сама занимается ремонтом? — спросил отец, не отрываясь от пирога.

— Наняла людей. Основное уже сделали.

— Хорошо. Дом давно требовал внимания.

Мама кивнула.

— Её бабушка всегда держала сад в порядке. Помню, приносила мне яблоки для пирогов. Жалко было смотреть, как всё заросло.

Я вспомнил старые деревья за забором. Раньше они казались мне просто препятствием, которое пришлось бы учитывать при строительстве. Теперь под одним из них стояла маленькая коляска, а возле ствола Софи собирала листья. Странно, как быстро меняется назначение вещей, когда у них появляется хозяин.

— Если магазин откроется, я обязательно зайду, — продолжила мама. — Мне надоело ездить за книгами в соседний город.

— Купишь Дину пособие по общению с женщинами, — предложил Джек.

— Тебе куплю словарь, — ответила она. — Чтобы ты наконец выучил слово «молчание».

Отец рассмеялся. Я с удовольствием доел пирог.

— А если серьёзно, — сказала мама, — ты сейчас с кем-нибудь встречаешься?

— Нет.

— Понятно. Просто давно не спрашивала.

— Главное, чтобы следующая не оказалась второй Ванессой.

Я поставил чашку на стол.

— Не начинай.

Улыбка исчезла с его лица. Он отвёл взгляд и тихо произнёс:

— Да. Извини.

— Финн, — спокойно вмешался отец, — ты говорил, тебе для проекта ещё какие-то детали нужны?

Младший брат кивнул и снова заговорил о датчиках. Мама предложила всем пирог. Джек больше не шутил на эту тему.

Одно грёбаное имя. Столько времени прошло, а я всё ещё не хотел слышать его за этим столом.

Особенно за этим столом.

Я не собирался портить всем вечер. Взял чашку, сделал глоток и спросил Финна, когда ему сдавать проект. Он ответил, что через две недели, и показал на телефоне схему. Я внимательно посмотрел, задал пару вопросов. Джек подвинул ко мне сахарницу, хотя прекрасно знал, что я пью чай без сахара. Его неуклюжий способ сказать, что он понял.

— Не надо, — сказал я, возвращая её на место.

Он кивнул.

Мы умели ссориться. Умели посылать друг друга нахуй, спорить из-за работы и делить последнюю порцию картошки так, будто речь шла о наследстве. Но Джек никогда не пытался намеренно сделать мне больно. Сейчас он просто не подумал.

Я не злился на него настолько, насколько могло показаться. Скорее на себя. Мне тридцать лет, у меня собственный

бизнес, дом, семья, и всё равно одно имя способно было испортить вкус хорошего пирога.

Дерьмовое достижение.

Я допил чай и поднялся собирать тарелки.

***

После ужина я помог маме убрать посуду, а потом вышел с отцом в гараж. Он собирался перенести несколько коробок на верхнюю полку и, как выяснилось, уже неделю откладывал это дело.

Мы убрали коробки, сложили старые инструменты и вынесли мусор. Отец остановился у ворот, засунув руки в карманы куртки.

В гараже пахло древесиной и старым машинным маслом. На стене висели инструменты, которыми отец пользовался ещё до того, как я научился отличать отвёртку от стамески. Я снял с полки коробку с надписью «разное».

— Что здесь?

— Разное.

— Очень информативно.

Он заглянул внутрь и вытащил старую игрушечную машинку без колеса.

— Твоя, кажется.

Я узнал красный кузов. Когда-то пытался сделать из неё гоночную, приклеив к крыше кусок пластика. Колесо потерялось в траве, и я целый вечер искал его с фонариком.

— Зачем ты это хранишь?

— Не знаю. Места много не занимает.

Он положил машинку обратно. Я не стал спорить. Отец хранил всякую ерунду, связанную с нами, хотя никогда не признавался, что сентиментален. Мама, наоборот, могла рассказать историю каждой фотографии в доме и заставить нас выслушать её даже в сотый раз.

Мы переставили коробку, проверили крепление полки и закрыли шкаф. Я уже собирался идти обратно, когда отец заговорил.

— Ты в последнее время много работаешь.

— У нас заказов полно.

— Я знаю.

— Тогда в чём проблема?

Он посмотрел на меня. Спокойно, без того выражения, с которым люди обычно собираются давать непрошеные советы.

— Иногда ты работаешь, чтобы ни о чём другом не думать.

Я выдохнул через нос.

— Мне нравится моя работа.

Отец усмехнулся, но не отвёл взгляда.

— Ты не обязан всю жизнь доказывать, что тебе никто не нужен.

Я посмотрел на улицу. Под фонарём медленно кружились сухие листья.

— Пап, у меня всё нормально.

— Хорошо.

Он не ответил сразу. Поднял с верстака тряпку, вытер руки и бросил её в корзину.

— Я не говорю, что тебе обязательно нужно с кем-то встречаться, сын. Мне всё равно, сколько человек живёт в твоём доме. Главное, чтобы ты сам хотел туда возвращаться.

— Хочу.

— Тогда хорошо.

Я посмотрел на него. Он не пытался поймать меня на слове. Не ждал, что я вдруг начну рассказывать о том, о чём не хотел говорить за ужином. Просто стоял рядом.

— Ты сам когда последний раз отдыхал? — спросил я.

— В воскресенье.

— Ты в воскресенье чинил забор.

— Это отдых.

— Вот видишь, от кого я набрался.

Он хмыкнул.

— Не сваливай всё на наследственность.

Я улыбнулся. Разговор мог бы стать неприятным, если бы отец продолжил давить. Но он никогда не считал, что имеет право вытрясти из нас ответы только потому, что мы его дети. Даже когда мы были подростками и совершали откровенные глупости, он предпочитал дождаться, пока мы сами начнём говорить.

И всё. Никаких дополнительных вопросов, никаких попыток вытянуть из меня признания. Он просто хлопнул меня

по плечу и направился к двери.

— Мне хватает вас всех, — сказал я ему вслед.

— Это уж точно.

Я рассмеялся.

Отец умел говорить неприятные вещи так спокойно, что спорить с ним было особенно неудобно. Наверное, профессиональная деформация шерифа.

***

Домой я вернулся поздно. Поставил контейнер в холодильник, снял ботинки и открыл кухонное окно. В доме было душно, а на улице приятно пахло осенью.

За забором горел свет.

— Нет, солнышко, мы не будем класть Заю в стиральную машину!

— Но он грязный!

— Я его завтра постираю. Руками.

Бедный заяц. Опять международный кризис.

Я невольно улыбнулся и тут же поймал себя на этом.

Вчера она стояла возле машины, красная от смущения, и пыталась объяснить дочери, почему нельзя повторять слово «мудак». Сегодня я слушал переговоры о судьбе плюшевого зайца и почему-то не торопился закрывать окно.

Вспомнилось имя, которое Джек произнёс за ужином. Улыбка исчезла сама собой.

Я достал стакан, налил воды и прислонился к столешнице. В доме снова стало тихо. Никаких голосов, кроме приглу-

шённого гула холодильника. Я мог оставить грязную чашку на столе или убрать её, включить музыку или лечь спать. Никому не нужно было объяснять, почему я задержался на работе. Никто не ждал от меня обещаний.

Мне нравилась эта жизнь. Я выстроил её именно такой, какой хотел. И не собирался отказываться от неё ради женщины, которую знал всего несколько недель.

Тем более Оливия не давала ни единого повода думать, что ей вообще нужен мужчина. Она не пыталась задержать меня у двери, не просила номер телефона, не искала предлогов для встречи. Даже когда я предложил помощь, первым её ответом было «спасибо, я справлюсь».

Раньше я принимал это за высокомерие. Теперь уже не был так уверен. Возможно, ей действительно проще сделать всё самой. Возможно, она просто не любит чужого вмешательства. Я, между прочим, прекрасно понимал последнее.

Я поставил стакан в раковину и проверил сообщение от поставщика. Заказ был отправлен. Хорошая новость. Завтра можно будет заняться работой и перестать размышлять о соседке, её мебели и том, почему мне понравилось, как она улыбнулась.

По крайней мере, план звучал разумно.

Нет. Я не собирался снова впускать кого-то в свою жизнь только потому, что у женщины красивые глаза и она умеет ответить на мои подколы. Тем более женщину с двумя детьми. Я понятия не имел, как разговаривать с трёхлетними

девочками, и совершенно не представлял, зачем люди добровольно соглашаются годами не высыпаться.

Когда я покупал этот дом, одним из главных преимуществ была тишина.

Никто не хлопал дверями. Никто не кричал по ночам. Никто не пытался собрать мебель, попутно проклиная её создателя.

А теперь за забором поселилась рыжая катастрофа с двумя детьми, плюшевым зайцем и совершенно отвратительной привычкой заставлять меня улыбаться.

Я закрыл окно и направился к холодильнику.

Нет уж.

Мне не нужны были новые отношения. Не нужны чужие проблемы. И уж точно не нужна женщина, способная одним взглядом заставить меня забыть, что я собирался сказать.

Проблема заключалась в том, что Оливия Хейс совершенно не интересовалась моими планами.

И, кажется, именно это бесило меня больше всего.

Глава 7. Маленькими шагами

ОЛИВИЯ

Я купила книжный магазин.

Пока ещё не совсем. До того момента, когда я смогу произнести эту фразу без мысленного уточнения, оставалось поставить несколько подписей. Но деньги уже были подготовлены к переводу, юрист проверил документы, а результаты осмотра помещения лежали в синей папке на пассажирском сиденье.

За последние две недели я узнала о коммерческой недвижимости больше, чем хотела бы знать за всю свою жизнь. И обнаружила, что словосочетание «небольшой косметический ремонт» обладает удивительной способностью увеличивать любую смету.

— Мамочка, а сегодня мы купим книжки?

— Сегодня мы купим место, где будут книжки.

— А книжки потом?

— Потом.

— А зайчикам тоже можно туда?

— Если они не будут грызть товар.

Софи посмотрела на Заю, сидевшего у неё на коленях.

— Он не грызёт. У него зубов нет.

Весомый аргумент. Хоть с одним будущим посетителем у меня не возникнет проблем.

Я припарковалась возле небольшого офиса, где меня уже ждала риелтор, и проверила содержимое сумки. Документы, телефон, подгузники, салфетки, сменная одежда, бутылка воды, печенье. Если бы мне предложили прямо сейчас отправиться в недельную экспедицию, я, пожалуй, могла бы согласиться. При условии, что экспедиция не потребует ещё одной подписи.

Тео спал. Я осторожно переложила его в коляску, помогла Софи выбраться из машины и взяла её за руку.

В кабинете было тепло и пахло кофе. Риелтор приготовила для меня место у стола, а мужчина, сопровождавший оформление сделки, подвинул стул, чтобы рядом поместилась коляска.

— Доброе утро, мисс Хейс. Готовы?

— Надеюсь.

— Тогда начнём.

Софи придвинулась к моему колену. Мужчина говорил негромко, но довольно быстро, и она внимательно следила за его лицом. Я достала из сумки блокнот и цветные карандаши.

— Нарисуешь мне магазин, пока мама разговаривает?

— А он не будет ругаться, если я тут нарисую?

Мужчина удивлённо поднял голову.

— На бумаге? Конечно, рисуй сколько хочешь.

Софи посмотрела на меня, дождалась кивка и только тогда взяла карандаш.

Я открыла папку.

Мы ещё раз прошлись по условиям передачи помещения, документам и результатам проверки. Я уточнила, какие ключи мне передадут, когда можно переоформлять счета и не осталось ли каких-либо обязательств прежнего владельца, которые могут неожиданно стать моими.

Мне отвечали терпеливо. Даже когда я попросила повторить то, что уже было написано на третьей странице.

В какой-то момент мужчина потянулся за степлером и случайно уронил его на стол. Софи вздрогнула, карандаш оставил длинную синюю черту поперёк нарисованного окна.

— Ох, извини, — сказал он. — Напугал тебя?

Она ничего не ответила, только придвинула лист ближе ко мне.

— Всё хорошо, солнышко.

Я погладила её по плечу и продолжила читать.

Тео проснулся как раз тогда, когда мы добрались до последней части документов. Пришлось попросить небольшой перерыв. Риелтор показала свободный кабинет, где я могла спокойно покормить сына. Софи сидела рядом и рассказывала Зае, что он должен вести себя прилично, потому что мама покупает работу.

Работу. Пожалуй, это было самое точное определение моей сегодняшней покупки.

Когда мы вернулись, я подписала оставшиеся бумаги. Моя подпись к тому моменту начала напоминать кардиограмму

человека, которому сообщили стоимость ремонта.

Но на этот раз я точно знала, под чем ставлю своё имя.

И сама этого хотела.

После подтверждения завершения сделки передо мной положили связку ключей.

— Поздравляю, Оливия.

Я посмотрела на них.

— Спасибо.

— Мам, теперь можно идти в наш магазин?

Наш.

Я взяла ключи и улыбнулась.

— Теперь можно.

***

На улице я несколько секунд стояла возле машины, не обращая внимания на холодный ветер. В ладони лежали три ключа с потёртыми пластиковыми бирками. Один от главного входа, другой от задней двери, третий от подсобного помещения.

Ничего особенного. Просто металл.

А мне хотелось смеяться и плакать одновременно.

До магазина мы дошли пешком. Софи несла Заю под мышкой, перепрыгивала через трещины на тротуаре и периодически проверяла, не потерялся ли её брат в коляске.

Я остановилась перед витриной. На стекле всё ещё оставались следы старых объявлений, а вывеска над дверью выцвела настолько, что некоторые буквы приходилось угадывать.

«Чернила и яблони».

Я вставила ключ в замок. Он повернулся с небольшим усилием, дверь открылась, и знакомый запах старой бумаги смешался с прохладным воздухом улицы.

— Мам, тут темно.

— Сейчас исправим.

Я включила свет. Несколько ламп загорелись, остальные решили сохранить верность многолетнему отпуску.

В детстве я любила приходить сюда сразу после завтрака. Бабушка никогда не торопила меня. Могла стоять возле полки с кулинарными книгами, пока я выбирала между двумя историями о лошадях, а потом покупала обе, потому что я никак не могла решить, какая нравится больше.

Однажды я просидела здесь почти час, читая первые страницы книги о девочке, которая нашла в лесу дракона. Бабушка принесла мне яблоко и сказала, что драконам тоже нужно иногда давать отдохнуть.

Я тогда возмутилась. Дракон ведь ещё даже не появился.

Господи, как же мне хотелось сейчас ей позвонить.

— Мамочка, а где моё место?

Я моргнула и посмотрела на дочь.

— Вот там, возле окна. Видишь свободный угол?

— Там будет ковёр?

— Будет.

— И столик?

— Да.

— И Зая?

— Без него, боюсь, нам не дадут разрешение на открытие.

Она удовлетворённо кивнула.

Я поставила коляску рядом с собой, подальше от старых стеллажей, и достала телефон. Сделала несколько фотографий помещения. Не для социальных сетей. Для себя. Хотелось однажды посмотреть на них и вспомнить, с чего всё начиналось.

— А бабушка сюда приходила? — спросила Софи.

— Очень часто. Она меня сюда приводила.

— А теперь ты меня?

Я присела перед ней.

— Теперь я тебя.

Она обняла меня за шею, и я на несколько секунд закрыла глаза.

Бабушка, я купила его. Представляешь?

Тот самый магазин.

***

— Неужели всё получилось?

Я обернулась на голос Норы. Она стояла у открытой двери в светлом пальто, с сумкой через плечо и таким счастливым выражением лица, словно ключи сегодня получила она сама.

— Получилось.

— Оливия, дорогая!

Она подошла ближе, но остановилась, прежде чем обнять меня. Я сама сделала шаг навстречу.

— Поздравляю тебя. Как же я рада.

— Спасибо. Пока радоваться рано. Посмотрите на потолок.

— Потолок переживёт. Главное, что здесь снова кто-то будет продавать книги.

Нора сняла пальто, оглядела зал и медленно провела рукой по краю прилавка.

— Здесь раньше стояла касса. А за ней был маленький шкафчик, в котором мы держали заказы покупателей. Некоторые приходили каждую пятницу, даже если ничего не собирались покупать.

— Просто поговорить?

— Именно. Иногда разговор заканчивался покупкой трёх книг. Иногда чашкой чая.

Она показала мне несколько мест, которые я до этого не рассматривала особенно внимательно. У дальней стены раньше стояли новинки, возле входа — открытки и небольшие подарки. Высокий стеллаж посреди зала мешал видеть посетителей от кассы.

— А поставщики? — спросила я. — Вы помните, с кем работали?

— Некоторых. Но прошло время, нужно проверить, кто ещё занимается доставкой сюда. И условия наверняка изменились.

Я открыла блокнот. Нора продиктовала несколько названий, объяснила, почему не стоит сразу закупать слишком

много одинаковых экземпляров, и вспомнила покупателей, которые постоянно спрашивали детские энциклопедии.

Софи слушала нас с серьёзным видом, пока не выяснила, что энциклопедия — это не имя собаки.

— Если понадобится помощь, я с удовольствием вернусь сюда, — сказала Нора.

Я отложила ручку.

— А если не просто помощь? Вы бы хотели снова здесь работать?

Она посмотрела на меня.

— Ты серьёзно?

— Вполне. Я собиралась искать сотрудника. Мне нужен человек, который понимает, как устроен книжный магазин. И, желательно, не падает в обморок при виде таблицы с остатками товара.

— С таблицами я справлюсь. А ты уверена, что тебе уже нужен сотрудник? До открытия ещё далеко.

— Именно поэтому. Нужно связаться с поставщиками, подобрать ассортимент, разобраться с заказами. Я могу научиться всему сама, но подозреваю, что к тому моменту Тео уже поступит в колледж.

Нора рассмеялась.

Мы устроились за старым столом, предварительно протерев его салфетками. Я объяснила, что готова оплачивать работу уже на этапе подготовки. Обсудили примерный график, обязанности и оформление. После открытия часы ра-

боты могли измениться, но об этом договоримся заранее.

— А если я не соглашусь с твоим выбором книг? — спросила она.

— Тогда объясните почему. Я не собираюсь платить вам за то, чтобы вы со мной соглашались.

— Хороший ответ.

— Только окончательные решения по бюджету всё-таки за мной.

— Разумеется. Это твой магазин.

Она задумалась, потом протянула мне руку через стол.

— Ну что, начальница, договорились?

Я пожала её ладонь.

— Договорились.

У меня появился сотрудник. У меня. У женщины, которая сегодня утром искала телефон, разговаривая по нему.

— Твоя бабушка гордилась бы тобой, Оливия.

Я опустила взгляд на блокнот. Чёрт. Только не плакать.

— Спасибо, Нора.

— А я тоже тут работаю? — вмешалась Софи.

— У тебя пока испытательный срок, — ответила я.

— А у Заи?

— У него бессрочный контракт.

***

На следующий день мы приехали в магазин после завтрака. Я привезла рулетку, блокнот, образцы цветов и складной коврик, который можно было расстелить в очищенной части

зала. Тео лежал в коляске рядом со мной, а Софи с увлечением рисовала будущий интерьер.

Судя по её эскизу, половину помещения занимал розовый заяц.

— Солнышко, а где будут книги?

— У него в животике.

— Понятно. Концептуальное решение.

Я измерила стены, отметила дверные проёмы и принялась рисовать план. Хотелось оставить достаточно свободного пространства, чтобы между полками могли спокойно проходить люди с колясками. Возле витрины разместить пару кресел и небольшой столик. Не огромную кофейню, не библиотеку на сто человек, а место, где можно присесть и решить, хочется ли забрать историю домой.

Для детского уголка я выбрала часть зала, которую хорошо видно от прилавка. Низкие полки, закреплённые к стенам, мягкий ковёр, столик для рисования. Никаких острых углов и тяжёлых вещей, которые трёхлетний человек способен превратить в орудие разрушения.

— Тут будет розовый ковёр? — спросила Софи.

— Возможно.

— А если зелёный, Зая подумает, что это травка.

— Тогда зелёный тоже рассмотрим.

В бывшей кладовой я долго стояла с рулеткой. Помещение было небольшим, но при грамотной организации здесь вполне могло хватить места для кресла, пеленального столи-

ка и отдельной кроватки Тео. Нужно было проверить вентиляцию, отопление и освещение, убрать старые полки, сделать нормальную отделку. Я записала всё это для подрядчика.

Мне не хотелось каждый раз искать укромное место, когда сын проголодается. Или кормить его между коробками с книгами, одновременно пытаясь объяснить покупателю, где находится раздел детективов.

Нора заглянула в дверной проём.

— Что задумала?

— Комнату для Тео. Если специалисты подтвердят, что её можно нормально переоборудовать.

— Удобно. И тебе будет где спокойно посидеть с ним.

— Вот именно.

Я хотела книжный магазин, а не филиал детского сада. Но если мой бизнес не способен пережить трёхлетнего человека с фломастером, у него явно проблемы с бизнес-моделью.

Мы начали сортировать оставшиеся вещи. Старые рекламные материалы отправились в одну коробку, пригодные держатели для ценников — в другую. Нора обнаружила целую пачку закладок с прежней вывеской магазина.

— Смотри, какие красивые.

На плотной бумаге были нарисованы яблоневые ветки и раскрытая книга.

— Оставим. Может, пригодятся для новой партии.

Я хотела сохранить название и часть прежнего характера магазина, но сделать его светлее. Тёплые оттенки стен, дере-

во, мягкий свет. Не стерильное белое помещение, в котором страшно прикоснуться к полке, а уютное место, где хочется задержаться.

Наклонившись за коробкой с бумагами, я почувствовала знакомую тянущую боль внизу живота.

Чёрт.

Я выпрямилась и несколько секунд стояла неподвижно, опираясь ладонью о стол.

— Оливия? — Нора подняла голову.

— Всё нормально. Просто резко наклонилась.

— Давай передохнём.

— Я только закончу список.

— Список прекрасно переживёт чашку чая.

Я посмотрела на коробку. Потом на стул.

Ладно. На этот раз стул победил.

Пока Нора разбирала бумаги, я села рядом с коляской и открыла переписку с подрядчиком. Тяжёлый демонтаж и вывоз старой мебели предстояло поручить рабочим. В дни, когда они будут заниматься пыльными работами, мы с детьми сюда не приедем. Заказы и документы прекрасно можно было оформлять из дома.

Тео открыл глаза, увидел меня и расплылся в улыбке.

— О, наконец-то начальство проснулось.

Он загулил.

— Да, я тоже считаю, что смета завышена.

***

Итан появился ближе к полудню. Я заметила его за витриной, когда он остановился прочитать прикреплённую к двери бумажку о подготовке к открытию.

— Значит, слухи не врут? — спросил он, заглянув внутрь.

— Смотря какие.

— Что у книжного магазина появилась новая хозяйка.

— Эти не врут.

— Поздравляю!

Софи выглянула из-за стола.

— А ты тот дядя с книжкой.

— Именно. И сегодня я даже ничего не уронил.

— Пока, — уточнила она.

Итан рассмеялся. Я тоже улыбнулась.

— У вас уже есть планы на открытие? — спросил он.

— Есть планы на ремонт. Открытие пока находится в категории прекрасных далёких перспектив.

— Если захотите, можно будет устроить здесь чтения для школьников. У нас не так много мест, где дети могут собраться вне уроков и обсудить что-нибудь интересное.

— Какого возраста?

Мы разговорились о книгах для младших школьников, о небольших встречах и о том, как заинтересовать ребёнка историей, не превращая чтение в очередное домашнее задание. Итан предложил составить список произведений, которые нравятся его ученикам.

— Только никаких мероприятий без предварительной до-

говорённости со школой, — добавил он. — Но идеи можно обсудить уже сейчас.

— С удовольствием. Если ваши ученики не будут проверять стеллажи на прочность.

— Постараюсь договориться с ними.

— А про зайцев будет? — спросила Софи.

— Это обязательное условие?

— Да.

— У нас строгий совет директоров, — объяснила я.

Итан наклонился, чтобы посмотреть на её рисунок, но Софи быстро придвинула лист к себе.

— Можно посмотреть? — спросил он.

Она подумала и повернула блокнот в его сторону.

— Это магазин. А это Зая.

— Очень большой Зая.

— Он главный.

— Тогда всё понятно.

В этот момент на улице кто-то громко окликнул знакомого. Софи тут же посмотрела на дверь, потом на Итана.

— Ты тоже так громко говоришь в школе?

— Иногда, когда на перемене очень шумно. А обычно нет.

— А когда дети плохо делают?

— Мы разговариваем и разбираемся, что случилось.

Она помолчала.

— И всё?

— И всё.

Софи вернулась к рисунку. Я поправила край её кофты и предложила Итану прислать список книг на рабочую почту магазина.

С ним было удивительно просто разговаривать. Он не пытался заполнить каждую паузу вопросами о моей жизни. Мы обсуждали книги. Какое приятное изобретение — разговоры о книгах.

Перед уходом он пожелал нам удачи и пообещал заглянуть, когда появятся новости об открытии.

***

Мэри пришла с бумажным пакетом, от которого пахло корицей так сильно, что мой желудок немедленно объявил о своём существовании.

— Ну, хозяйка, принимай поздравления!

— Мэри! Здравствуйте.

— Привет, Нора. А где мои маленькие знакомые?

Софи подняла руку, словно находилась на уроке.

— Я тут!

— Вижу. А это тебе, Оливия.

Она поставила пакет на стол. Внутри оказались булочки, несколько небольших пирожков и печенье.

Я машинально потянулась к сумке.

— Сколько я вам должна?

— Нисколько.

— Но здесь столько всего…

— Это подарок. В честь покупки.

Я остановилась с кошельком в руке.

— Правда, не стоило.

— Оливия, дай мне хотя бы один раз подарить человеку булочки без бухгалтерского отчёта.

Нора засмеялась.

— Не спорь с ней. Я пробовала. Бесполезно.

Я убрала кошелёк.

— Спасибо большое.

— Вот и прекрасно. Показывай, что задумала.

Мы разделили выпечку, и я развернула перед Мэри свой план. Софи тут же указала на место будущего ковра, не забыв сообщить, что окончательный цвет ещё не утверждён.

— А как ты собираешься работать с двумя малышами? — спросила Мэри.

Я показала ей бывшую кладовую.

— Здесь хочу сделать комнату для Тео. Кроватка, кресло для кормления, место для переодевания. Софи сможет играть в детском уголке, пока я работаю рядом. А Нора будет заниматься покупателями, когда мне нужно кормить сына. Конечно, придётся подстраивать график. Посмотрим, как всё получится на практике.

— Ты уже всё продумала?

— Почти. Осталось добавить в сутки часов восемь.

— Если найдёшь способ, обязательно расскажи мне.

Мэри отломила кусочек булочки.

— Когда мальчики были маленькими, я тоже пыталась

составлять расписание. Особенно когда родился Финн. Дин уже считал себя взрослым, Джек считал, что всё на свете можно разобрать, а Финн считал, что спать по ночам совершенно необязательно.

— Финн? — переспросила я. — У вас трое сыновей?

— Да. Финн — младший. Ему девятнадцать, сейчас учится. Поэтому в городе ты его не так часто встретишь.

— А я думала, что у вас только Дин и Джек.

— О нет, судьба решила испытать моё терпение трижды.

Я усмехнулась.

— И как, успешно?

— Учитывая, что все трое дожили до совершеннолетия, полагаю, я неплохо справилась.

— Впечатляет. Я пока пытаюсь пережить первые три месяца с двумя.

Мэри рассмеялась.

— Однажды Джек высыпал целый пакет муки на кухонный пол. Сказал, что хотел сделать снег. Дин потом пытался убрать его веником, и снег оказался даже в коридоре.

Я рассмеялась.

— А вы что сделали?

— Сначала постояла и подумала, зачем вообще рожала детей. Потом дала им тряпки. Мы убирали всё вместе.

Софи перестала жевать.

— А дядя Дин тоже был маленький?

— Конечно. И тоже делал глупости.

— А он сердился?

— Бывало. Все иногда сердятся, милая.

— А на маму?

Мэри чуть удивлённо посмотрела на неё.

— На меня? Иногда мы спорили. Но потом мирились.

— И ты его не боялась?

Улыбка Мэри на мгновение дрогнула.

— Нет, солнышко. Конечно, нет.

Софи кивнула, словно получила важную информацию, и принялась отщипывать от печенья крошечные кусочки.

Я опустила взгляд на свою чашку. Почему-то кофе внезапно показался мне горьким.

— Главное, не пытайся сделать всё за один день, — продолжила Мэри, обращаясь ко мне. — Я долго училась переносить дела на завтра. И ничего, пекарня до сих пор стоит.

Мне понравилось, что она не сказала, будто я не справлюсь. И не стала уверять, что всё обязательно будет легко. Она просто выслушала мой план.

Когда Мэри ушла, я ещё некоторое время смотрела на оставшиеся булочки.

Просто так.

Два слова, с которыми у меня, похоже, были довольно сложные отношения.

***

К вечеру мой список дел состоял из двадцати семи пунктов. Тео, очевидно, считал, что все двадцать семь должны

называться его именем.

Дома я успела переодеть сына, покормить его и поставить вариться макароны, прежде чем телефон зазвонил в третий раз. Подрядчик уточнял время осмотра кладовой. Я договорилась о встрече, положила телефон на стол и обнаружила, что Софи пытается самостоятельно налить себе сок.

— Подожди, я помогу…

Поздно. Стакан опрокинулся, оранжевая лужа растеклась по столу и закапала на пол. Софи застыла. Даже руки не убрала.

— Мамочка, я нечаянно.

— Я знаю, солнышко.

— Я не хотела.

— Ничего страшного. Это просто сок.

Я взяла салфетки и протянула ей несколько.

— Давай вытрем вместе?

Софи кивнула и потянулась за салфетками.

— Мамочка, а сок тоже хотел пить?

— Почему ты так решила?

— Он весь вылился на стол. Может, стол хотел пить?

Я невольно улыбнулась.

— Боюсь, стол предпочитает воду.

— А сок ему не нравится?

— Судя по липким пятнам, у них довольно сложные отношения.

Софи захихикала.

Мы вместе вытерли стол. Дочка с важным видом отнесла мокрые салфетки в мусорное ведро, а я налила ей немного сока в другой стакан.

— Только теперь держи двумя ручками, хорошо?

— Я уже большая, мамочка.

— Именно поэтому доверяю тебе такую ответственную миссию.

Она осторожно взяла стакан обеими руками.

Тео недовольно завозился в кроватке. Я проверила подгузник, взяла его на руки и осторожно покачала. Он поджал ножки, покраснел и заплакал. Последние вечера животик беспокоил его всё чаще.

— Ну что же ты, мой хороший…

Я походила по кухне, тихонько напевая. Софи принесла Заю и предложила брату посмотреть на его уши.

— Он не плачет, Тео. Смотри.

Тео не оценил педагогический подход сестры.

Я почувствовала, как снова потянуло живот, и села. Уборка подождёт. Макароны, надеюсь, тоже.

— Мам, тебе принести водичку?

— Спасибо, милая. Я сама возьму, когда Тео успокоится.

Она устроилась рядом, прижавшись плечом к моему боку. Через несколько минут сын затих, и мы наконец смогли поужинать.

***

После ужина я накинула кардиган и вышла с Тео во двор

через боковую дверь. Софи пошла следом, собирая листья возле дорожки. Воздух был прохладным, пахло влажной землёй и яблоками, которые я всё никак не успевала собрать.

За забором Дин возился возле своего пикапа. Рукава тёмной футболки открывали татуированные предплечья. Я совершенно случайно задержала на них взгляд.

Совершенно случайно. Разумеется.

Он заметил меня и выпрямился.

— Слышал, вы купили ещё одно разваливающееся здание.

У Моргана был удивительный дар поздравлять людей так, будто он сообщал им результаты неудачной диагностики двигателя.

— Коллекционирую. Хотите подарить мне третье?

— Вы вообще умеете выбирать что-нибудь без необходимости капитального ремонта?

— Мужчин, например, я пока вообще не выбираю.

Он замолчал. Посмотрел на меня, потом на тряпку в своей руке.

— Разумно, — наконец произнёс он.

— Рада получить ваше одобрение.

— Не привыкайте.

Я усмехнулась. Софи подошла к забору, держа в руках два листа.

— Дядя Дин, какой красивее?

Он посмотрел на её ладони.

— Этот. Красный.

— А мама сказала, что жёлтый.

— Значит, у нас разные мнения.

Она нахмурилась.

— А ты не будешь сердиться на маму?

Дин на секунду перестал вытирать руки.

— Из-за листа? Нет.

— А если она не согласна?

— Всё равно нет.

Софи внимательно посмотрела на него, потом протянула мне жёлтый лист.

— Тогда этот тебе.

Я взяла его и поцеловала дочь в макушку.

— Спасибо, солнышко.

Дин положил тряпку на край верстака.

— Когда открываетесь?

— Пока не знаю. Сначала ремонт, потом мебель, поставки, оформление. Надеюсь, не к пенсии.

— А почему именно книжный?

Я удивилась вопросу. Обычно Морган ограничивался замечаниями о состоянии моих зданий.

— Потому что продавать автомобили вы мне уже не позволите. Конкуренция и всё такое.

— Ужасная потеря для отрасли.

Я посмотрела на Тео. Он сонно моргал, прижавшись щекой к моему плечу.

— Бабушка водила меня туда. Каждое лето, когда я приез-

жала в Брайарвуд. Я могла часами выбирать книги, а она никогда меня не торопила. Когда увидела, что магазин закрыт, стало… странно. Будто ещё одного места из моего детства больше нет.

Дин не перебивал.

— Мне хотелось бы, чтобы у Софи тоже было такое место, — продолжила я. — Куда можно прийти просто потому, что тебе там хорошо.

— Понятно.

Я ожидала какого-нибудь замечания о рентабельности или о том, что воспоминания не оплачивают счета. Но он ничего подобного не сказал.

— А вы всегда хотели чинить машины? — спросила я.

— Мне нравится, когда понятно, что сломалось и как это исправить.

— Завидую. В моей работе пока понятно только то, что сломалось.

— Уже неплохо.

— И что исправление стоит денег.

— Добро пожаловать в бизнес, Хейс.

Я рассмеялась.

— Вам нравится работать с братом?

— Когда он молчит.

— То есть никогда?

Уголок его рта дёрнулся.

— Примерно так.

Он помолчал, потом добавил:

— На самом деле Джек хороший механик. Мы нормально работаем вместе.

Мне понравилось, что он сказал это без всякой показной сентиментальности. Просто констатировал факт.

Тео начал беспокойно двигать головой, и я поправила его на руках.

— Нам пора. Спасибо за… разговор.

— Не за что.

Софи помахала ему листом.

— Пока, дядя Дин!

— Бывай, мелкая.

Она нахмурилась.

— Я не мелкая. Мне уже три!

— Охренеть, какая взрослая.

— Морган! — возмутилась я.

— Что? Я впечатлён.

Софи довольно улыбнулась, а я закатила глаза.

Я повела дочь к боковой двери. Уже на пороге оглянулась. Дин вернулся к пикапу, словно ничего особенного не произошло.

Наверное, ничего особенного и не произошло.

Просто мы впервые поговорили не о сломанной машине, мебели или состоянии моего дома.

И, к моему удивлению, мне понравилось.

***

Когда Софи уснула, а Тео после очередного кормления наконец удалось переложить в кроватку, я устроилась на кухне с ноутбуком. Нора прислала несколько контактов поставщиков и сообщение о том, что местная газета заинтересовалась возрождением магазина.

Я обрадовалась. Бесплатная реклама перед открытием — именно то, что нужно человеку, который уже успел потратить неприличное количество денег и пока не заработал ни доллара.

Следом пришло письмо от редакции. Они хотели подготовить небольшой материал о будущем магазина, рассказать о его истории и новой владелице.

Я дочитала до просьбы прислать фотографию и указать полное имя.

Улыбка исчезла.

Я перечитала письмо. Потом ещё раз.

Ничего необычного. Обычная просьба журналиста. В маленьком городе людям интересно, кто открывает новый бизнес. Я сама понимала, насколько полезной могла оказаться такая публикация.

Пальцы почему-то стали холодными.

Я открыла ответ, написала несколько предложений, стёрла их. Попробовала снова.

«Спасибо за интерес к магазину. Буду рада рассказать о проекте и предоставить фотографии помещения. Прошу не публиковать моё полное имя и личные фотографии».

Я перечитала текст. Вежливо. Никаких лишних объяснений.

Отправила.

На экране осталась фотография пустого зала, которую я сделала вчера. Старые полки, потёртый пол, солнечный свет на стекле. Место, которому я собиралась вернуть жизнь.

Я закрыла ноутбук и прислушалась к тишине дома.

Я хотела, чтобы люди узнали о моём магазине.

Но совершенно не хотела, чтобы они узнали обо мне.

Особенно некоторые люди.

Глава 8. Мне совершенно всё равно

ДИН

Утро началось с холодного кофе, двух новых заказов и новости о том, что мой брат внезапно заинтересовался литературой.

Последнее выглядело наиболее подозрительно.

— Думаю, пора начать читать, — сообщил Джек, усаживаясь напротив меня.

Я оторвался от заказ-наряда.

— Ты заболел?

— Хочу поддержать местный бизнес.

— У местного бизнеса рыжие волосы и зелёные глаза?

— Какое удивительное совпадение.

Он потянулся за моим кофе. Я переставил кружку на другую сторону стола.

— Ты когда последний раз книгу открывал?

— Ради красивой женщины я готов развиваться интеллектуально.

— Тебе придётся начать с алфавита.

— Вот поэтому у тебя и нет девушки. Ты совершенно не умеешь поддерживать чужие начинания.

— Зато прекрасно умею распределять работу. Серый седан на втором подъёмнике твой. Клиент жалуется на вибрацию при торможении. Сначала диагностика, потом звоним

ему и согласовываем стоимость.

— А ты?

— А я буду делать всё остальное, пока ты учишь буквы.

Джек показал мне средний палец и ушёл в бокс.

Я допил кофе. Он был отвратительным даже по меркам нашей мастерской, но идти за новым пока не имело смысла. На столе лежали счета, в почте ждали подтверждения от поставщиков, а один из клиентов ещё вчера обещал забрать машину и, судя по всему, решил начать новую жизнь без неё.

Работа была вполне обычной. Именно такие дни мне и нравились. Никаких сюрпризов, которые нельзя устранить с помощью инструментов, телефона и некоторого количества ненормативной лексики.

Через полчаса Джек позвал меня к подъёмнику. Мы проверили результаты измерений, обсудили состояние тормозных дисков и составили смету. Он сам связался с владельцем, объяснил, что обнаружил, и дождался согласия на замену.

Мне не приходилось стоять у него над душой. Как бы сильно младший брат ни испытывал моё терпение за пределами работы, здесь я доверял ему безоговорочно.

— Поставщик обещает привезти всё после обеда, — сказал он, убирая телефон. — Если не соврёт, к вечеру закончим.

— Хорошо. Проверь ещё направляющие.

— Уже.

— Тогда почему ты до сих пор стоишь здесь?
— Наслаждаюсь твоим обществом.
— Найди себе другое развлечение.
— Книжный магазин, например?
Я молча указал на подъёмник.
Этот придурок рассмеялся.
***

Ближе к полудню мне пришлось съездить в центр за расходниками. На обратном пути я остановился на светофоре и машинально посмотрел в сторону книжного магазина.

За стеклом теперь было светло. Исчезла старая табличка о закрытии, возле двери стояли аккуратно сложенные коробки, а на витрине появился лист с сообщением о скором открытии.

Хейс стояла у стеллажа в джинсах и светлой футболке. Волосы она собрала на затылке, но несколько длинных рыжих прядей выбились и падали на лицо. Нора что-то показывала ей на листе бумаги. Оливия отложила книгу, взяла карандаш и сделала пометку.

Рядом за столиком сидела Софи. Я заметил коляску, стоявшую практически вплотную к матери.

Светофор переключился, и я поехал дальше.

Когда мы впервые встретились, я решил, что рыжая из тех женщин, которые покупают дорогую машину, понятия не имеют, как она устроена, и считают, что окружающие обязаны решать все их проблемы.

Машина действительно была дорогой. На этом, пожалуй, список моих удачных наблюдений заканчивался.

За последние недели я видел, как она разгружала коробки, собирала мебель, разговаривала с подрядчиками и одновременно умудрялась отвечать на бесконечные вопросы дочери. Теперь она купила магазин и, вместо того чтобы сидеть дома и выбирать цвет стен по телефону, сама разбирала старые книги.

Для избалованной принцессы она подозрительно много работала.

Возможно, я ошибся.

Неприятная, блядь, возможность.

Я припарковался возле пекарни. Кофе всё-таки требовался, а покупать его в другом месте означало рисковать тем, что мать узнает об этом раньше, чем я успею допить.

— Ты обедал? — спросила она вместо приветствия.

— Привет, мам.

— Привет. Обедал?

— Собираюсь.

Она достала бумажный пакет.

— Тогда возьми сэндвичи. Один Джеку.

— Мы способны сами купить еду.

— Я знаю. Два кофе?

Спорить с ней было бесполезно. Я расплатился, несмотря на её недовольный взгляд, и забрал пакет.

— Как там Финн?

— Вчера звонил. Сказал, что проект заработал. Просил передать тебе спасибо.

— Отлично.

— А ты сам как?

— Работаю.

— Это я вижу. Я спрашиваю, как ты.

— Нормально, мам.

Она посмотрела на меня с выражением, которое я прекрасно помнил с детства. Обычно после него следовало что-нибудь вроде «не забудь, что я тебя родила и прекрасно знаю, когда ты врёшь». Но сегодня за моей спиной звякнул колокольчик, вошли покупатели, и мне удалось избежать дальнейшего обследования душевного состояния.

— Увидимся, — сказал я.

— Передай Джеку, чтобы не ел оба сэндвича.

— Передам. Гарантий не даю.

Я вышел на улицу и услышал смех. Женский. Знакомый.

Оливия стояла возле книжного магазина, придерживая ручку коляски. Рядом с ней был Итан.

Я знал его много лет. Местный учитель, двадцать восемь лет, вполне приличный человек. Иногда мы пересекались в пекарне, на городских мероприятиях, пару раз разговаривали о машинах. Не друзья, но в Брайарвуде для того, чтобы знать человека, совершенно необязательно дружить с ним.

— Привет, Дин! — окликнул он меня.

Пришлось остановиться.

— Итан.

— Как мастерская?

— Нормально.

Хейс посмотрела сначала на него, потом на меня.

— Вы знакомы?

— Брайарвуд, Хейс. Здесь сложнее найти человека, с которым ты не знаком.

— Я начинаю это подозревать.

Итан улыбнулся.

— Подожди ещё пару месяцев. Будешь знать, кто из соседей покупает хлеб по четвергам и у кого сломалась стиральная машина.

— Ужасно, — сказала она. — Придётся вести записи.

Он рассмеялся. Она тоже.

Мне внезапно захотелось уйти.

Итан присел, чтобы поздороваться с Софи, но не стал приближаться, когда девочка прижалась к ноге матери.

— Помнишь, мы говорили про книжки с зайцами?

Софи кивнула.

— Я нашёл несколько. Принесу, когда мама скажет, что можно.

— А большие?

— Есть одна с очень большим зайцем.

Девочка посмотрела на Оливию, и та улыбнулась.

— Будем рады. Спасибо, Итан.

Будем рады.

Замечательно.

Я знал Итана много лет. Нормальный мужик. Вежливый, образованный, улыбчивый. Даже придраться не к чему.

Бесил, сука, невероятно.

— Не буду мешать, — сказал я.

— Хорошего дня, Морган, — отозвалась Оливия.

— И вам.

Я дошёл до машины, поставил кофе в подстаканник и захлопнул дверь. Не настолько сильно, чтобы повредить её, но достаточно, чтобы самому заметить.

Какого хрена?

***

— Ты чего такой довольный? — поинтересовался Джек, когда я поставил перед ним пакет.

— Ешь.

— Спасибо, любимый брат. А кофе где?

Я протянул стакан.

— Здесь.

— Охренеть. Даже не забыл. Что случилось?

— Ничего.

— У тебя лицо такое, будто тебе продали двигатель без половины деталей.

— У меня обычное лицо.

— Нет. Обычное у тебя немного менее трагичное.

Я развернул сэндвич.

— Запчасти привезли?

— Через час будут. Кто тебя обидел?

— Никто.

— Мама?

— Нет.

— Клиент?

— Джек.

— Рыжая?

Я поднял глаза.

— С чего ты вообще взял?

— О, значит, рыжая.

— Я просто встретил её в центре. Она разговаривала с Итаном. Всё.

Джек перестал жевать.

— С учителем?

— У нас есть другой Итан?

— А-а-а.

— Что «а-а-а»?

Он медленно положил сэндвич на упаковку.

— Ты ревнуешь?

— К кому?

— Я даже имени не назвал.

— Джек, блядь.

— Какой убедительный аргумент.

Я мог бы уволить Джека. Если бы этот придурок не был моим братом, совладельцем и, к сожалению, охренительно хорошим механиком.

— Я не ревную женщину, с которой у меня ничего нет.

— А хотел бы, чтобы было?

— Хотел бы спокойно пообедать.

— Это не ответ.

— Это предупреждение.

Зазвонил телефон мастерской. Джек поднялся, всё ещё ухмыляясь, и пошёл к стойке. Я был готов лично поблагодарить человека на другом конце провода.

Оставшуюся часть дня мы провели за работой. Получили детали, закончили седан, проверили результат и передали машину владельцу. К закрытию у меня ныла спина, руки пахли металлом, а мысли наконец занимали вещи, которые действительно требовали моего внимания.

По крайней мере, до того момента, когда я свернул на свою улицу.

***

Софи сидела на корточках возле забора и собирала листья. Оливия стояла неподалёку с Тео на руках. На земле лежал плюшевый заяц, которому, судя по его состоянию, предстояла непростая встреча со стиральной машиной.

Я заглушил пикап, забрал сумку и направился к дому.

— Дядя Дин!

Пришлось остановиться.

— Привет.

— Смотри, какой большой!

Она подняла лист, почти закрывавший её ладонь.

— Вижу.

— Он больше Заиной головы.

— Серьёзное достижение.

Софи потянулась за другим листом, и заяц соскользнул с её колен на мою сторону дорожки. Я поднял игрушку и протянул девочке.

Она сначала посмотрела на Оливию и только после её лёгкого кивка забрала зайца.

— Спасибо.

Оливия улыбнулась.

— У нас сегодня важная экспедиция. Нужно собрать все красивые листья в Брайарвуде.

— Удачи. Их примерно несколько миллионов.

— Не говорите ей. Она воспримет это как вызов.

Тео повернул голову в мою сторону. Я заметил, что за прошедшие недели он значительно вырос. Волосы всё так же торчали рыжими вихрами, а глаза внимательно следили за движением моей руки.

Я потянулся за листом, прилипшим к рукаву Оливии, и в этот момент маленькие пальцы неожиданно сомкнулись вокруг моего указательного.

Я замер.

— Он всегда такой хваткий?

— Нет. Обычно он ещё пытается засунуть добычу в рот.

— Обнадёживает.

Тео сморщил нос, широко открыл рот и улыбнулся. Без-

зубо, совершенно бессовестно и, похоже, весьма довольный собой.

Удивительно, сколько силы оказалось в этой крошечной ладони. Я мог освободить палец в любую секунду.

Но почему-то не торопился.

— Ему нравятся ваши татуировки, — сказала Оливия.

— Надеюсь, это не наследственное.

— Что именно?

— Желание хватать незнакомых людей.

— Вы уже не совсем незнакомый.

Она произнесла это так буднично, что я не сразу нашёлся с ответом. Тео разжал пальцы, и я опустил руку.

Софи поднялась с корточек и подошла ближе к матери.

— А у тебя есть собака? — спросила она.

— Нет.

— Кошка?

— Нет.

— А рыбки?

— Тоже нет.

Она нахмурилась.

— А дети?

— Нет.

— А жена?

Я посмотрел на Оливию. Та подозрительно внимательно изучала макушку сына.

— Нет, мелкая.

— А с кем ты живёшь?

— Сам с собой.

— А тебе не скучно?

— До недавнего времени было прекрасно.

Оливия фыркнула.

— А кто тебе сказки читает? — продолжала девочка.

— Никто.

— А кто тебя укладывает спать?

— Я сам справляюсь.

— А кто тебя целует перед сном?

Господи Иисусе.

— У вас ребёнок или сотрудник федерального бюро расследований? — спросил я у Хейс.

— Она ещё не закончила. Подождите, пока спросит, сколько вы зарабатываете.

— А сколько? — немедленно поинтересовалась Софи.

Оливия рассмеялась.

— Хейс, вы издеваетесь? — проворчал я.

Софи вдруг перестала улыбаться.

Она придвинулась к матери и ухватилась за край её футболки.

— Мамочка?

— Что, солнышко?

Девочка ничего не ответила. Только посмотрела на меня, а затем снова на Оливию.

— Софи, мы с дядей Дином шутим, — спокойно произ-

несла Хейс, погладив её по волосам.

— А он не сердится на тебя?

Я нахмурился.

— Нет, мелкая. Просто твоя мама, похоже, решила помочь тебе с допросом.

— Я предоставляю исключительно информационную поддержку, — возразила Оливия.

— Разумеется.

Софи ещё несколько секунд переводила взгляд с меня на мать. Убедившись, видимо, что разговор не собирается перерастать во что-то серьёзное, она немного расслабилась.

— А завтра можно ещё спросить?

— У меня вообще есть выбор?

Она отрицательно покачала головой.

— Отлично. Так и думал.

Девочка улыбнулась и вернулась к своим листьям.

Странная реакция.

Я ведь даже голоса не повысил.

Впрочем, хрен его знает, что творится в головах трёхлетних детей. Пять минут назад её интересовало моё семейное положение, а теперь она пыталась засунуть огромный кленовый лист между ушами плюшевого зайца.

Оливия поправила сына на руках и едва заметно поморщилась.

— Всё нормально? — спросил я.

— Да. Просто устала.

Под глазами у неё залегли тени. Волосы были собраны кое-как, на плече футболки виднелось маленькое влажное пятно. Она выглядела так, будто последние несколько дней состояли исключительно из работы и попыток уговорить двух маленьких людей поспать.

— Вам бы отдохнуть.

— Великолепная идея. Вы не могли бы сообщить об этом моим детям?

— Судя по результатам переговоров с вашей дочерью, у меня недостаточно полномочий.

— Вот именно.

Она позвала Софи, и девочка послушно собрала листья.

— Пока, дядя Дин!

— Бывай, мелкий следователь.

— А что такое следователь?

— Завтра, Софи, — поспешно вмешалась Оливия.

— Спасибо, Хейс. Впервые за сегодняшний день вы на моей стороне.

— Не привыкайте, Морган.

Я усмехнулся, подхватил сумку и направился домой.

Только на кухне поймал себя на мысли, что понятия не имею, когда Хейс вообще спит.

***

Я достал из холодильника курицу, овощи и рис. Готовить на одного человека было удобно. За годы самостоятельной жизни я научился покупать ровно столько продуктов, сколь-

ко требовалось, и не превращать холодильник в кладбище забытых контейнеров.

Поэтому тот факт, что сегодня я нарезал вдвое больше овощей, предпочёл считать загадочным кулинарным происшествием.

Курицы тоже оказалось больше.

Совпадение.

Я поставил сковороду на плиту, промыл рис и включил музыку. Пока готовился ужин, убрал инструменты, которые принёс домой, и ответил на пару рабочих сообщений. Джек прислал фотографию книги с подписью: «Как думаешь, начать с этой?» На обложке был какой-то полуголый мужик.

«Начни с инструкции к подъёмнику», — написал я.

Он прислал три смеющихся рожицы.

Когда еда была готова, я достал контейнер. Потом второй, поменьше, для овощей. Постоял над ними, чувствуя себя идиотом.

У Хейс наверняка был ужин. Она взрослая женщина. У неё есть кухня, холодильник и деньги, чтобы купить продукты. Она не просила меня готовить.

С другой стороны, я уже приготовил.

Не выбрасывать же.

Я закрыл крышки и вышел из дома, обогнул забор и подошёл к боковой двери. Постучал.

Оливия открыла не сразу. Из глубины дома доносился голос Софи, требовавшей найти какую-то синюю чашку.

— Морган?

Я протянул контейнеры.

— Это что?

— Еда.

— Я вижу. Зачем?

— Приготовил слишком много.

Она посмотрела на меня, потом на контейнеры.

— Вы не умеете рассчитывать порции?

— Хейс, просто возьмите чёртов контейнер.

— Я могу вернуть его завтра?

— Можете через неделю. Мне всё равно.

Она наконец взяла еду.

— Спасибо. Вы даже не представляете, насколько вовремя.

— Там курица, рис и овощи. Ничего острого.

— Вы ещё и готовите?

— Нет, заказал у соседнего ресторана, которого не существует.

Она улыбнулась. Не той улыбкой, которой отвечала на мои колкости, а какой-то совсем другой. Тихой, почти удивлённой.

— Спасибо, — повторила она.

— Приятного аппетита.

Я развернулся и ушёл, пока не придумал ещё какую-нибудь глупость.

Собственный ужин я съел перед телевизором. Включил

спортивный канал, посмотрел несколько минут, обнаружил, что понятия не имею, кто играет, и выключил звук.

Мне было тридцать лет. Я владел бизнесом, платил налоги, умел готовить и вполне успешно существовал без необходимости производить впечатление на соседок.

Почему, чёрт возьми, я был так доволен тем, что одна из них взяла у меня контейнер с рисом?

***

После душа я проверил будильник и уже собирался положить телефон на тумбочку, когда экран загорелся.

Ванесса.

«Привет. Давно не общались. Как ты?»

Я несколько секунд смотрел на сообщение.

Некоторые люди обладали удивительным талантом появляться именно тогда, когда ты наконец переставал о них думать. Ванесса, похоже, довела этот талант до совершенства.

Я открыл переписку. Курсор мигал в пустом поле ответа.

Можно было написать «нормально». Можно было спросить, чего она хочет. Можно было вообще не открывать это грёбаное сообщение.

Последний вариант я уже благополучно просрал.

Я заблокировал экран, положил телефон на тумбочку и выключил свет.

Отвечать не хотелось.

***

В два часа ночи я проснулся от крика.

Не от будильника. Не от звонка. Не от звука машины на улице.

От Тео.

— Да вы издеваетесь, — пробормотал я в подушку.

Часы показывали 02:07.

Я закрыл окно, лёг на другой бок и натянул одеяло до плеч. Плач на несколько секунд стих, и я уже решил, что можно снова уснуть, когда он возобновился с новой силой.

Я начинал подозревать, что Хейс воспитывает будущего вокалиста грёбаной метал-группы. Причём репетиции у него проходили исключительно ночью.

Через несколько минут я сел на кровати.

Утром мне предстояло открыть мастерскую. Мне требовалось хотя бы несколько часов нормального сна. Я не собирался выяснять отношения с соседями, но вполне мог попросить их не устраивать концерт под моими окнами.

Натянув спортивные штаны и футболку, я спустился вниз, сунул ноги в кроссовки и вышел на улицу.

Холодный воздух окончательно прогнал сон. На участке Хейс горел свет возле боковой двери. Плач доносился оттуда, и теперь я понял, почему его было так хорошо слышно.

Она вышла с ребёнком на улицу.

Серьёзно?

Я обогнул забор и остановился у дорожки.

— Хейс, вы вообще в курсе, который сейчас…

Остаток фразы застрял в горле.

Оливия обернулась.

На ней были пижамные штаны, футболка и расстёгнутый кардиган. Волосы выбились из пучка, прилипли к щекам. Тео кричал у неё на руках, а она покачивала его, тихо повторяя что-то себе под нос.

По её лицу текли слёзы.

— Простите, — сказала она, увидев меня. — Я сейчас уйду. Просто Софи спит, а он никак…

Она не договорила. Сделала шаг к двери и резко остановилась, прижав локоть к животу.

— Хейс?

— Всё нормально.

— Вы плачете.

— Спасибо, что сообщили.

Она попыталась улыбнуться, но вместо улыбки получилось что-то совсем не похожее на неё.

Я приготовил вполне убедительную речь о соседском покое. А потом увидел её лицо и забыл нахрен каждое слово.

— Вам больно?

— Немного.

— По вашему лицу не скажешь.

— Я просто устала. Правда. Идите спать.

Из кармана её кардигана донёсся тихий шорох. Она достала маленький монитор, посмотрела на экран и убрала обратно.

— Софи там?

— Да. Я у двери. Хотела, чтобы Тео подышал воздухом. Иногда помогает.

Малыш снова закричал, и она прижала его ближе. Я увидел, как напряглась её челюсть.

— Где болит?

Она опустила взгляд.

— Внизу живота. После кесарева иногда тянет. Сегодня, наверное, переборщила.

Я не сразу понял.

— У вас была операция?

— Ну да. Так обычно и происходит при кесаревом сечении, Морган.

Даже сейчас она умудрялась язвить.

Операция.

Я вспомнил коробки, мебель, магазин, её короткую гримасу вечером. Мне почему-то ни разу не пришло в голову, что она могла всё ещё восстанавливаться после родов.

— Давно так сильно болит?

— Сегодня сильнее. Обычно проходит, когда сажусь.

— Вы были у врача?

— Морган, сейчас два часа ночи.

— Я в курсе. Но боль от этого нормальной не становится. Давайте хотя бы позвоним дежурному врачу.

Она покачала головой, затем снова согнулась. Я машинально сделал полшага вперёд. Оливия отступила.

Я остановился.

— Хорошо. Не буду подходить. Но вам нужно сесть.

— Сейчас. Только он успокоится.

Тео, судя по всему, не собирался выполнять эту часть плана.

Я посмотрел на скамейку у двери. Потом на неё. Потом на младенца.

И произнёс слова, которые ещё вчера счёл бы достаточным основанием для проверки собственного психического здоровья.

— Давайте мне его.

Она подняла голову.

— Что?

— Ребёнка. Я подержу, пока вы сядете.

— Нет.

Ответ прозвучал так быстро, что я даже не успел закончить движение рукой.

— Хейс, вам больно стоять.

— Я справлюсь.

— Я не сомневаюсь. Но сейчас можно не стоять.

Она крепче прижала сына. Я видел, как она смотрит на мои руки, на лицо, снова на руки. Не понимал, чего именно она ждёт, но прекрасно понимал, что ещё один шаг в её сторону будет лишним.

— Я никуда с ним не уйду. Буду прямо здесь. Вы будете его видеть.

Она молчала.

— Если не хотите, не надо, — добавил я. — Могу принести вам стул. Или телефон, если ваш в доме.

Тео всхлипнул, Оливия зажмурилась и медленно выдохнула.

— Хорошо. Только… вы когда-нибудь держали такого маленького ребёнка?

— Финна. Но это было давно.

— Насколько давно?

— Лет девятнадцать назад.

— Господи.

— Согласен. Не самая впечатляющая рекомендация.

Она посмотрела на меня ещё несколько секунд, затем осторожно повернула сына.

— Одну руку сюда. Под головку. Вторую под попу. Нет, чуть выше. Вот так.

Я выполнил все указания с сосредоточенностью человека, которому поручили обезвредить взрывное устройство.

— И шею придерживайте.

— Понял.

— Осторожнее.

— Хейс, я не собираюсь его ронять.

Она не сразу убрала руки. Сначала убедилась, что я держу малыша надёжно, потом медленно отпустила.

Блядь.

Что я только что сделал?

В моих руках находился живой человек. Маленький, крас-

ный, возмущённый и совершенно неспособный объяснить, какого хрена ему от меня нужно.

Его голова действительно помещалась в моей ладони.

Я бы предпочёл разобрать двигатель с завязанными глазами. Там хотя бы знал, за что браться.

— Садитесь, — сказал я Оливии.

Она опустилась на скамейку, не сводя с нас глаз.

— Он орёт, — сообщил я.

— Я заметила.

— И что мне делать?

— Прижмите его к себе. Головку поддерживайте. Вот так. И немного покачивайтесь.

Я послушался. Тео продолжал орать.

— Господи, у него вообще есть инструкция?

— Если найдёте, пришлите мне копию.

Я осторожно переместил вес с одной ноги на другую. Малыш дёрнул ручкой, уткнулся носом в мою футболку, снова заплакал. Я поправил его так, как показала Оливия, следя, чтобы лицо оставалось открытым.

— Ну что, Тео? Может, договоримся по-мужски?

Оливия подняла голову.

— Вы запомнили его имя?

— Сложно забыть имя человека, который регулярно будит меня по ночам.

Она слабо улыбнулась.

— Он хороший мальчик.

— У нас с ним пока разные взгляды на это.

Я прошёл несколько шагов вдоль скамейки и вернулся. Не слишком быстро. Не слишком медленно. По крайней мере, надеялся, что делаю всё правильно.

— Он ел? — спросил я.

— Да. И подгузник чистый. Животик беспокоит, скорее всего. Такое уже бывало.

— А сегодня плачет как обычно?

— Примерно так же. Просто долго.

Она достала телефон. Я предложил ей позвонить в дежурную службу прямо сейчас, пока у неё свободны руки. На этот раз она не стала спорить.

Пока Оливия разговаривала с медработником, я продолжал ходить рядом. Она описала боль, сказала, когда была операция, ответила на вопросы о температуре и других симптомах. Уточнила и про плач Тео. Я старался не вслушиваться в подробности, хотя находился достаточно близко, чтобы услышать, если ей понадобится помощь.

Закончив разговор, она сказала, что ей рекомендовали очную оценку как можно скорее и объяснили, в каких случаях нужно немедленно вызывать помощь. Боль в покое уже заметно уменьшилась, но она собиралась связаться с клиникой утром. Если снова усилится, ждать не будет.

— Если потребуется ехать сейчас, скажите, — ответил я. — С детьми тоже разберёмся. Никого одного не оставим.

Она кивнула.

Я снова посмотрел на Тео.

— Вот видишь, парень. Мама занимается серьёзными делами. Давай хотя бы мы с тобой не будем создавать дополнительные проблемы.

Он всхлипнул.

— Мы оба взрослые разумные мужчины…

— Ему почти три месяца, Морган.

— Не перебивайте переговоры.

Оливия тихо рассмеялась. Я заметил, что она вытерла щёки рукавом кардигана.

Тео не успокоился сразу. Он ещё несколько раз начинал плакать, морщился, двигал ногами. Я ходил туда-сюда, бормотал всякую чушь про машины, погоду и необходимость уважать чужой рабочий график.

В какой-то момент поймал себя на том, что рассказываю ему, как сегодня Джек едва не съел мой сэндвич.

— Представляешь? — тихо спросил я. — Взрослый мужик. Двадцать пять лет. А ведёт себя хуже тебя.

— Сомнительный комплимент, — заметила Оливия.

— Я работаю с тем, что есть.

Плач постепенно сменился отдельными всхлипами. Потом Тео затих, тяжело вздохнул и расслабил маленькие кулаки. Один из них остался на моей футболке.

Я остановился.

— Он что, уснул?

— Похоже на то.

— И теперь?

— Можете сесть. Только аккуратно.

Я опустился на край скамейки, оставив между нами достаточно места. Тео слегка пошевелился. Я замер, не решаясь даже нормально вдохнуть.

Рыжие волосы, крошечный нос и совершенно охренительная способность лишать сна взрослых мужчин.

А теперь этот маленький засранец спал у меня на груди.

И я почему-то боялся пошевелиться.

— Часто такое бывает? — спросил я тихо.

— Колики? Почти каждый вечер. Иногда ему легче. Иногда нет.

— А когда вы спите?

— Когда вселенная проявляет милосердие.

Я посмотрел на неё. Она сидела, откинувшись на спинку скамейки, и держала монитор на коленях. В свете фонаря веснушки на её лице казались темнее обычного. Глаза были красными.

— Софи тоже просыпается?

— Иногда. Приходит ко мне, если слышит плач. Сегодня я хотела дать ей поспать.

— Вам есть кому помочь?

— Нет.

Она ответила без паузы. Не добавила никаких объяснений, не стала жаловаться. Просто нет.

Я посмотрел на неё.

— Сколько вам вообще лет, Хейс?

Она слегка приподняла бровь.

— А что, я настолько плохо выгляжу?

— Я не об этом.

— Двадцать три.

— Двадцать три?

— Морган, у вас проблемы со слухом?

— Нет. Просто удивлён.

— Надеюсь, приятно.

Я усмехнулся.

Двадцать три. Охренеть.

В свои двадцать три я был занят развитием мастерской, встречами с друзьями и выяснением того, сколько пива способен выпить, прежде чем утро перестанет быть добрым.

А она воспитывала двоих детей, восстанавливала старый дом и собиралась открыть собственный бизнес. И всё это, судя по всему, практически без посторонней помощи.

Я мог спросить, где отец детей. Мог поинтересоваться, почему двадцатитрёхлетняя женщина оказалась одна в старом доме с двумя маленькими детьми. Вопросов у меня внезапно накопилось столько, что я не знал, с какого начать.

Но она сидела рядом со мной посреди ночи, только что перестала плакать и впервые за всё время нашего знакомства позволила мне сделать что-то действительно важное для неё.

Не хватало ещё потребовать за это подробный отчёт о её жизни.

Я опустил взгляд на спящего Тео и решил оставить остальные вопросы при себе.

— Понятно, — сказал я.

Она посмотрела на сына.

— Я не хотела никого будить.

— Я знаю.

— Обычно мы справляемся дома. Просто сегодня…

— Хейс. Вам не нужно передо мной оправдываться.

Она замолчала.

Я столько раз злился, что этот ребёнок не давал мне спать. Только я мог закрыть окно, перевернуться на другой бок и попытаться уснуть.

Она — нет.

И утром, когда я уезжал на работу, она вставала, кормила его, собирала Софи, ехала в магазин и продолжала делать всё то, что запланировала. Даже если ночью спала два часа. Даже если у неё болел живот.

— Знаете, — сказала она, — я думала, вы выйдете и будете ругаться.

— Вообще-то собирался.

Она повернула ко мне голову.

— Серьёзно?

— У меня была отличная речь. Примерно на три минуты.

— И что с ней случилось?

— Не прошла согласование с обстоятельствами.

Оливия прикрыла рот ладонью, чтобы не рассмеяться

слишком громко. Тео спал.

— Спасибо вам, мистер Морган.

— Дин.

— Что?

— Просто Дин. И давай уже на «ты». А то чувствую себя каким-то стариком.

— Тебе не тридцать?

— Спасибо, что напомнила.

— Всегда пожалуйста.

— Вот. Уже лучше.

Она улыбнулась.

— Тогда просто Оливия.

— Я знаю, как тебя зовут.

— А то всё Хейс да Хейс.

— Не обещаю, что перестану.

— Тогда и я продолжу называть тебя Морганом.

— Переживу.

Мы ещё немного посидели молча. Я слышал её дыхание, шелест листьев и тихое сопение Тео. Ничего особенного. Просто ночь, скамейка и два человека, которым утром предстояло вставать.

— Как живот? — спросил я.

— Уже гораздо легче. Спасибо.

— Утром позвонишь врачу?

— Да. Я обещала.

— Хорошо.

Я посмотрел на её телефон.

— Запиши номер.

— Зачем?

— Мой. Если понадобится помощь, позвони. Только если боль сильная, сначала медикам, а не мне.

— Дин, я не собираюсь будить тебя посреди ночи.

Я выразительно посмотрел на Тео.

— Хейс, немного поздно для подобных заявлений.

Она усмехнулась, открыла контакты и записала номер, который я продиктовал. Потом отправила короткое сообщение, чтобы у меня тоже сохранился её телефон.

— Теперь у тебя есть возможность официально жаловаться на шум.

— Наконец-то. Давно мечтал.

Она поднялась, осторожно, без резких движений. Я тоже встал.

— Готова?

— Да. Давай его сюда.

Я передал Тео обратно, стараясь не разбудить. Оливия уверенно подхватила сына, прижала к себе и поправила его одежду.

— Спасибо, Дин. Правда.

— Не за что, рыжая.

— Рыжая?

— Иди уже домой.

— Спокойной ночи, Морган.

Я закатил глаза.

— Спокойной ночи.

Я дождался, пока она откроет дверь и войдёт внутрь. Свет в прихожей остался гореть. Через несколько секунд дверь закрылась.

Я посмотрел на собственные руки.

На футболке осталось маленькое влажное пятно. Понятия не имею, слюни это были или слёзы. Наверное, и то и другое.

Я усмехнулся и пошёл домой.

***

На тумбочке лежал телефон. Сообщение Ванессы всё ещё оставалось без ответа. Ни малейшего желания что-либо с этим делать у меня не появилось.

Зато теперь в телефоне был номер Оливии.

Я вышел из дома, чтобы наорать на соседку.

В итоге провёл почти час с её ребёнком на руках, выяснил, что она восстанавливается после операции, дал ей свой номер и каким-то непостижимым образом перешёл с ней на «ты».

Охуенно, парень.

Просто охуенно.

Следующим шагом, видимо, будет покупка семейного минивэна.

Я положил телефон экраном вниз и забрался под одеяло.

Мне не нравились дети.

Мне не нужны были отношения.

И мне совершенно точно было плевать на то, с кем Оливия разговаривала возле своего магазина.

Я повторил это про себя ещё раз.

Звучало всё менее убедительно.

За окном наконец было тихо.

Только теперь я почему-то прислушивался, не заплачет ли Тео снова.

Глава 9. Я справлюсь сама

ОЛИВИЯ

Утром я обнаружила в своей кровати одну детскую носочку, плюшевого зайца и собственный телефон, на котором каким-то чудом оставалось девять процентов зарядки.

Самой Софи в кровати не было. Она сидела на ковре и пыталась надеть носок на Заю.

— Мамочка, у него лапа толстая.

— Возможно, ему просто не идут носки.

— А если холодно?

— Тогда он может остаться дома.

Софи посмотрела на меня с таким возмущением, словно я предложила оставить дома её саму.

Из кроватки донеслось сопение. Тео открыл глаза, несколько секунд изучал потолок, а затем повернул голову и принялся искать ртом то, ради чего, по его мнению, я вообще существовала.

— Доброе утро и тебе, мой хороший.

Я устроилась на кровати, подложила под локоть подушку и взяла сына. Живот всё ещё неприятно тянуло, хотя по сравнению с ночью стало значительно легче. Я собиралась позвонить врачу сразу после завтрака. Не только потому, что обещала Моргану. Вчера мне действительно стало страшно.

Морган.

Я посмотрела на телефон.

В списке контактов теперь красовалось его имя. Без фотографии, без каких-либо дополнительных сведений. Просто Дин Морган и одиннадцать цифр, которые я ночью проверила дважды.

Вчера я вручила своего сына человеку, который ещё недавно считал его главным источником шумового загрязнения Брайарвуда. И, что удивительно, мир не рухнул.

Мне до сих пор было немного неловко вспоминать собственные слёзы. Особенно то, как спокойно Дин сидел рядом, пока я пыталась привести себя в порядок. Он мог бы сказать, что я сама виновата, что слишком много работаю или что нормальные люди не устраивают ночных прогулок с орущими младенцами. Вместо этого он почти час носил Тео на руках.

И выглядел при этом совершенно нелепо.

Огромный мужчина с разрисованными руками и крошечный рыжий комочек у него на груди.

Я улыбнулась, а потом немедленно нахмурилась.

Не хватало ещё начать умиляться соседу до первого кофе.

— Мам, а почему ты улыбаешься?

— Потому что твой брат наконец-то решил поесть молча.

— А он умеет говорить с молоком во рту?

— Надеюсь, никогда не научится.

Когда Тео закончил завтракать, я поменяла ему подгузник, одела в чистый бодик и отнесла в кухню. Софи выбрала

овсянку с бананом, но потребовала, чтобы банан лежал отдельно. Видимо, у них с овсянкой произошёл конфликт интересов.

Пока каша остывала, я позвонила в клинику. После нескольких вопросов администратор предложила приехать ближе к полудню. Я согласилась и отправила Норе сообщение, что сегодня в магазин не попаду.

— Мам, ты сегодня не будешь таскать коробки?

— Не буду.

— Обещаешь?

— Обещаю. Мне нужно немного поберечь живот.

— Тогда Зая тоже не будет.

— Какая ответственная команда.

Софи поднесла зайца к тарелке и предложила ему кусочек банана. Я налила себе кофе и впервые за утро села за стол обеими ногами на пол, а не на краешек стула в готовности куда-нибудь сорваться.

Удивительное ощущение. Почти отпуск.

***

В клинике Тео успел очаровать медсестру, Софи получила наклейку с жирафом, а я — рекомендацию временно ограничить физические нагрузки.

После осмотра врач не обнаружила признаков осложнения, требующего срочного вмешательства, но попросила меня прийти повторно и не терпеть боль, если она усилится. Мы обсудили, в каких случаях нужно обращаться за помо-

щью немедленно.

— У вас есть возможность не поднимать тяжёлое?

Я посмотрела на сына, который мирно лежал в коляске.

— Если не считать младенца, постараюсь.

— Тогда делегируйте остальное. И делайте перерывы, когда работаете.

— Над этим пунктом мне придётся поработать.

— У вас недавно была операция. Не нужно проверять, сколько способен выдержать ваш организм.

Я кивнула. Врач рекомендовала отдых. Я едва не спросила, продаётся ли он в упаковках по шесть штук.

На парковке я покормила Тео, пока Софи приклеивала жирафа на обложку своей книжки. Потом мы отправились за продуктами. В холодильнике оставались яйца, половина лимона и контейнер, который следовало вернуть Дину. Содержимое контейнера, кстати, оказалось неприлично вкусным.

Меня несколько раздражало, что он ещё и готовить умел. У человека с таким характером должен был быть хотя бы один очевидный недостаток помимо самого характера.

В магазине я уложила Тео в люльку коляски, взяла корзину и поручила Софи выбрать яблоки. Она немедленно принялась сравнивать два совершенно одинаковых плода.

— Этот красивее, мам.

— Берём красивого.

— А другой расстроится?

— Тогда берём обоих.

Мы дошли до полки с макаронами, когда за спиной раздалось:

— Так это ты!

Я обернулась. Передо мной стояла девушка в широких джинсах, короткой коричневой куртке и с бумажным стаканчиком кофе. Тёмно-каштановые волосы были собраны в высокий хвост, а большие карие глаза смотрели на меня с неподдельным восторгом.

Я совершенно точно видела её впервые.

— Боюсь, мне потребуется немного больше информации.

— Рыжеволосая принцесса на огромном чёрном Cadillac, которая купила старый книжный магазин.

Я медленно опустила упаковку макарон.

— Принцесса?

— Не моя формулировка. Мне рассказала Эмили, которой рассказала её сестра, которая услышала это от своего парня, который, кажется, разговаривал с Джеком Морганом.

Ну конечно. Морганов в этой истории определённо не хватало.

— У вас здесь существует какая-нибудь система защиты персональных данных?

— Да. Называется «никому не говори», после чего об этом узнаёт только половина города. Я Хлоя, кстати. Хлоя Беннетт.

— Оливия.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать три.

— О, слава богу! Мне двадцать четыре. А то все мои знакомые либо уехали, либо вышли замуж, либо обсуждают стоимость садовых удобрений. Иногда всё одновременно.

Потрясающе. В этом городе можно было не заводить социальные сети. Достаточно один раз выйти из дома, и местные жители самостоятельно обеспечат тебе информационное сопровождение.

— А что ещё тебе обо мне рассказали?

— Что ты собираешься открыть книжный. И что Джек считает тебя очень красивой. Но Джек считает красивыми примерно восемьдесят процентов женского населения планеты, поэтому его мнение не слишком информативно.

— Утешительно.

— Остальное я предпочитаю узнавать сама. Например, у тебя действительно такие волосы или ты продала душу дьяволу за идеальный оттенок?

— Такие.

— Несправедливо. Я потратила прошлую субботу и сто двадцать долларов, чтобы получить цвет, который у меня был до похода в салон.

Софи выглянула из-за корзины.

— А у меня тоже рыжие.

Хлоя тут же перевела взгляд на неё.

— А ты кто такая, красавица?

— Софи. Мне три.

— Очень серьёзный возраст. А это кто?

— Зая.

— Зая, приятно познакомиться.

Она совершенно серьёзно пожала плюшевому зайцу лапу. Софи захихикала.

— А этот рыжий красавчик? — спросила Хлоя, наклоняясь к коляске.

— Тео. Мой братик.

— Господи, какие у него волосы! Оливия, ты что, производишь маленькие копии себя?

— Пока эксперимент проходит успешно.

— Завидую. Я даже кактус умудрилась засушить. Кактус, понимаешь? Растение, которое буквально создано для выживания без воды.

— А ты ему давала кушать? — спросила Софи.

— В этом, вероятно, и заключалась проблема. Я слишком часто забывала.

— Мама не забывает.

— Твоей маме можно выдавать диплом.

Я невольно улыбнулась. Хлоя говорила с такой скоростью, что я начала подозревать, что она каким-то образом научилась дышать одновременно с произнесением слов.

— А где их папа? Или папы? Я современная женщина, никого не осуждаю.

Впервые меня напрягло, как был задан этот вопрос, и я решила ответить.

— Папа один. Он умер.

Её огромные карие глаза стали ещё больше.

— Ох.

Я положила макароны в корзину. Софи в это время рассматривала нарисованных на соседней упаковке животных.

— Господи. Мне так жаль. Я дура. Нет, даже не дура. Клиническая идиотка. Иногда мой рот начинает работать раньше, чем мозг получает соответствующее уведомление.

— Хлоя…

— Нет, правда. Я совершенно пойму, если ты больше никогда со мной не заговоришь. И запретишь мне заходить в твой магазин. Хотя это будет ужасно, потому что я планировала скупить там все развратные книжки.

Я не выдержала и рассмеялась.

— Все?

— Абсолютно все. Особенно если на обложке будет какой-нибудь морально сомнительный мужчина с широкими плечами и проблемами с коммуникацией.

— У тебя весьма специфические литературные предпочтения.

— В реальной жизни такие мужчины требуют психотерапии. В книгах достаточно красивой обложки.

— Справедливо.

— Так меня всё-таки пустят в магазин?

— Думаю, мы сможем пережить твоё присутствие.

— Отлично. Потому что я уже мысленно записала тебя в

подруги.

— А моё мнение учитывается?

— Конечно. Но желательно, чтобы оно совпадало с моим.

Она отпила кофе и посмотрела на мою корзину.

— Ты закончила покупать продукты?

— Мне ещё нужны овощи и молоко.

— Прекрасно. Мне тоже нужно молоко. И что-нибудь на ужин, хотя я подозреваю, что снова куплю сыр и буду есть его над раковиной.

— Звучит изысканно.

— Я называю это французской кухней для одиноких женщин.

Мы направились к холодильникам. Хлоя рассказала, что работает в местной страховой конторе и сегодня выбралась за продуктами в обеденный перерыв. Живёт одна, не замужем, детей нет. Зато есть соседка, которая считает своим долгом знакомить её со всеми свободными мужчинами в радиусе пятидесяти миль.

— Последний пришёл на свидание с мамой, — сообщила она.

— Серьёзно?

— Клянусь. Мама сидела за соседним столиком. Он сказал, что она просто оказалась поблизости. А потом она подошла и спросила, умею ли я готовить лазанью.

— И что ты ответила?

— Что умею заказывать пиццу. Мы больше не виделись.

Я рассмеялась так громко, что женщина возле молочных продуктов обернулась.

— Вот, — довольно сказала Хлоя. — Ты уже смеёшься над моими неудачами. Это практически основа крепкой женской дружбы.

— Или признак отсутствия у меня сочувствия.

— Ещё лучше. Мне не нужна жалость, мне нужны свидетели.

Софи потянула меня за рукав.

— Мамочка, а что такое свидание?

— Это когда взрослые встречаются, чтобы познакомиться поближе.

— Мы сейчас на свидании с Хлоей?

Хлоя едва не подавилась кофе.

— Оливия, твоя дочь великолепна.

— Судя по всему, да, солнышко. Только дружеском.

— Тогда мы можем купить печенье?

— А это уже шантаж.

— Я голосую за печенье, — заявила Хлоя.

— Тебя никто не спрашивал.

— Демократия в этой семье явно нуждается в доработке.

В итоге печенье мы купили. Софи сама выбрала упаковку с шоколадными кусочками, а Хлоя взяла такую же и объявила, что не намерена уступать трёхлетнему ребёнку в вопросах качества жизни.

Возле кассы Тео проснулся. Я покачала коляску, но сын

начал недовольно кряхтеть. Хлоя перестала говорить на полуслове.

— Ему что-нибудь нужно?

— Скорее всего, просто надоело лежать.

— Я могу покатить корзину, пока ты его успокаиваешь?

Я уже открыла рот, чтобы отказаться. Потом посмотрела на корзину, на коляску и на собственные руки.

— Если тебе не сложно.

— Оливия, это корзина с продуктами, а не ипотека на тридцать лет.

Она поставила корзину на ленту и принялась выкладывать покупки, пока я поправляла Тео. Мы расплатились каждая за своё, и Хлоя подождала, пока я уберу карту в сумку.

— Дай мне свой номер. Я пришлю тебе список книг, которые ты обязана заказать. В исключительно коммерческих целях, разумеется.

— Разумеется.

— И если захочешь выпить кофе, пиши. Детей бери с собой.

— Предупреждаю, Тео много плачет.

— А я много разговариваю. Посмотрим, кто кого.

Я продиктовала номер. Хлоя тут же отправила мне сообщение с тремя сердечками и фотографией собственного лица, сделанной снизу.

— Чтобы ты не перепутала меня с другой невероятно привлекательной женщиной.

— С таким ракурсом это будет трудно.

— Вот именно.

На парковке мы попрощались. Софи помахала ей Заей, а Хлоя помахала в ответ своей упаковкой печенья.

Я уже давно не заводила подруг. Не потому, что не хотела. Просто в какой-то момент моя жизнь стала настолько маленькой и сложной, что в ней перестало оставаться место для других людей.

А Хлоя, похоже, даже не собиралась спрашивать, есть ли для неё свободное место. Она намеревалась притащить собственный стул.

***

Дома я разобрала продукты, приготовила Софи обед и уложила Тео в кроватку. Пока дочь рисовала за кухонным столом, я открыла телефон.

Хлоя уже прислала мне фотографию сыра, лежащего на пассажирском сиденье её машины.

Хлоя: Мой сегодняшний мужчина. Надёжный, зрелый, с хорошей выдержкой.

Я: Не забудь убрать его в холодильник.

Хлоя: Не указывай мне, как строить отношения.

Я улыбнулась и открыла другой контакт.

Я: Была у врача. Ничего срочного. Спасибо за вчера.

Ответ пришёл минут через пять.

Дин: Жива?

Я: К вашему сожалению.

Дин: Мы вроде перешли на ты.

Я: К твоему сожалению.

Дин: Уже лучше, Лив.

Я уставилась на экран.

Лив.

Перечитала сообщение. Потом ещё раз, на случай если мой телефон решил самостоятельно отредактировать имя.

Я: Лив?

Дин: Длинные имена отнимают рабочее время.

Я: У тебя удивительно насыщенная жизнь.

Дин: Не таскай коробки.

Я: Есть, начальник.

Дин: И не называй меня начальником.

Я: Определись с требованиями к подчинённым.

Дин: Хейс.

Я рассмеялась.

— Мамочка, а кто тебе пишет?

— Дядя Дин.

— Он хочет печенье?

— Сомневаюсь, что у него настолько хорошее настроение.

— Тогда ему надо дать два.

Я посмотрела на дочь. Возможно, она только что предложила самый эффективный способ взаимодействия с Морганом из всех существующих.

Лив. Всего три буквы. Почему я уставилась на них так, словно он только что прислал мне предложение руки и серд-

ца?

Я убрала телефон и принялась вытирать стол.

Через минуту достала его снова. На этот раз, чтобы написать Норе.

По крайней мере, именно так я объяснила это себе.

***

На следующий день Хлоя прислала список из двадцати семи романов.

Я: Ты собираешься открыть собственную библиотеку?

Хлоя: Нет. Собираюсь перестать читать с телефона в три часа ночи. У меня лицо потом как у покойника.

Я: Бумажная книга не поможет тебе лечь раньше.

Хлоя: Не разрушай мои иллюзии.

Следом пришло сообщение с вопросом, можно ли заглянуть в магазин до открытия. Я объяснила, что рабочие ещё заканчивают отделку и пока принимать посетителей нельзя, но пообещала сообщить, когда будет безопасно.

Она ответила фотографией блокнота, на котором крупными буквами написала: «ДЕНЬ, КОГДА Я РАЗОРЮСЬ».

Через несколько дней в основной части магазина наконец стало чисто. Светлые стены, деревянные стеллажи, новые светильники и знакомые окна, через которые осеннее солнце ложилось на пол. Я всё ещё не могла привыкнуть к тому, что теперь могу открывать эту дверь собственным ключом.

Нора стояла за прилавком с накладной.

— У нас приехали детские книги. И ещё две коробки ху-

дожественной литературы.

— Где их поставили?

— Не там, где ты сможешь их поднять. Я предусмотрительная женщина.

— Вы вступили в сговор с моим врачом?

— Нет. Но, судя по всему, мы бы прекрасно поладили.

Рабочие перенесли коробки к стеллажам, а я занималась накладными и раскладывала книги небольшими стопками. Тео после кормления уснул в своей кроватке в подготовленной комнате. Я оставила дверь приоткрытой и время от времени заглядывала к нему.

Софи обнаружила низкую полку, предназначенную для детских книг, и немедленно усадила туда зайца.

— Он будет продавать книжки.

— А зарплату ему тоже платить? — спросила Нора.

— Печеньем.

— Договорились.

У меня появился бизнес, сотрудница и начальник отдела плюшевых зайцев. Последний, судя по всему, работал исключительно за печенье.

Ближе к полудню в дверь постучали. За стеклом стояла Хлоя с двумя бумажными стаканчиками и таким выражением лица, будто собиралась проникнуть в секретное правительственное учреждение.

Я открыла дверь.

— Ты же сказала, что сегодня здесь уже не работают стро-

ители, — сообщила она. — Я пришла на предварительный осмотр. И с кофе. Но если неудобно, я уйду.

— Заходи. Только не обращай внимания на коробки.

— Я вообще-то пришла именно ради них.

Она протянула мне стаканчик.

— Без сахара. Молоко отдельно. Я не знала, какой ты любишь.

— Сколько с меня?

— В следующий раз купишь мне. Если захочешь.

Я немного помедлила, но взяла кофе.

— Спасибо.

— О, моя любимая трёхлетняя женщина!

Софи выбежала из-за стеллажа.

— Хлоя! У Заи теперь работа!

— Наконец-то хоть кто-то из знакомых мужчин устроился на работу без моей помощи.

— Он продаёт книжки.

— Тогда мне нужен его совет.

Софи взяла с полки книжку про медвежонка и протянула ей.

— Эта хорошая.

— А там есть любовь?

— Там мишка ищет маму.

— Подходит. Беру на заметку.

Нора наблюдала за ними с улыбкой.

— Хлоя Беннетт. Кто бы сомневался, что ты появишься

здесь ещё до открытия.

— Нора! Ты же знаешь, я не могу пропустить главное культурное событие нашего города.

— Особенно если оно связано с любовными романами.

— Наконец-то кто-то понимает мои духовные потребности.

Я усмехнулась. Похоже, знакомить людей в Брайарвуде было совершенно бессмысленным занятием.

Хлоя прошлась вдоль стеллажей, не трогая ещё не разобранные коробки.

— Слушай, здесь правда красиво, — сказала она уже без привычной театральности. — Я помню, как мы с мамой приходили сюда за школьными книжками. Думала, помещение так и останется пустым.

— Я тоже так думала, когда приехала.

— А теперь оно твоё.

Я посмотрела на полки.

— Да.

— Круто, Лив… Ой, можно так тебя называть?

Я чуть не поперхнулась кофе.

Раньше меня так называла только бабушка. А теперь ещё и Дин.

При воспоминании о его сообщении уголки моих губ невольно дрогнули.

— Да, конечно.

— Отлично, Лив! А вот здесь у тебя будет романтика?

Я кивнула, мысленно отругав себя за то, что при слове «романтика» перед глазами почему-то возникла физиономия одного угрюмого механика.

Господи, Оливия. Даже не начинай.

— Пока планирую поставить её ближе к креслам.

— Правильно. Чтобы женщины могли присесть, когда увидят цены на красивые издания.

Мы обсуждали ассортимент, пока Нора проверяла поставку. Хлоя рассказала, что в городе есть несколько девушек, которые обмениваются книгами, потому что заказывать каждую по отдельности дорого. Предложила спросить их, какие авторы им интересны.

— Только не обещай им ничего от моего имени, — попросила я.

— Конечно. Я могу собрать пожелания, а ты сама решишь. Я хоть и болтливая, но не совсем безнадёжная.

Из соседней комнаты донёсся голос Тео. Я поставила кофе и пошла за ним. Когда вернулась, Хлоя сидела на корточках возле Софи и слушала подробный рассказ о том, почему Зая не любит морковку.

— А я думала, зайцы её обожают.

— Он любит макароны.

— Уважаю человека с принципами.

— Он не человек.

— Прошу прощения у господина зайца.

Я устроилась в кресле с сыном. Хлоя взглянула на его сон-

ное лицо.

— Он всегда такой серьёзный после сна?

— Пока не поест.

— Понимаю его на глубоком личностном уровне.

Тео издал короткий звук, и она восторженно приложила ладонь к груди.

— Он со мной согласился!

— Скорее, высказал претензию к обслуживанию.

— Передай ему, что я тоже недовольна системой обеденных перерывов.

Она взглянула на часы и со вздохом поднялась.

— Мне пора обратно. Если начальник спросит, почему я опоздала, скажу, что проводила исследование местного рынка.

— Не впутывай меня в свои преступления.

— Поздно. Ты уже соучастница.

У двери она остановилась.

— Серьёзно, Лив. Если захочешь просто поговорить о какой-нибудь ерунде, пиши. Не обязательно ждать открытия.

— Хорошо.

Она улыбнулась и ушла. Я вернулась к прилавку, где Нора аккуратно выравнивала стопку книг.

— Хлоя с детства такая, — с улыбкой произнесла она. — Когда приходила сюда с матерью, успевала рассказать мне обо всём, что произошло за неделю, прежде чем та выбирала книгу.

— Полагаю, с возрастом ничего не изменилось.

— Разве что историй стало больше. Но сердце у неё доброе, Оливия.

Я улыбнулась и посмотрела на свой стаканчик с кофе.

Кажется, впервые за долгое время мне действительно хотелось с кем-то подружиться.

***

Итан появился после обеда с несколькими книгами, которые обещал принести для обсуждения школьных чтений. Я освободила ему край прилавка, и мы просмотрели издания для разных возрастов.

— Можно начать с небольших групп, — предложил он. — Если школа согласует программу, я пришлю тебе список.

— Только не в первую неделю после открытия. Я ещё не уверена, что смогу одновременно обслуживать покупателей, следить за своими кошмариками и контролировать двадцать школьников.

— Разумно. Я тоже не всегда уверен, что могу их контролировать.

— Ты учитель.

— Именно поэтому знаю, о чём говорю.

Софи подошла к нам с книгой о кроликах. Итан помог ей найти на картинке спрятавшегося зверька, затем вернулся к разговору.

— Может, пообедаем на днях?

Я подняла глаза и замялась.

— Итан, у меня, помимо работы, ещё двое детей. Я не могу просто взять и уйти на обед.

— Я знаю. Я вас всех и приглашаю.

— Всех?

— Конечно. Софи, Тео и тебя.

— А Заю? — уточнила дочь.

— И Заю, если он не против.

— А суп будет?

— Думаю, найдём место, где есть суп.

Она удовлетворённо кивнула.

— Тогда я посмотрю, когда мы сможем, — ответила я.

— Отлично. Никакой спешки.

Обычно фраза о двух детях прекрасно справлялась с функцией предупреждающей таблички. Итан, похоже, умел читать, но не считал её запретом.

Когда он ушёл, я записала несколько названий книг и обнаружила, что Нора смотрит на часы.

— Даже не начинайте.

— Я ещё ничего не сказала.

— Но собирались.

— Оливия, пора домой.

— Я ещё сверю накладную.

— Завтра.

— Но там всего три позиции.

— У тебя дома тоже есть три позиции: ты и двое детей. И все важнее накладной.

Я посмотрела на лист. Потом на Софи, которая уже начала зевать, и на дверь комнаты, где спал Тео.

— Хорошо. Тогда завтра начнём с этой поставки.

— Вот и договорились.

Я покормила сына, собрала детскую сумку и помогла Софи застегнуть куртку. Нора закрывала магазин вместе со мной, поэтому мы вышли на улицу одновременно.

Оказывается, уйти с работы вовремя — это тоже навык. В моём резюме он пока отсутствовал.

Дома я занесла сумку через боковой вход, переодела Тео и обнаружила в кармане Софи три листа, маленький камешек и обёртку от печенья.

— Это сокровища, мамочка.

— Обёртка тоже?

— Она блестит.

— Убедительный аргумент.

Мы решили ненадолго выйти во двор, пока ещё было светло. Ночью шёл дождь, но к вечеру ветер подсушил траву. Софи взяла маленькое ведёрко для листьев, а я надела на Тео тёплую шапочку и устроила его у себя на руках.

Телефон завибрировал в кармане.

Хлоя: Срочный вопрос. Если мужчина на обложке держит топор, это красный флаг или лесоруб?

Я: Зависит от аннотации.

Хлоя: Вот за что я тебя уважаю. Научный подход.

Я убрала телефон. Софи уже нашла особенно большой

жёлтый лист и несла его к ведёрку.

Старая веранда оставалась перекрытой. Я ждала окончательного расчёта от мастера и собиралась согласовать ремонт на следующей неделе. До тех пор мы пользовались боковым входом и коротким настилом возле него, который при предыдущем осмотре не вызвал опасений.

— Мам, этот лист похож на сердечко!

— Положи его к остальным, солнышко.

— А Тео можно показать?

— Сейчас подойдём.

Я собиралась приготовить ужин. Самый обычный, совершенно не героический ужин. Вселенная, видимо, имела другие планы.

Тео завозился у меня на груди. Я поправила шапочку, придержала его затылок и шагнула к краю бокового настила, чтобы спуститься на дорожку.

Под ногой что-то сухо треснуло.

Я успела посмотреть вниз.

Доски возле примыкания к старой веранде резко накренились. Нога провалилась, и я потеряла равновесие. Всё произошло так быстро, что я даже не успела закричать.

Тео.

Я прижала сына к груди, закрыла ладонью его голову и развернулась боком. Локоть ударился о край доски, колено обожгло болью, а потом я оказалась на земле среди щепок и мокрых листьев.

На несколько секунд мир исчез.

Остался только вес маленького тела в моих руках.

— Мамочка!

Тео заплакал. Я судорожно отодвинула край его шапочки, посмотрела на лицо, на грудь, которая поднималась при каждом вдохе.

— Тео… малыш…

Пожалуйста. Только бы с ним всё было хорошо.

— Мамочка! — снова закричала Софи.

Я попыталась ответить, но из горла вырвался какой-то совершенно чужой звук. За забором что-то громыхнуло. Послышались быстрые шаги.

— Лив!

Голос Дина я узнала сразу.

Глава 10. Чужие проблемы

ДИН

Я уронил ключ.

Не потому, что он выскользнул из рук. Я просто разжал пальцы, услышав крик за забором.

— Мамочка!

Мелкая.

Я привык к её голосу. За последние недели успел выяснить, что Софи одинаково громко сообщает миру о найденной улитке, потерянном зайце и несправедливом количестве печенья на тарелке. Но сейчас она кричала иначе.

Я выскочил из гаража, едва не задев плечом дверной косяк. Обогнул забор, толкнул калитку и увидел обломки настила.

А потом увидел Оливию.

Она лежала на боку, прижимая к себе Тео. Рыжие волосы рассыпались по земле, одна нога оказалась среди сломанных досок. Софи стояла на дорожке с пустым ведёрком в руке.

— Лив!

Оливия подняла голову.

— Тео… Дин, посмотри на Тео.

Я опустился на колено рядом с ней, на землю, подальше от обломков.

— Софи, стой там, где стоишь. Не наступай на доски. Лив,

ты меня слышишь?

— Да. Посмотри, пожалуйста. Он плачет. Он…

— Вижу. Сейчас вызову помощь.

Тео орал. Никогда прежде я не был так рад этому звуку.

Я достал телефон, назвал адрес диспетчеру и объяснил, что женщина упала с деревянного настила с младенцем на руках. Отвечать на вопросы оказалось сложнее, чем я ожидал. Приходилось смотреть на Оливию, слушать голос в трубке и одновременно следить за Софи, которая явно собиралась броситься к матери.

— Головой ударилась? — спросил я.

— Нет. Кажется, нет. Я на бок упала.

— Шея, спина?

— Нет. Локоть. Колено немного.

На её рукаве расплывалось небольшое красное пятно. Я видел кровь практически каждую неделю. Рассечённые костяшки, порезы, случайные травмы в мастерской. Никогда не считал себя впечатлительным человеком.

А тут какая-то грёбаная ссадина заставила меня забыть, как дышать.

— Не торопись вставать, ладно?

Она кивнула и снова посмотрела на сына.

— Малыш, мамочка здесь. Всё хорошо, мой хороший.

Голос у неё дрожал. Она осторожно поглаживала его по спине, придерживая голову, и пыталась заглянуть ему в лицо. Я передал диспетчеру то, что видел, и остался рядом, по-

ка мы не убедились, что можем безопасно переместиться с края обрушившегося участка. Оливия села на ровную землю, не выпуская ребёнка из рук.

— Мамочка, — всхлипнула Софи.

— Иди сюда, солнышко.

Я показал девочке, как обойти обломки. Она подбежала к матери, бросила ведёрко и вцепилась в её кофту.

— Ты ведь не умрёшь, как папа?

Я застыл.

Как папа?

На несколько секунд я забыл, что собирался сказать. Перевёл взгляд на Оливию. Она лишь крепче прижала дочь к себе.

— Нет, маленькая. Конечно, нет. Я с тобой.

Значит, их отец умер.

Блядь.

Сколько всего я успел надумать об этой женщине, даже не зная, почему она осталась одна с двумя детьми?

Софи посмотрела на меня. Нижняя губа у неё тряслась.

— Мелкая, сейчас приедут люди, которые посмотрят маму и Тео. Побудь рядом с мамой, хорошо?

Она кивнула, но продолжала смотреть на меня.

— Ты не будешь ругать маму?

Я нахмурился.

— Нет, мелкая. Мама ничего плохого не сделала.

Оливия поцеловала дочь в макушку. Софи прижалась к её

плечу и затихла.

Я не стал задавать вопросов. Ни об отце детей, ни о том, почему маленькая девочка решила, что я собираюсь ругать её мать за то, что та упала.

Сейчас было совершенно не до этого.

Я никогда не слышал, чтобы мелкая так кричала. И, блядь, больше не хотел.

***

Когда приехали медики, я отошёл, чтобы не мешать, и подобрал с дорожки ведёрко. Внутри лежали два листа и желудь. Остальные сокровища рассыпались по траве.

Софи наблюдала за осмотром, не отходя от матери. Я поставил ведёрко рядом с ней.

— Твои?

Она молча кивнула.

— Потом соберём остальные.

— Там сердечко было.

— Найдём.

Мне пришлось повторить это дважды, прежде чем она отпустила край маминой кофты и посмотрела на землю. Я обнаружил жёлтый лист возле ступеньки, куда можно было безопасно дотянуться, и протянул ей.

— Этот?

— Да.

Она положила его в ведёрко с такой осторожностью, словно он был сделан из стекла.

Медики рекомендовали дополнительно показать младенца врачу. Оливия согласилась сразу. Я предложил отвезти их, если после осмотра на месте им разрешат ехать самостоятельно. На этот раз она даже не спорила. Только попросила помочь перенести детские кресла из её машины в мой пикап.

В приёмном отделении я сидел рядом с Софи, пока Оливия с Тео находилась у врача за открытой дверью кабинета. Девочка могла видеть мать и время от времени махала ей рукой.

Она сидела, крепко прижимая к себе плюшевого зайца, и болтала ногами, не доставая до пола. Глаза всё ещё были красными от слёз.

Чёрт. Надо было как-то её отвлечь.

Я огляделся. На стене напротив висел плакат с улыбающимся зубом.

— Мелкая, ты когда-нибудь видела настолько счастливый зуб?

Софи подняла голову.

— Нет.

— Вот и я. Подозрительный тип.

Она внимательно посмотрела на плакат.

— Почему?

— Слишком довольный. Наверняка ему никогда не приходилось платить налоги.

— А что такое налоги?

— То, из-за чего взрослые перестают улыбаться.

Софи задумалась.

— Ты поэтому никогда не улыбаешься?

Я повернул к ней голову.

Вот же мелкая засранка.

— Я улыбаюсь.

— А я не видела.

— Плохо смотрела.

Я намеренно растянул губы в настолько идиотской улыбке, на какую только был способен.

Софи прыснула.

— Ты смешной!

— Вообще-то я очень серьёзный мужчина.

— А ещё раз так сделай!

— Нет. Представление окончено.

— Ну пожалуйста!

Я тяжело вздохнул и скорчил ещё более нелепую рожу. На этот раз она рассмеялась в голос, прикрыв рот маленькой ладошкой.

Ну наконец-то.

Если бы Джек сейчас меня увидел, мне пришлось бы сменить имя, продать мастерскую и переехать в другую страну.

Но, чёрт возьми, оно того стоило.

— А Зая тоже хочет посмотреть! — объявила Софи, разворачивая ко мне игрушку.

— Даже не надейся. Для зайцев отдельный тариф.

Она снова захихикала.

Я покачал головой, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает. Оказывается, детский смех раздражал меня гораздо меньше, чем детские слёзы.

Особенно её слёзы.

Врач не обнаружил у Тео признаков травмы. Оливии обработали две поверхностные ссадины, осмотрели колено и локоть, объяснили, за какими изменениями в состоянии обоих следить дома и когда обращаться повторно.

Ничего серьёзного.

Услышав это, я впервые за вечер смог нормально откинуться на спинку стула.

Все трое были в порядке.

И какого хрена мне понадобилось столько времени, чтобы осознать, насколько сильно я за них испугался?

На обратном пути Оливия почти не разговаривала. Софи уснула в кресле, обняв Заю, которого мы забрали из дома перед поездкой. Тео тоже задремал.

— Спасибо, — тихо сказала Лив, когда я свернул на нашу улицу.

— Не за что.

— Я могла вызвать такси.

— Могла.

— Или сама доехать.

— Могла.

Она повернула голову.

— Ты сегодня удивительно сговорчивый.

— Не привыкай.

Уголок её рта дёрнулся. Вот и отлично. Значит, способность язвить при падении не пострадала.

Я припарковался возле её дома, помог перенести кресла обратно и дождался, пока она откроет дверь. Софи проснулась и сонно попросилась к маме. Оливия наклонилась к ней, поцеловала в лоб и предложила самой выбрать пижаму.

— У тебя вода есть? — спросил я.

— Дин, у меня уже даже горячая вода есть. Цивилизация добралась до нашего дома.

— Я про питьевую.

— Есть.

— Аптечка?

— Есть.

— Уверена?

— Морган, хочешь провести инвентаризацию?

Я посмотрел на пластырь у неё на локте.

— Хочу, чтобы ты не оторвала эту штуку, пока будешь возиться с детьми.

— Постараюсь сохранить тебе душевное спокойствие.

Она закрыла дверь, а я вернулся к настилу. Через несколько минут всё-таки принёс бутылку воды и запасные перевязочные материалы из домашней аптечки. Оливия открыла, посмотрела на мои руки и вздохнула.

— Ты неисправим.

— Это мне уже говорили.

Она взяла пакет.

— Тео в порядке, Дин.

— А ты?

— Я тоже.

— Хорошо.

Она закрыла дверь не сразу. Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Потом из глубины дома донеслось требование Софи найти пижаму с утками, и Оливия исчезла.

Я остался на дорожке.

Она закрыла его собой. Даже падая, эта сумасшедшая женщина думала не о собственных костях.

Чёрт.

***

Пока окончательно не стемнело, я осмотрел место обрушения с земли. Не собирался проверять на себе прочность оставшихся досок. Мне хватило одного человека, который сегодня познакомился с гравитацией ближе, чем хотелось бы.

У края старой веранды обломилась опора. С виду целая древесина внутри оказалась тёмной и рыхлой. Вместе с ней вниз ушла часть бокового настила. Того самого, по которому Оливия ходила последние недели.

Я услышал, как открылась дверь.

— Дети уснули? — спросил я.

— Софи смотрит мультик. Тео в кроватке. Я на минуту.

Она осталась на безопасной площадке у двери.

— Я не ходила туда, где ты говорил не ходить, — сказала она.

Я поднял голову.

— Вижу. Край потянул за собой соседний настил.

— Мастер смотрел его. Сказал, что здесь пока можно ходить. Я правда не…

— Лив, я не обвиняю тебя.

Она замолчала.

— Просто не подходи сюда, пока не разберёмся. У тебя есть ещё выход через кухню?

— Да. Там ступенька прямо на дорожку.

— Пользуйся им. Я сейчас закрою подход сюда.

— Хорошо. Спасибо.

Мне хотелось наорать на кого-нибудь. На доски, на строителей, на собственную беспомощность. Только она не была виновата.

Я принёс из гаража временные ограждения и установил их так, чтобы мелкая не могла случайно забежать в опасную зону за очередным листом. Потом проверил дорожку у кухонной двери вместе с Оливией.

— Вот здесь нормально, — сказал я. — Но возле угла дома не ходите.

— Есть, начальник.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Она показала мне ключ от кухонной двери, словно это бы-

ло доказательством её готовности соблюдать инструкции.

— Видишь? Всё под контролем.

Я посмотрел на ключ, потом на неё.

— Угу. Спокойной ночи, рыжая.

— Спокойной ночи, Дин.

Дома я обнаружил, что оставил свет в гараже, инструменты на полу, а телефон почти разрядился. Ужинать не хотелось. Я всё равно поставил сковороду на плиту и достал продукты.

Через некоторое время написал ей.

Дин: Как мелкий?

Оливия: Спит. Софи тоже наконец уснула.

Дин: А ты?

Оливия: Собираюсь есть. Если никто не проснётся, возможно, даже горячее.

Дин: Удачи.

Оливия: Спасибо. В этом доме она действительно нужна.

Я убрал телефон, потом снова взял его и открыл список контактов. Нашёл номер знакомого специалиста по деревянным конструкциям. Было поздно звонить, поэтому оставил себе напоминание на утро.

Просто узнать, насколько всё плохо.

Ничего больше.

***

— Ты заказал два комплекта?

Я посмотрел на Джека.

— Что?

— Колодки. В накладной два комплекта. Нам нужен один.

Я опустил взгляд на экран. Действительно два.

— Второй на склад.

— У нас на складе уже три.

— Тогда убери второй.

Джек не двинулся с места.

— Ты чего такой?

— Какой?

— Обычно ты сам замечаешь, когда я пытаюсь заказать лишнее. Сегодня у нас смена ролей?

Я исправил количество, проверил артикул и отправил заказ поставщику. Потом закрыл ноутбук.

— У Хейс вчера веранда рухнула.

— Чего?! Дети?

— В порядке. У неё ссадины.

— А ты?

— А я, блядь, не падал.

— Да я не об этом. Ты там был?

— Прибежал, когда Софи закричала. Потом отвёз их к врачу.

Джек перестал улыбаться.

— Вот дерьмо. Как она вообще умудрилась туда попасть? Ты же говорил, что вход закрыт.

— Боковой настил обвалился вместе с краем веранды. Снаружи не было видно, насколько сгнила опора.

— И что теперь?

— Позвоню подрядчику. Пусть посмотрит.

— Она попросила?

— Джек, у нас клиент через двадцать минут. Займись машиной.

— Понял.

Он ушёл к подъёмнику. Я открыл журнал заказов и распределил работу на день. У одного клиента требовалось найти источник вибрации при торможении, у другого — проверить зарядку аккумулятора. Ещё нужно было согласовать стоимость ремонта старого пикапа, хозяин которого уже третий день пытался убедить меня, что запчасти в интернете стоят вдвое дешевле.

Обычный рабочий день. Никаких рыжих волос, детских криков и сломанных веранд.

Мозг, сука, считал иначе.

Я позвонил подрядчику, с которым мы несколько лет назад ремонтировали навес у мастерской. Объяснил ситуацию, отправил фотографии и договорился, что он посмотрит конструкцию снаружи, когда будет в нашем районе. Оливия накануне разрешила осмотреть повреждения, чтобы понять, насколько безопасен оставшийся проход. На этом её согласие, строго говоря, заканчивалось.

Телефон зазвонил, едва я успел убрать его в карман.

Мама.

— Дин! Господи, как Оливия? Как детки? Джек написал,

что веранда рухнула!

Я посмотрел на часы.

Четырнадцать, блядь, минут. Именно столько понадобилось моему брату, чтобы информация добралась до родителей. Ему следовало работать в новостном агентстве.

— Мам, спокойно. Их осмотрели. Тео в порядке, у Лив пара ссадин.

— А Софи всё видела?

— Да.

— Бедная девочка…

— Спроси, какая часть обрушилась, — донёсся голос отца.

— Рик!

— Мэри, нужно убедиться, что остальная конструкция безопасна.

— Я уже огородил участок, пап. Сегодня посмотрит специалист.

— Молодец, сынок.

— Дин, я приготовлю курицу с картофелем. Софи любит яблочный пирог?

— Откуда мне знать?

— Так узнай. И спроси про аллергию.

— Мам, я её сосед, а не муж.

— А я не предлагаю тебе жениться. Я предлагаю накормить детей.

Я потёр переносицу.

— Хорошо. Только не устраивай благотворительную акцию. Она такого не любит.

В трубке повисла короткая пауза.

— Ты уже неплохо её знаешь, да?

— Пока, мам. Люблю тебя.

Я отключился и обнаружил Джека у рабочего стола. Он даже не пытался притворяться, что не слушал.

— Сосед, а не муж?

— Даже не начинай.

— Восхищаюсь твоей гражданской ответственностью.

— Восхищайся молча.

— Ты даже знаешь, какую помощь она не любит.

— Джек, блядь, работай.

Он поднял руки и вернулся к машине, насвистывая свадебный марш.

Когда-нибудь я его придушу.

***

Во время обеда я достал телефон. Написать Оливии оказалось неожиданно легко. Проблема заключалась в том, что именно написать.

Дин: Как вы там?

Оливия: Живы. Тео спит, Софи рисует. А что?

Дин: Мелкая любит яблочный пирог?

Оливия: Ты решил сменить профессию?

Дин: Мама решила накормить вас. Курица, картофель, пирог. Есть аллергия или что-то, чего Софи не ест?

Оливия: Нет известных аллергий. Пирог любит. Но передай Мэри, что не нужно беспокоиться, я приготовлю ужин.

Дин: Лив, она уже собралась готовить. Можешь просто сказать, если не хочешь.

Ответ пришёл не сразу.

Оливия: Тогда немного. И спасибо ей.

Дин: Принято.

Оливия: А ты теперь официально принимаешь заказы?

Дин: Только от особо проблемных клиентов.

Оливия: Надеюсь, обслуживание включено в стоимость.

Дин: За сарказм отдельная наценка.

Оливия: Тогда я разорюсь.

Я усмехнулся и переключился на переписку с матерью.

Дин: Пирог любит. Аллергий известных нет. Только немного, мам.

Мама: Конечно, дорогой.

Я знал это её «немного». В детстве она отправляла нас на школьные экскурсии с таким количеством бутербродов, что при желании можно было организовать питание для всего автобуса.

Ещё вчера я понятия не имел, что едят трёхлетние дети. Сегодня выяснял предпочтения мелкой в выпечке. Карьерный рост, мать его.

Вечером мама написала, что договорилась с Оливией и уже отвезла ужин. Следом пришла фотография оставшегося пирога с подписью: «Заезжай, если хочешь».

Я ответил, что заеду завтра.

А потом задумался, когда Оливия вообще успевает готовить. Магазин, поставки, двое детей, дом, который требовал внимания едва ли не чаще, чем её сын. И ведь она ни разу не попросила меня сделать что-нибудь из этого за неё.

Я вспомнил своё первое впечатление о ней.

Избалованная принцесса.

Ну и мудак же ты, Морган.

***

Подрядчик подтвердил, что старый настил ремонтировать частями бессмысленно. Часть опор требовалось заменить, остальные проверить после демонтажа. Мы обсудили объём работ, материалы и местные требования. Он мог подготовить основание и помочь с проверкой конструкции, если я возьму на себя остальное.

Я попросил расчёт.

Вечером Джек обнаружил меня за списком пиломатериалов.

— Мы теперь ещё и дома строим?

— Нет.

— Тогда зачем тебе столько досок?

— Веранда Хейс.

Он придвинул стул и сел напротив.

— Ты ей сказал?

— Нет.

— А если она не захочет?

— Захочет ходить по нормальному настилу.

— Это не совсем одно и то же, Дин.

Я отложил ручку.

— Если спросить Хейс, нужна ли ей помощь, она скорее собственноручно вырастит дерево и сделает из него доски.

— Ну так пусть решает сама.

— Пока она решает, ей приходится обходить половину дома с ребёнком на руках.

— И ты решил подарить ей веранду?

— Я решил заменить гнилые доски. Не покупаю ей кольцо, успокойся.

— Я спокоен. Просто интересно, как ты объяснишь это женщине, которая даже за перенос коробки чуть не выставила тебе счёт.

Я посмотрел на расчёт. Сумма была вполне посильной. Несколько дней работы, если подготовить всё заранее. Никаких грандиозных изменений, никакого вмешательства внутрь дома. Восстановить прежнюю конструкцию, сделать нормальные ступени и ограждение.

— Джек, мне нужна помощь, а не философия.

— А мне нужен выходной.

— Значит, оба получим не то, что хотим.

Он рассмеялся.

— Финна тоже позовёшь?

— Уже собираюсь.

— Бедный парень. Даже не подозревает, что у него появи-

лась вторая специальность.

Я написал младшему брату. Ответ пришёл через пять минут.

Финн: Сколько платишь?

Дин: Обед.

Финн: Два обеда.

Дин: Один обед и кофе.

Финн: Договорились. Что строим?

Дин: Веранду.

Финн: У тебя же есть веранда.

Джек, заглянув в экран, расхохотался.

— Давай, объясни ему.

Я заблокировал телефон.

— На месте разберётся.

***

В пятницу я заехал в центр забрать детали у поставщика и остановился возле книжного. Через витрину уже были видны полки. На одной стояла маленькая деревянная фигурка яблони, на другой — книги с яркими обложками. Оливия явно не собиралась превращать помещение в очередной склад с кассой.

Она вышла на мой стук, придерживая дверь.

— Дин. Ты умеешь читать?

— По слогам.

— Тогда могу подобрать что-нибудь с крупным шрифтом.

— Очень щедро.

Она улыбнулась. На ней были джинсы и светлая футболка под расстёгнутым кардиганом. Волосы собраны в небрежный хвост. На локте ещё оставался пластырь.

— Как рука?

— На месте. Даже функционирует.

— Хорошо. Завтра возле старого настила будут работы. Пока пользуйтесь кухонным выходом, как договорились.

— Мастер наконец освободился?

— С повреждённой частью разберёмся.

— Отлично. Я всё ещё жду от него окончательный расчёт.

Я кивнул. Не стал уточнять, что расчёт уже лежит у меня в машине. Она знала, что опасную часть предстоит разобрать. О том, что я заказал материалы для восстановления всей веранды, понятия не имела.

Из магазина послышалось недовольное кряхтение Тео. Оливия оглянулась, затем поправила кардиган. На светлой ткани футболки я заметил влажное пятно.

И совершенно некстати вспомнил, насколько охренительно красивая у неё грудь.

Блядь.

Я перевёл взгляд на вывеску. Чернила и яблони. Прекрасное название. Очень литературное. Ни одной причины думать о том, как выглядела бы эта женщина в моей постели, с распущенными волосами и без одежды.

— Ты чего замолчал?

— Задумался.

— Опасное занятие.

— Не говори.

Она посмотрела вниз, заметила пятно и запахнула кардиган.

— Мне надо вернуться к Тео.

— Иди, Лив. Потом договорим.

— Пока, Дин.

— Пока.

Я вернулся к пикапу и сел за руль.

Я собирался обсудить доски. Доски, Морган. Не то, как охренительно на ней сидит эта футболка. Мозг, кажется, окончательно перестал выполнять должностные обязанности.

И тут я заметил в зеркале Итана, который шёл по тротуару с бумажным пакетом. Он остановился возле книжного, заглянул в окно и помахал кому-то внутри.

Я завёл двигатель.

Мне было совершенно неинтересно, зачем он пришёл.

Поэтому я, разумеется, ещё раз посмотрел в зеркало.

***

Субботнее утро началось с того, что Финн стоял возле моего гаража с кофе и выражением лица человека, которого обманом вывезли на каторгу.

— Ты сказал, что мы строим веранду.

— Так и есть.

— А почему доски лежат у соседнего дома?

— Потому что веранда там.

Он медленно повернулся к Джеку.

— Он серьёзно?

— Абсолютно. Наш брат открыл новую страницу в истории семейного бизнеса.

— Мы занимаемся недвижимостью?

— Нет, — ответил я.

— Благотворительностью, — уточнил Джек.

— Возьмите перчатки и заткнитесь оба.

Оливия с детьми уехала в магазин рано утром. Я предупредил её, что сегодня начнётся демонтаж опасной части и что к ограждению подходить нельзя. Она поблагодарила и попросила сообщить, когда можно будет вернуться к обычному входу.

Подрядчик заранее подготовил необходимые работы по основанию, согласовал конструкцию и приехал проверить открывшиеся после демонтажа участки. Мы не пытались сохранить то, что уже нельзя было безопасно использовать. К середине утра старые доски лежали отдельной кучей, а Джек обнаружил под ними ржавую садовую лопатку.

— Смотрите. Археологическая находка.

— Положи отдельно. Это её вещи.

— Даже мусор согласовываем с хозяйкой?

Финн посмотрел на него.

— А ремонт?

Джек громко рассмеялся.

— Вот именно, малыш. Вот именно.

— Мне девятнадцать.

— Поздравляю. Держи доску.

Работа шла не так быстро, как хотелось. Старый дом обладал собственным мнением о прямых углах. Приходилось перепроверять размеры, подгонять детали и следить за тем, чтобы новая конструкция не повторяла ошибок старой. Финн оказался терпеливее Джека, зато Джек лучше управлялся с тяжёлыми элементами.

— Напомни, когда мы открыли строительную компанию? — спросил он, выпрямляясь.

— Заткнись и держи доску.

— Финн, слышал? Работаем бесплатно.

— Я вообще приехал домой отдохнуть.

— Отлично, отдохнёшь с шуруповёртом.

— Мама узнает, что ты эксплуатируешь младшего.

— Мама принесёт вам пирог.

— А это уже аргумент, — признал Финн.

Через полчаса Джек включил музыку. Ещё через десять минут Финн потребовал переключить песню. Я предложил обоим работать в тишине, после чего они единодушно решили, что первая песня была прекрасной.

Мой план провести выходные в тишине официально превратился в семейный подряд без зарплаты.

***

Мама приехала около полудня. Из машины она достала

две сумки и контейнер, размеры которого позволяли предположить, что она собирается накормить не только нас, но и случайных прохожих.

— Мам, — оживился Джек, — усынови меня ещё раз.

— Сначала убери опилки с футболки.

Финн уже мыл руки у моего гаража. Я помог перенести сумки на стол во дворе. Мама посмотрела через забор на новый каркас.

— Хорошо получается. Оливия выбрала такую конструкцию?

Я открыл контейнер.

— Мы восстанавливаем старую.

— Она попросила тебя об этом?

— Нет.

— А она знает, что вы здесь?

— Знает, что разбираем опасный участок.

— А что вы строите новую веранду?

Я промолчал.

Мама тяжело вздохнула.

— Дин, дорогой, иногда у тебя бывают прекрасные намерения и совершенно идиотские способы их реализации.

— Спасибо, мам.

— Всегда пожалуйста. Мойте руки, я привезла обед.

— Мам, ну серьёзно, — сказал я. — Она бы отказалась.

— Возможно. А возможно, согласилась бы на других условиях. Это её дом.

— Я ничего от неё не хочу.

— Я знаю. Но она-то откуда должна это знать?

Я не нашёлся с ответом.

Джек, к счастью, был слишком занят едой, чтобы вставить очередное замечание. Финн передал мне тарелку и сел рядом.

— Курица отличная, — сообщил он.

— Спасибо, дорогой.

— Дин обещал мне кофе.

— Дин взрослый мальчик. Пусть выполняет обещания.

— Дин сидит прямо здесь, — напомнил я.

Мама поцеловала меня в висок, как делала с детства, и отправилась за салфетками.

Я посмотрел на соседний дом. Возможно, стоило действительно поговорить с Оливией. Но половина работы уже была сделана, материалы куплены, а мысль о том, что она снова начнёт выяснять стоимость каждой доски, вызывала у меня желание спрятать чеки в сейф.

Потом поговорим.

Когда будет готово.

***

После обеда мы вернулись к работе. Финн подавал крепёж, Джек занимался настилом, я проверял размеры и помогал с ограждением. Подрядчик должен был ещё раз осмотреть результат перед тем, как верандой можно будет пользоваться.

— Дин, — позвал Финн.

— Что?

— А она вообще давно здесь живёт?

— Несколько недель.

— И у неё двое детей?

— Да.

— Джек сказал, она красивая.

— Джек много чего говорит.

— А ты не согласен?

Я посмотрел на младшего брата. Он спокойно ждал ответа, держа в руке коробку с крепежом.

— Ты приехал помогать или проводить опрос общественного мнения?

— Помогать. Но опрос бесплатный.

Джек прыснул со смеху.

— Я горжусь тобой, Финн.

— Оба идите нахуй.

— Мама сказала не ругаться, — напомнил младший.

— Мама уехала.

— А воспитание осталось.

Иногда мне казалось, что родители завели ещё двоих детей исключительно для того, чтобы я не слишком наслаждался жизнью.

К вечеру новый настил был на месте. Оставалось закончить несколько деталей отделки и дождаться окончательной проверки. Я собрал обрезки, убрал инструмент и оста-

вил ограждение, чтобы никто не решил опробовать ступени раньше времени.

Джек сделал несколько фотографий для отчёта о материалах.

— Дин, ты хотя бы понимаешь, что мы только что улучшили дом, который ты хотел купить?

— Понимаю.

— И бесплатно?

— Джек.

— Всё, молчу.

Финн унёс коробку с инструментами в гараж. Я остался возле новой веранды и посмотрел на окна дома. Когда-то здесь не было ничего, кроме пыли, сорняков и моих планов на расширение мастерской. Теперь на подоконнике стоял горшок с растением, а возле кухонной двери лежал маленький коврик с нарисованными яблоками.

Я представил, как Софи будет сидеть на ступеньке с Заей. Как Оливия выйдет утром с чашкой кофе, если Тео хотя бы однажды позволит ей выпить его горячим.

И поймал себя на совершенно идиотском желании увидеть её лицо, когда она вернётся.

Я собирался купить этот чёртов дом, снести половину построек и расширить собственную территорию. А теперь стоял на чужом участке с шуруповёртом в руках и строил веранду для женщины, которая даже не просила меня об этом.

Охуенный бизнес-план, Морган.

Глава 11. Сколько я тебе должна?

ОЛИВИЯ

— Мамочка, а когда у нас будут покупатели?

Я оторвалась от ноутбука. Софи сидела в детском уголке, окружённая цветными карандашами, листами бумаги и книгами, которые уже успела отобрать для своего плюшевого зайца.

— Когда мы закончим подготовку магазина, солнышко.

— А сегодня?

— Нет.

— А завтра?

— Тоже нет.

— А послезавтра?

— Софи, ты решила провести со мной деловые переговоры?

— А что это?

— Когда люди очень долго разговаривают, чтобы получить то, что хотят.

— Тогда да.

Нора рассмеялась за соседним стеллажом.

— Из неё получится прекрасная предпринимательница.

— Или специалист по доведению матери до нервного истощения.

— Мамочка, а Зая может продавать книжки?

— Если научится пользоваться кассой.

Софи серьёзно посмотрела на игрушку.

— Я его научу.

Первый сотрудник, готовый работать исключительно за морковку и объятия. Неплохое начало.

Я вернулась к таблице. За последние дни магазин преобразился настолько, что иногда я сама удивлялась, переступая порог. Стеллажи постепенно заполнялись книгами, возле окна стояли два уютных кресла, а детский уголок почти приобрёл окончательный вид. Правда, Софи уже внесла собственные коррективы в его оформление. Спорить с дизайнером трёх лет от роду оказалось бесполезно.

Я поправила рукав свитера, прикрывавший ссадину на локте. Колено всё ещё немного ныло, но ходить стало гораздо легче. Каждый раз, глядя на Тео, я благодарила вселенную за то, что он не пострадал. Сын мирно спал в кроватке в соседней комнате, совершенно не подозревая, что его мать с тех пор вздрагивала от любого подозрительного скрипа половиц.

Сегодня я собиралась закончить каталогизацию новых поступлений, определиться с оформлением витрины и вернуться домой до ужина. Вполне осуществимый план.

Дверь магазина распахнулась.

— Оливия Хейс, какого хрена?!

Я подняла голову. На пороге стояла Хлоя с тремя стаканчиками кофе, бумажным пакетом и выражением лица жен-

щины, готовой предъявить мне обвинение в преступлении против человечества.

— И тебе доброе утро.

— Я узнаю от знакомых, что ты провалилась под веранду с ребёнком на руках!

— Технически не под веранду. Скорее, вместе с её частью.

— Охуенно, Лив. Мне сразу стало легче.

— Хлоя, здесь дети, — напомнила Нора.

— Простите. Офигительно, Лив.

Я невольно рассмеялась.

— Привет, Хлоя! — обрадовалась Софи.

— Привет, рыжая красавица! Как ты?

— Хорошо. А Зая сегодня работает.

— Уже? Господи, какой ответственный мужчина.

Хлоя поставила кофе на прилавок и снова повернулась ко мне.

— Как Тео? Как ты? Вы были в больнице? Почему ты вообще здесь, а не лежишь дома?

— Дышать между вопросами пробовала?

— Оливия.

— Мы в порядке. Правда. Тео осмотрели, у него ничего нет. У меня пара ссадин.

— А написать мне?

— Зачем?

Она посмотрела на меня так, словно я только что спросила, зачем людям кислород.

— Потому что мы подруги, придурочная, — последнее слово она произнесла вполголоса, покосившись на Нору.

Подруги.

Она сказала это так буднично, словно данный факт уже давно был установлен и совершенно не нуждался в обсуждении.

— Мы знакомы всего несколько дней.

— И? Некоторые люди успевают за несколько дней пожениться в Вегасе. А я всего лишь предлагаю тебе дружить.

— Убедительный аргумент.

— Я вообще очень убедительная женщина.

— Особенно когда врываешься в чужие магазины с обвинениями, — заметила Нора.

— Нора, вы же знаете, что я делаю это исключительно из любви.

— Знаю, дорогая. Уже лет двадцать наблюдаю.

Хлоя протянула ей стаканчик.

— Вам без сахара. А тебе, Лив, с молоком.

— Ты запомнила?

— У меня хорошая память на важную информацию. Предпочтения в кофе, дни рождения, имена бывших и причины, по которым они стали бывшими.

Она достала из пакета печенье в форме медведя и вопросительно посмотрела на меня.

— Софи можно?

— Одно можно.

— Отлично. Софи, у меня для тебя кое-что есть.

— Медведь! А у него есть имя?

Хлоя внимательно осмотрела печенье.

— Мне кажется, он похож на Роберта.

— Роберт, — повторила дочь.

— Только боюсь, у Роберта сегодня не самый удачный день.

— Почему?

— Потому что его сейчас съедят.

Софи захихикала. Я сделала глоток кофе.

Иногда мне казалось, что в Брайарвуде можно было чихнуть у себя на кухне, а через двадцать минут получить соболезнования от половины города.

— И кто тебе рассказал?

— Одна знакомая встретила человека, который слышал об этом от другого знакомого.

— Очень надёжный источник.

— Добро пожаловать в Брайарвуд.

— К концу недели я, наверное, узнаю, что погибла.

— Не исключено. А ещё выяснится, что у тебя был тайный любовник и незаконнорождённый ребёнок от местного мэра.

— Хлоя, дорогая, тебе действительно следует читать меньше романов, — покачала головой Нора.

— Не говорите подобного в книжном магазине. Это практически измена родине.

Я рассмеялась. Эта женщина появилась здесь меньше де-

сяти минут назад, а мне уже казалось, что я выпила не кофе, а подозрительную смесь антидепрессантов и энергетика.

— А дядя Дин прибежал к нам, — сообщила Софи, откусив голову Роберту.

Хлоя медленно повернулась ко мне.

О нет.

— Дин Морган?

— Ты знаешь другого Дина, живущего по соседству со мной?

— Высокий, татуированный, вечно недовольный жизнью?

— Удивительно точное описание.

— Подробности.

— Я упала. Он услышал Софи, прибежал и вызвал помощь.

— И?

— Что «и»?

— Господи, Лив. У тебя буквально сюжет любовного романа.

— У меня двое детей, разваливающийся дом и ипотека на нервную систему.

Хлоя наклонилась ближе, понизив голос:

— Угрюмый сексуальный сосед, мать-одиночка, маленький город…

— Хлоя.

— Что? Я просто перечисляю факты.

— Дин хороший парень, — заметила Нора. — Хотя ха-

рактер у него с детства непростой.

— Вот! Даже Нора подтверждает!

— Нора подтверждает, что у него отвратительный характер.

— Но ты не отрицаешь, что он сексуальный.

Я сделала большой глоток кофе.

— Тебе совершенно нечем заняться?

— Теперь есть чем. Итак. Как часто вы общаетесь?

— Недостаточно редко.

— Он свободен.

— Поздравляю его.

— И умеет готовить.

— Откуда ты знаешь?

Хлоя прищурилась.

— А ты откуда знаешь?

Чёрт.

— Я не говорила, что знаю.

— Но ты заинтересовалась.

— Источником твоей информации.

— Мэри рассказывала. А теперь рассказывай ты. Он приносил тебе еду?

Я молчала.

— О боже мой. Он приносил тебе еду!

— У него осталось лишнее.

— Конечно. А я вчера совершенно случайно купила три новые книги, хотя собиралась экономить.

— Это разные вещи.

— Разумеется. Мои отношения с книгами гораздо стабильнее.

Софи подошла к нам, держа зайца за ухо.

— А дядя Дин умеет смешно улыбаться.

— Правда? — удивилась я.

— Вот так!

Она растянула губы, зажмурила глаза и изобразила такую нелепую гримасу, что Хлоя едва не подавилась кофе.

— Он так сделал, когда мы ждали тебя и Тео!

В больнице мне было не до того, чтобы следить за происходящим в коридоре. Я помнила лишь, что в какой-то момент услышала смех дочери и почувствовала невероятное облегчение.

Значит, это он.

Мужчина, который ещё совсем недавно выглядел так, будто само существование детей по соседству нарушало его конституционные права, сидел в больничном коридоре и корчил рожицы моей трёхлетней дочери.

Я попыталась представить эту картину. Получилось слишком хорошо.

— Дядя Дин смешной, — заключила Софи.

— Вот видишь, — довольно произнесла Хлоя.

— Что именно?

— Даже ребёнок на моей стороне.

— Ребёнок не знает, на чьей он стороне.

— Мамочка, а на какой я стороне?

— На стороне печенья, солнышко.

— Да!

Мне определённо следовало подружиться с женщиной, которая увлекалась вышиванием. Или коллекционированием марок. Чем угодно, кроме любовных романов и моей несуществующей личной жизни.

— Кстати, если тебе понадобится информация о местных холостяках, обращайся. Я составлю рейтинг. Внешность, характер, наличие работы, эмоциональная доступность…

— Последнее сразу исключает Моргана.

Она замерла. Затем медленно улыбнулась.

— Ага.

— Что?

— Ты только что сама включила его в список кандидатов.

Блядь.

— Нора, у нас случайно нет скотча?

— Зачем?

— Заклеить ей рот.

— Насилие над покупателями! Какой ужасный сервис!

***

Хлоя собиралась остаться на десять минут. Спустя час она сидела на полу возле стеллажа с любовными романами и с выражением абсолютного счастья рассматривала обложки.

— Эту читала. Эту тоже. Здесь главный герой идиот, но очень красивый. А эту обязательно поставь на видное место.

— Почему?

— Потому что я плакала над ней до трёх часов ночи.

— Звучит как отличная реклама.

— Именно. Женщины любят платить деньги за эмоциональные страдания.

Я присела на стул рядом с ней. Мы обсудили разделы для новинок, современные романы, фэнтези и небольшие карточки с рекомендациями. Хлоя предложила написать на одной из них: «Для тех, кто хочет влюбиться в мужчину, которого в реальной жизни следовало бы заблокировать».

— Не уверена, что это подходит для официальной рекламы.

— Зато честно.

Я записала идею о карточках. На самом деле в предложениях Хлои было немало полезного. Она много читала и прекрасно понимала, что может заинтересовать местных покупателей.

— А книжный клуб?

— После открытия. Сначала нужно разобраться с обычной работой магазина.

— Я могу поспрашивать знакомых, кому это интересно. Если хочешь.

— Было бы здорово.

— Отлично. Только никому ничего не обещаю без твоего разрешения.

Из соседней комнаты донеслось недовольное сопение Тео.

— Кажется, проснулся начальник.

— Настоящий владелец бизнеса, — согласилась Хлоя.

Я отправилась к сыну. Он лежал в кроватке, активно размахивая руками, и при виде меня немедленно сморщил нос.

— Доброе утро, мой прекрасный мужчина.

Тео издал возмущённый звук.

— Да, я тоже считаю, что обслуживание здесь отвратительное.

Я взяла его на руки, поцеловала в щёчку и устроилась в кресле для кормления. За дверью слышались голоса Норы, Хлои и Софи. Судя по всему, в магазине началось собеседование.

— Итак, мистер Зая, какой у вас опыт работы?

— Он умеет сидеть, — ответила Софи.

— Уже лучше, чем у некоторых моих коллег. А с покупателями общаться умеет?

— Он не разговаривает.

— Прекрасно. Значит, не будет спорить с начальством.

— А ещё он умеет обниматься!

— Это у нас дополнительная квалификация. Нора, берём?

— С испытательным сроком.

— А сколько ему будут платить? — спросила Софи.

— Две морковки в день.

— Три!

— Серьёзные переговоры. Ладно, три.

Я улыбнулась, глядя на рыжую макушку сына. Мне нра-

вилось слышать, как дочь разговаривает с другими людьми. Как её голос становится громче, когда она перестаёт стесняться. Как она с невероятной серьёзностью объясняет взрослым правила своего маленького мира.

Когда я вернулась в зал, Софи уже рисовала зайцу бейдж. Хлоя освободила для меня стул и принялась складывать книги на нижнюю полку.

— Слушай, я серьёзно, — сказала она чуть позже, когда Нора отошла к прилавку. — Если тебе что-нибудь понадобится, просто напиши.

— Я справляюсь.

— Я вижу. Но я не говорю, что ты не справляешься.

Я подняла на неё взгляд.

— Просто иногда можно позвонить подруге. Даже если тебе нужно всего лишь пожаловаться на жизнь или назвать кого-нибудь мудаком.

— У тебя своеобразное представление о дружбе.

— Зато очень практичное. Кофе, сплетни и моральная поддержка. Полный пакет услуг.

— Сколько стоит подписка?

— Один кофе в неделю и обязательное обсуждение книжных мужчин.

— Грабёж.

— Никаких скидок.

Я улыбнулась.

— Договорились.

Мне вдруг захотелось спросить, почему именно я. Почему она вообще решила, что хочет со мной общаться? Я не была особенно разговорчивой, не могла сорваться вечером в бар, не располагала свободными выходными. Даже чашку кофе зачастую пила в несколько подходов. Но Хлоя не выглядела женщиной, которую всё это смущало.

— На следующей неделе пообедаем? — предложила она. — Выберем день, когда тебе удобно. Все вместе.

— А Зая? — тут же уточнила Софи.

— Разумеется. Я вообще-то рассчитывала прежде всего на его общество.

— А Тео?

— И Тео. Хотя он пока не самый интересный собеседник.

— Он ещё маленький!

— Ладно, дадим ему время исправиться.

Хлоя ушла только после того, как получила от Софи рисунок с четырьмя человечками и существом, которое, судя по длинным ушам, должно было изображать Зая.

— А это кто? — спросила она, указывая на фигуру с огромной головой.

— Ты.

— Ох. Какое сходство. Особенно ноги.

— Это руки.

— Ещё лучше.

Она бережно убрала рисунок в сумку, помахала нам и исчезла за дверью.

Я всё ещё не понимала, почему эта женщина решила впустить меня в свою жизнь. Но, пожалуй, впервые мне не хотелось искать подвох.

***

К концу рабочего дня я успела внести в каталог гораздо меньше книг, чем планировала, зато мы с Норой окончательно определились с витриной. Я закрыла ноутбук, собрала детские вещи и проверила, не остались ли под креслом карандаши.

— Завтра отдохните, — сказала Нора, надевая пальто. — Книги никуда не убегут.

— Вы уверены? У некоторых из них довольно подозрительные обложки.

— Тогда запрем дверь покрепче.

Я помогла Софи надеть куртку, устроила Тео в автокресле и наконец выехала с парковки. На светофоре дочь объявила, что теперь ей необходим собственный бейдж, поскольку она тоже работает в магазине.

— А какая у тебя должность?

— Мамина помощница.

— Самая важная должность.

— А у Тео?

— Начальник отдела сна.

— Он плохо работает.

— Даже не представляешь насколько.

Я свернула на нашу улицу, машинально посмотрела в сто-

рону дома и нажала на тормоз.

Что за…

На мгновение мне показалось, что я перепутала адрес. Перед домом, там, где ещё недавно торчали остатки старых досок и стояло ограждение, была веранда. Новая. С ровным настилом, аккуратными ступенями и светлым деревянным ограждением.

Я знала, что повреждённый участок собирались разобрать и проверить. Но это совершенно точно не было разборкой.

Возле ступеней стоял Джек. Незнакомый парень складывал инструменты в ящик, а Дин, наклонившись над перилами, что-то проверял.

— Мамочка, у нас новая лесенка!

— Вижу, солнышко.

Я припарковалась и несколько секунд просидела за рулём. Потом достала Тео, помогла Софи выйти и направилась к мужчинам по безопасной дорожке.

Джек заметил меня первым.

— А вот и хозяйка! Добрый вечер, прекрасная леди.

— Добрый…

Дин выпрямился. На его футболке были опилки, волосы растрепались, а на предплечье виднелась светлая полоска древесной пыли.

— Привет, Лив.

Я посмотрела на него. Потом на веранду. Потом снова на него.

— Дин, что это?

— Веранда.

— Я вижу, что не космический корабль. Почему она новая?

— Потому что старая была дерьмом.

— Ты серьёзно?

— Вполне.

Джек тихо фыркнул.

— Не обращай внимания. У него проблемы с торжественными речами.

Я подошла чуть ближе, остановившись перед ограждением. Новые доски пахли деревом. Ступени были шире прежних, а перила выглядели достаточно крепкими, чтобы за них можно было держаться, не опасаясь оказаться на земле вместе с ними.

— Пока не ходите по ней, — предупредил Дин. — Осталась окончательная проверка и пара мелочей.

— Но… когда?

— Сегодня основное закончили.

Я открыла рот и закрыла его. Не знала, что сказать. Передо мной была именно та веранда, которую я представляла, когда впервые приехала сюда с детьми. Не роскошная, не вычурная. Просто нормальная. Безопасная. Место, где Софи могла бы сидеть с книжкой, а я — пить кофе по утрам.

— Мам, а можно потом здесь поставить стульчик для Заи?

— Конечно, маленькая. Потом.

— И для Тео?

— И для Тео.

Я почувствовала, как на глазах выступили слёзы, и поспешно моргнула. Только этого не хватало. Разреветься перед тремя мужчинами из-за нескольких квадратных метров дерева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.